

Г. БАНГЪ.

Г БАНГЪ

БѢЛЫЙ ДОМЪ

СТРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

Германъ Бангъ.

БѢЛЫЙ ДОМЪ

СТРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

Переводъ Я. Сегаль.

Москва. — 1911.

Типографія В. М. Сабліна.
Москва, Петровка, домъ Обидиной. Тел. 131-34.

Германъ Бангъ.

Германъ Бангъ, — одинъ изъ лучшихъ датскихъ писателей нашего времени, — родился въ 1857 году на островкѣ Альсѣ (Als) въ семьѣ пастора. Онъ принадлежитъ къ древнему дворянскому роду и насчитываетъ среди своихъ предковъ многихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, юристовъ и архіепископовъ. Маленькому Герману было всего лѣтъ семь, когда вспыхнула война Даніи съ Пруссіей. Впечатлѣнія ужаса, охватившаго жителей мирнаго островка при извѣстіяхъ о пораженіи датчанъ и о возможномъ занятіи пруссаками Альса, такъ врѣзались въ его память, что онъ впоследствии время отъ времени переживалъ эти смутныя тревоги испуганной дѣтской души; онѣ всплывали то въ одномъ, то въ другомъ изъ его произведеній, отразились во всемъ его безпокойномъ, вѣчно ищущемъ и вѣчно недовольномъ творествѣ. По окончаніи войны, семья пастора Банга, переселилась въ Зеландію. Начинаются ученическіе годы Банга; 18-ти лѣтъ (въ 1875 году) онъ поступаетъ въ академію въ Сёрё (Sögö). Окончивъ курсъ академіи, Бангъ рѣшилъ избрать сценическую карьеру, о которой онъ мечталъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ. Но его попытка въ этомъ отно-

шеніи не удалась: директоръ одного изъ копенгагенскихъ театровъ, къ которому онъ явился, сказалъ послѣ пробы, что о сценѣ ему и думать нечего. Бангъ однако чуть не отправился въ провинцію съ одной небольшой труппой, но въ самое послѣднее мгновеніе перемѣнилъ свое рѣшеніе и остался въ Копенгагенѣ. Небольшихъ средствъ, доставшихся ему отъ умершаго дѣда — доктора Оле Банга, хватило ненадолго, и Германъ Бангъ, послѣдній отпрыскъ знатнаго рода, мечтавшій о возрожденіи былого величія и богатства своихъ предковъ, стоялъ на порогѣ къ нуждѣ.

Къ этому времени — мечтаній о будущемъ и нужды въ настоящемъ — относятся его первыя литературныя попытки. Онъ написалъ одноактную пьесу, затѣмъ нѣсколько статей, которыя помѣстилъ въ одной провинціальной газетѣ. Нѣсколько его набросковъ было напечатано въ «*Nutiden*» («Настоящее время»). Сюжетъ одного изъ этихъ набросковъ онъ впоследствии разработалъ въ своемъ первомъ большомъ романѣ «*Naabløse Slægter*» — («Безнадежныя поколѣнія»).

Вскорѣ Бангъ становится профессиональнымъ журналистомъ, участвуетъ во многихъ копенгагенскихъ газетахъ въ качествѣ театральнаго рецензента, хроникера, фельетониста, и критика. Его статьи о литературѣ и искусствѣ создаютъ ему имя въ литературныхъ и артистическихъ кругахъ. Нѣкоторое время онъ стоитъ во главѣ одного большого литературнаго предпріятія («*Ver Vid*» — «Наше время»), которое кончается крахомъ.

Этотъ крахъ сильно повліялъ на Банга: онъ не въ состояніи былъ оставаться на родинѣ и отправился за

границу — въ Германію. Съ тѣхъ поръ началась его кочевая жизнь, полная тревогъ и безпокойства. Полиція почему-то не влюбилась Банга и нѣкоторое время неустанно преслѣдовала его, заставляя переселяться изъ одного города въ другой. Бангъ сначала поселился въ Берлинѣ. За корреспонденцію въ одной изъ норвежскихъ газетъ его выслали, какъ «неблагонадежнаго иностранца». Та же участь постигла его въ Мейнингенѣ. Придирки со стороны полиціи заставили его покинуть и Вѣну, откуда онъ перекочевалъ въ Прагу. Это время скитаній было одной изъ самыхъ продуктивныхъ эпохъ въ творествѣ Банга. Послѣ «Naablöse Slægter» — романа, вышедшаго еще во время пребыванія Банга на родинѣ, одновременно съ романомъ I. П. Якобсена, «Нильсъ Люнэ», — появляются его «Ekscentriske Noveller» (Эксцентричныя новеллы). Въ этихъ своеобразныхъ разсказахъ проявляется вся сила его таланта. Глубокій пессимизмъ — таковъ тотъ фонъ, на которомъ дѣйствуютъ странные персонажи «эксцентричныхъ новеллъ». Этотъ пессимизмъ не разсуждаетъ — онъ только показываетъ. Яснымъ, отрывистымъ языкомъ передаетъ онъ маленькія детали и рисуетъ будничныя трагедіи. Передъ нами проходятъ официанты, клоуны и укротители звѣрей, дѣти-виртуозы — существа, назначеніе которыхъ кормить и забавлять «публику» при яркомъ свѣтѣ электричества, подъ веселые звуки музыки. А смерть скалить свои зубы изъ-за веселой улыбки клоуна, и ужасъ загубленной человѣческой жизни глядитъ на насъ съ эстрады, на которой концерттрируетъ «семилѣтній чудоскрипачъ Шарль Дюпонъ».

«Ved Vejen» («У дороги») — лучшая вещь Германа Банга — написана имъ во время пребыванія въ Вѣнѣ въ 1885 году. Въ ней изображена семья начальника станціи. Живутъ «у дороги», по которой проносятся поѣзда, какъ бы олицетворяющіе собою захватывающую кипучую жизнь большого города. Но они пробѣгаютъ мимо даже не останавливаются на захолустной станціи, гдѣ течетъ мирная, маленькая жизнь съ маленькими заботами и маленькими радостями. Въ этой обстановкѣ разыгрывается душевная драма героини повѣсти, Катинки (Katinka), которая замужемъ за здоровымъ и грубымъ отставнымъ лейтенантомъ и полюбила слабохарактернаго Хуса (Hus). Повѣсть кончается смертью Катинки. На станціи «у дороги» попрежнему течетъ тихая и довольная жизнь. Черезъ всю эту обыкновенную исторію, какъ «лейтъ-мотивъ», проходитъ простая, грустная дѣсенка:

Ласковыя рѣчи
Счастья мигъ мнѣ дали,
Ласковыя рѣчи.
Жизнь съ собою взяли,
Ласковыя рѣчи.

Этотъ напѣвъ повторяется и въ другой, похожей на «Ved Vejen» повѣсти — въ «Бѣломъ домѣ». Съ какой-то необыкновенной простотой и любовью Бангъ описываетъ, какъ живетъ «мама». Зимнія развлечения, весна, лѣто, сборъ винограда и опять наступленіе зимы, — въ этихъ рамкахъ свѣтлыми, какъ бы акварельными красками написанъ потретъ нѣжной, какъ тепличный цвѣ-

токъ, души, смятой грубыми руками, тоскующей по какимъ-то невѣдомымъ, призрачнымъ странамъ. «Der er ej Verden udenfor Verona» — (Нѣтъ міра внѣ Вероны) — шепчетъ «мама», глядя въ даль на догорающей закатъ. Въ эту полунепонятную фразу вылилось все ея томленіе по другому, свѣтлому міру. Впослѣдствіи Бангъ взялъ эти слова эпитафіемъ къ собранію всѣхъ своихъ лучшихъ разсказовъ, символизируя въ нихъ свои исканія «сказочной страны Бимини», которую, по словамъ Гейне, всѣ мы ищемъ разъ въ жизни.

«Бѣлый домъ» и «Сѣрый домъ» заключаютъ въ себѣ несомнѣнно нѣкоторыя автобіографическія данныя, а образъ «мамы», по признанію самого Банга, списанъ съ матери писателя. Автобіографическій характеръ носитъ и романъ «Тина» («Tine») — въ которомъ описываются кошмарныя впечатлѣнія датско-прусской войны.

Время журналистической дѣятельности и краха «Vor Tid» нашли свои отголоски въ романѣ «Stuck», гдѣ въ нѣсколько преувеличенной формѣ, подъ сильнымъ влияніемъ Золя, Бангъ изображаетъ жизнь «мірового города» Копенгагена.

Романъ «Ludvigsbakke» («Холмъ Людвигъ») и собраніе разсказовъ «Under Aaget» («Подъ ярмомъ») повѣствуютъ намъ все о тѣхъ же «тихихъ существахъ», по опредѣленію Банга, которыя тащатъ ярмо жизни и изнемогаютъ подъ его тяжестью. Сидѣлка («Холмъ Людвигъ»); старая дѣва, обучающая балетнымъ приѣмамъ и салоннымъ танцамъ неуклюжихъ крестьянскихъ дѣтей («Ирена Гольмъ»); старая дѣва, содержащая пансіонъ и вѣчно страдающая головной болью отъ шума жиль-

цовъ и кухоннаго чада («Фрекенъ Кайя») — Бангъ поражаетъ насъ своимъ умѣньемъ проникать въ маленькій міръ этихъ людей, незамѣтно ведущихъ свое полу-призрачное существованіе, гдѣ-то на задворкахъ жизни.

Изъ его послѣднихъ вещей очень интересна полусмѣшная, полугрустная новелла «Лѣтнія удовольствія» («Sommerglæder»), съ ея картинками датской провинціальной жизни, пирושекъ и пикниковъ. Мотто этого разсказа, французская фраза: «La vie est bien triste; enfin rions», — «Жизнь, очень печальна, давайте же смѣяться». Въ 1907 году вышли его «Тайнственные разсказы» («Sælsomme Fortællinger»), посвященные ирраціональному въ человѣческой психикѣ, напоминающіе намъ нѣкоторые разсказы Эдгарда Поэ. Бангу теперь всего лишь 52 года; его послѣднія произведенія обнаруживаютъ такую зрѣлость таланта и выработанность техники изложенія, что мы въ правѣ ожидать отъ него еще много интересныхъ по замыслу и оригинальныхъ по выполнению вещей.

Яковъ Сегаль.

БѢЛЫЙ ДОМЪ.

— Дѣтство—основной тонъ всей жизни, мама. Остальныя краски наносятся уже на него. Когда я хотѣлъ воспринимать, я воспринималъ твою борьбу, твои страданія. Во всеобщемъ хаосѣ я считалъ счастьемъ только одно—ибо чувствовалъ, что это дѣлаетъ тебя счастливой: спокойствіе, спокойствіе. Я понималъ это еще ребенкомъ. И самое глубокое переживаніе юноши: „женщина“, — не открылось моимъ глазамъ. Я вѣдь такъ люблю жизнь, мама, я знаю, какъ жизнь сильна, и слабо вдыхаю ароматъ цвѣтовъ любви, но самое лучшее все-таки моя тоска—я нищій у дороги, и дѣвушки проходятъ мимо меня, направляясь къ веснѣ.

— А твои творенія, мой сынъ? Развѣ ты не пережилъ того, что ты можешь дать людямъ?

— Я давалъ имъ мои муки; это ихъ трогало—а мнѣ лично это ничего не приносило, я расточалъ свое сердце, не получая взамѣнъ ничего, не радуясь...

Георгъ Гирифельдъ.

*Tell me the tales
That to me were so dear,
Long long ago —
Long long ago.*

*Long, long ago —
long ago.*

Дни дѣтства, васъ хочу я призвать назадъ, беззаботныя, милыя времена, о васъ хочу съ любовью вспомнить.

Снова зазвучать легкіе шаги моей матери по свѣтлымъ комнатамъ, и люди, посѣдѣвшіе подъ тяжелою ношей жизни, будутъ смѣяться, словно тѣ, которымъ незнакомы ихъ судьбы.

Умершее снова заговоритъ нѣжными голосами, и старыя пѣсни послышатся въ хорѣ воспоминаній.

Но прозвучать и горькія тяжелыя слова, произносимыя лишь тѣми, кому знакомы жестокіе расчеты съ суровой жизнью.

Tell me the tales
That to me were so dear,
Long long ago —
Long long ago.

Это было дома, въ сумеркахъ.

На дворѣ тихо падалъ слой за слоемъ сверкающій снѣгъ.

Исчезли въ темнотѣ надворныя постройки, скрылись

очертанья высокихъ тополей. Только пастухъ Іенсъ бродилъ между сараями со своимъ фонаремъ.

Въ комнатѣ сидѣли мы, дѣти, въ кружочкѣ на скамейкахъ. Комната была большая; дальніе углы исчезали во мракѣ. Вѣроятно оттого, что было темно, мы спрятали головы за гардиной.

Нѣжно звучалъ голосъ мамы, струны рояля издавали звуки, похожіе на звуки арфы.

Tell me the tales
That to me were so dear,
Long long ago —
Long long ago.

Пѣсня смолкла. Не слышно было ни одного звука. Вильямъ, сидѣвшій ближе всѣхъ къ матери, заснулъ на своей скамеечкѣ.

— Мама, пой дальше.

Лучъ свѣта скользнулъ по клавишамъ, пробѣжалъ по всей комнатѣ и исчезъ: это пастухъ Іенсъ тихо пробирался мимо оконъ со своимъ фонаремъ.

— Мама, пой дальше.

Дверь потихоньку приотворилась. Показался папа.

Педеръ на дорожкѣ руны написалъ,
ихъ замѣтитъ Гелла, онъ прекрасно зналъ.
Затѣмъ онъ поднялъ якорь
и быстро выплылъ въ море,
покинулъ датскій берегъ,
оставивъ Геллу въ горѣ.

Ласковыя рѣчи
Сердце обольстили,
Ласковыя рѣчи
Муки причинили,
Ласковыя рѣчи.

Тихо. Мама, нѣжная и стройная, похожа на тѣнь.
Когда тѣнь молчить, слышится тиканье большихъ часовъ.

Ласковыя рѣчи
Сердце обольстили,
Ласковыя рѣчи
Муки причинили,
Ласковыя рѣчи.

Снаружи кто-то осторожно нажимаетъ дверную ручку. Это дѣвушки хотятъ послушать пѣсню. Сидятъ вокругъ кухоннаго стола, на которомъ стоитъ свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, и слушаютъ, какъ «барыня поетъ».

Дворецкій прокрадывается въ комнату. Онъ заботливо снялъ свои деревянные башмаки и стоитъ, прислонившись къ двери, около ведра съ водой.

— Дѣти!

— Что, мама?

— Подпѣвайте.

Мама повышаетъ свой голосъ, немного сильнѣе ударяетъ по дрожащимъ клавишамъ и запѣваетъ:

Прекрасна земля,
Чудесно Божье небо,
Красивы странствія души.

Немного робко звучать въ темнотѣ изъ угловъ дѣтскіе голоса, повторяя за мамой мелодію:

Черезъ прекрасныя царства земныя
Мы идемъ съ пѣснопѣньями въ рай.

Въ кухнѣ все еще молча сидятъ дѣвушки вокругъ горящей свѣчи.

Мужчиноподобная Марія стираетъ со щеки слезу своею мозолистой рукой.

— Эту пѣсню, — говоритъ она, — барыня пожеласть услышать передъ смертью.

Все молчить... Говорятъ только большіе часы около двери.

Одинъ изъ мальчиковъ тихо произноситъ изъ своего угла:

— Мама, спой еще разъ ту, непонятную пѣсню.

Мамина тѣнь еще молчить. Затѣмъ снова звучать, только гораздо слабѣе, струны рояля, дрожащія какъ у арфы.

Tell me the tales
That to me were so dear,
Long long ago —
Long long ago.

— — —

Дни дѣтства, васъ хочу я призвать назадъ, нѣжныя времена невинности, когда на душѣ было такъ легко. Ласковые дни, когда слезы были такъ трогательны.

Дни дѣтства, когда мама еще была жива. Я помню, мы однажды собирали ежевику. Мама, мы, дѣти и

Тина, дочь школьнаго учителя. Ягодъ было много; кустики были красивые.

Мы спускались въ овраги и бѣгали вдоль забора. Мы, дѣти, запутывались въ вѣткахъ и кричали; наши лица были такъ перепачканы, что мы походили на мальчиковъ кузнеца Ларса.

— Посмотрите на мальчишекъ! — закричала мама.

Но Тина схватила большую вѣтку, богато изукрашенную темными ягодами, и быстро набросила ее на плечи мамѣ.

— Ахъ, вы, моя красавица, — сказала она.

Мама стояла на пригоркѣ съ вѣткой на груди. Высоко, подъ сіяющимъ небомъ.

— — —

Дни дѣтства, васъ хочу я призвать назадъ.

БѢЛЫЙ ДОМЪ.

Это былъ бѣлый домъ, и внутри въ домѣ были свѣтлыя обои.

Двери никогда не затворялись, даже зимою, когда комнаты отапливались дровами.

Среди мебели краснаго дерева были мраморныя столы и бѣлыя консоли, привезенныя изъ Аугустенборга, гдѣ ихъ купили на аукціонѣ въ замкѣ.

Старые портреты были окаймлены вѣчными цвѣтами. Росъ въ изобиліи плющъ; мама его очень любила, въ особенности, когда онъ вился вверхъ по свѣтлой стѣнѣ.

Бесѣдка въ саду была настолько бѣла, что казалось, будто она сіяетъ.

Дѣти любили бесѣдку, такъ же какъ и лѣстницу, ведущую въ садъ. Они соскальзывали внизъ по ея периламъ, окрашеннымъ въ бѣлый цвѣтъ.

— Дѣти, дѣти, не прислоняйтесь къ периламъ! — кричала мама.

— Боже мой, это кончится въ одинъ прекрасный день тѣмъ, что кто-нибудь изъ нихъ сломаетъ себѣ шею, — сказала она Тинѣ, дочери школьнаго учителя, — и никогда мы не позовемъ столяра!

Перила пришли въ ветхость и никогда не исправлялись, но садовая калитка часто бывала заперта, ставни прикрыты и зеленныя гардины спущены поверхъ бѣлыхъ, чтобы смягчить рѣзкій свѣтъ. Мама не любила сада и большой аллеи, когда надъ ними не свѣтило солнце долгаго лѣтняго дня.

— Одному Богу извѣстно, какой теперь видъ имѣеть огородъ, — сказала она неожиданно Тинѣ, дочери учителя, сидя послѣ обѣда за чашкой кофе.

Она не заглядывала въ огородъ въ теченіе трехъ четвертей года.

Онъ былъ расположенъ далеко позади аллеи тополей, за воротами, и дѣтямъ совсѣмъ запрещалось ходить туда, потому что тамъ можно было промочить ноги. Но однажды, во время ужасной распутицы, когда по двору нельзя было и шагу сдѣлать, чтобы не завязнуть въ грязи, мамѣ захотѣлось посмотрѣть садъ.

Въ деревянныхъ башмакахъ мужчиноподобной Маріи, подоткнувши подолъ, она побрела по двору.

Всѣ дѣвушки высыпали на крыльцо посмотрѣть на нее.

— Маленькія дѣти, маленькія дѣти! — кричала она. Черезъ каждые десять шаговъ ея деревянные башмаки увязали въ грязи.

Когда она вернулась домой, ей пришлось подкрѣпляться теплыми сухариками.

— Милочка, — сказала она дочери школьнаго учителя, — всѣмъ людямъ надо было бы сидѣть дома зимою.

Дѣти играли на полу, покрытомъ ковромъ. Коверъ былъ красновато-сѣраго цвѣта, весь въ большихъ пят-

нахъ. Пятна представляли собою королевства, надъ которыми царствовали дѣти и изъ-за которыхъ они сражались. Ссорились при этомъ и проливали слезы. Баррикадировали свои королевства стульями. Вся комната превращалась въ настоящій Вавилонъ во время столпотворенія.

— Какой ужасный шумъ подняли дѣти, — сказала мама горничной (она же сама подзадоривала ихъ).

— Такъ, такъ... теперь Нина снова теряетъ мамелюковъ.

Изъ-за мамелюковъ вѣчно происходили жестокия схватки. Ими завладѣвали, ихъ теряли въ борьбѣ за королевства.

Изъ оконъ виденъ былъ занесенный снѣгомъ дворъ. Дворецкій, работникъ и пастухъ занимались своими дѣлами. Спокойно и медленно ходили то въ сарай, то въ кладовую.

Когда отворялась дверь сарая, слышалось мычаніе коровъ.

— Мама, — сказала Нина, — Вильямова корова замычала.

Однажды, — папы тогда не было дома, — мама попросила пастуха выпустить «на одну секунду» коровъ на бѣлый дворъ. Всѣ четырнадцать коровъ, и рыжія, и бѣлыя, и пятнистыя, скакали по снѣгу. Дѣти ликовали.

— Заприте огородъ, заприте огородъ! — кричала мама. Она громко хохотала, стоя на лѣстницѣ.

Въ пятнистую корову, казалось, вселился бѣсъ.

— Вотъ какъ здорово прыгаетъ, — сказала мама. Ко-

рова дѣлала такіе большіе прыжки, поднявши хвостъ къ небу, что ее поймали только у дома фохта.

Но когда пришелъ домой отецъ, дверь сарая была уже заперта, и дворъ имѣлъ свой прежній видъ.

А у мамы разболѣлись зубы оттого, что она стояла съ непокрытой головой на дворѣ.

Пришлось позвать Тину.

Въ такихъ случаяхъ всегда посылали за Тиной.

Тина пришла, покрывши голову верхней юбкой.

— Боже, сколько вы съ собою холоду принесли, — сказала мама. Ей всегда было холодно, и стоило лишь открытъ дверь, какъ она ужъ дрожала.

— Тина, у меня зубы болятъ, — сказала она.

На большой столъ поставили туалетное зеркало, въ комнатѣ «накурили» сухими вѣточками съ куста, растущаго въ саду у школьнаго учителя.

Всѣ дѣти, Тина и горничная стояли вокругъ стола.

Спальня наполнилась густымъ дымомъ; мама стояла съ раскрытымъ ртомъ надъ тлѣющими вѣтками.

— Тина, Тина, ну... — закричала мама.

Тина должна была ковырять въ зубахъ шпилькой.

— Вотъ онъ, вотъ онъ,.. — вскрикнула мама, — посмотрите, вотъ червякъ.

Тина сдѣлала усиліе, такъ что отъ зуба откололся кусокъ эмали и упалъ около туалетнаго зеркала.

Мама была твердо увѣрена, что это былъ червякъ, и что если бы удалось вытащить трехъ-четырехъ червей, у нея прекратились бы совершенно зубныя боли.

Одна только Тина могла производить эту операцію,

и она съ сознаниемъ важности совершаемаго вытаскивала червей у всѣхъ дѣтишекъ.

— Милый Фрицъ, — говорила мама отцу, не вѣрившему этому, — вѣдь я же вижу червей своими собственными глазами.

— Но чтобы поймать червяка, необходимо окурить комнату.

Участковый врачъ сказалъ, что дымъ отъ вѣтокъ куста, растущаго у школьнаго учителя, очень ядовитъ.

Лѣчение зубовъ заняло дѣлныхъ полдня, вплоть до наступленія сумерекъ.

Хорошо было вечеромъ въ прачечной. Теплый паръ наполнялъ все помещеніе, а огонь подъ котломъ былъ похожъ на большой красный глазъ. Дѣвушки колотили мокрое бѣлье деревянными вальками. Стужъ гулко отзвучивался подъ потолкомъ.

Мама сидѣла на треножникѣ среди всего этого шума.

Прачечная была самымъ удобнымъ мѣстомъ, гдѣ у дѣвушекъ развязывались языки. Здѣсь обсуждались всѣ деревенскія сплетни.

Мама могла просидѣть нѣсколько часовъ подъ рядъ на своемъ треножникѣ и прислушиваться къ разговорамъ, пока вдругъ не вскочить и не убѣжить въ комнаты.

Послѣ такихъ часовъ въ прачечной она всегда говорила съ непоколебимой увѣренностью:

— Боже упаси меня отъ этихъ людей съ ихъ разговорами!

При этомъ казалось, что она что-то отталкивала отъ себя своими красивыми руками.

— И какъ вы въ состояніи все это слушать? — говорила Тина.

— Да вѣдь онѣ такія забавныя, — говорила мама и подражала движеніямъ и разговорамъ дѣвушекъ.

Она могла подражать манерамъ всѣхъ людей, которые насъ посѣщали.

Но въ большинствѣ случаевъ она проводила сумерки въ комнатахъ и пѣла. Однако бывали вечера, когда она сидѣла на возвышеніи въ высокомъ плетеномъ креслѣ, положивши руки на колѣни.

Тогда въ тихой комнатѣ звучали ея тихія рѣчи.

Больше всего она любила говорить о томъ, какъ она состарится, посѣдѣетъ, станетъ совсѣмъ-совсѣмъ бѣлая.

Будетъ вдовой, всѣ ея дѣти станутъ взрослыми, она будетъ бѣдная.

— Ужасно бѣдная, — говорила она, — настолько обнищаетъ, что къ ужину на столъ не будутъ подавать ничего, кромѣ масла и сыра въ старомъ хрустальномъ блюдѣ.

— Но масло будетъ очень хорошее, — говорила она.

И она описывала, какой ослѣпительно бѣлой скатертью будетъ покрытъ столъ и какъ всѣ дѣти будутъ приходить каждый со своей работы и будутъ пить чай за столомъ, у котораго она будетъ сидѣть, сѣдая, молчаливая, старая и бѣдная. Она представляла себѣ бѣдность чѣмъ-то въ родѣ мечтательной беззаботности.

Она никогда не видѣла другихъ «бѣдняковъ»; кромѣ тѣхъ, которые жили въ маленькихъ, выбѣленныхъ изве-

стью домикахъ, по обѣимъ сторонамъ деревенской улицы.

Послѣ чая, когда отца не было дома, наступали самыя лучшіе часы. Это было время, когда на сцену появлялись куклы. Обѣденный столъ раздвигался, какъ при гостяхъ, мама сидѣла, окруженная массой коробокъ изъ картона. Въ нихъ лежали куклы.

— Ну, ну, вылѣзайте, вѣдь отца дома нѣтъ.

Онѣ появлялись цѣлыми сотнями. Это были фигуры изъ модныхъ журналовъ, наклеенныя на кусочки дерева. У каждой было свое имя. Разставлялись по столу, и начиналась комедія подѣ руководствомъ мамы.

Куклы бесѣдовали между собою, дѣлали другъ другу визиты.

Сплетничали, нагибались, кланялись.

Мама покраснѣла отъ напряженія, передвигала куколъ руками въ разныхъ направленіяхъ по столу.

У дѣтей тоже были свои куклы, у горничной — свои. Мама была недовольна своими куклами и говорила всегда вмѣсто нихъ. :

— Госпожа Иесперсень, госпожа Иесперсень, вы за-были фрѣкенъ Лэвенскіольдъ.

«Фрѣкенъ Лэвенскіольдъ» (остановилась, а между тѣмъ ей надо было двигаться).

Для мамы это не были куклы. Для нея это были люди. Онѣ разговаривали, дѣйствовали и пѣли. Играли сотни комедій. Дѣйствіе происходило то на морскихъ купаньяхъ, то въ Парижѣ.

Дѣти внимательно смотрѣли, и имъ казалось, что

на столѣ передъ ними развертывается жизнь всего міра съ ея разнообразіемъ и сложностью.

Вошли дѣвушки. Онѣ любили слушать. Не понимали ни одного слова, но все же стояли, заложивши руки подъ передникъ. Когда съ куклами случилось что-нибудь печальное, онѣ плакали.

Но въ самомъ разгарѣ комедіи мама вскочила, и всѣ куклы полетѣли куда ни попало — въ передники, въ коробки.

Папа возвратился домой.

— Сдвиньте столъ, сдвиньте столъ!

Дѣвушки и дѣти поспѣшно работали. Мама сама ничего не могла дѣлать отъ испуга.

— Боже, а дѣти-то еще и спать не легли, — сказала она.

Дѣтей поскорѣй отправили спать.

А мама сидѣла на диванѣ между шкапами краснаго дерева и была настолько перепугана, что должна была подкрѣпляться вареньемъ и сухариками.

Однажды вечеромъ она осталась въ домѣ одна съ дѣтьми. Кто-то громко постучалъ въ калитку; горничная пошла отворить и съ крикомъ прибѣжала назадъ.

— Тамъ какой-то бродяга... должно быть, разбойникъ! — Бродяга вошелъ въ комнату. Мама громко закричала. Онъ былъ ужасно безобразенъ; дѣти перепугались и заплакали. Но вдругъ одинъ изъ мальчиковъ догадался, что это «Высокая Марья».

— Мама, это «Высокая Марья»! — закричалъ онъ.

Въ то же мгновеніе мама шепнула Маріи:

— Дай Нинѣ въ ухо.

Нина получила отъ Марьи такого тумака, что кругомъ все затрепало.

И дѣти повѣрили, что это былъ бродяга.

Но послѣ этого мама дала мужчиноподобной Марьѣ рюмку водки, и та должна была ее сразу выпить, такъ какъ теперь она была совсѣмъ женщиной.

— — —

Бѣлый домъ, бѣлый домъ! Шумной, ликующей толпой приходятъ твои воспоминанія — приходятъ и собираются вокругъ одного.

О, если бъ только я могъ создать изъ словъ образъ, который бы жилъ вѣчно. Образъ, который былъ бы юностью и улыбкой, ласкою и горемъ, весельемъ съ печальными глазами, уныніемъ, смѣющимся съ искривленнымъ отъ страданій ртомъ; безпомощныя руки, которыя умѣли только помогать другимъ въ нуждѣ, нѣжные члены, расправлявшіеся подъ лучами солнца и дрожавшіе отъ холода, когда солнце заходило.

Образъ той, которая любила жизнь и умерла подъ ея тяжестью.

Умерла, какъ нѣжный хрупкій цвѣтокъ съ переломленнымъ стебелькомъ.

Это была не роза, не лилія.

Это былъ рѣдкостный цвѣтокъ съ нѣжными лепестками, взлелѣянный терпѣливымъ садовникомъ на старости лѣтъ, съ разноцвѣтной чашечкой, красивой днемъ, при свѣтѣ, но стыдливо закрывающейся подъ вечеръ.

Это была побѣдная пѣснь, пропѣтая голосомъ, сдвоеннымъ отъ муки...

Чужая на землѣ, она была все же любима, какъ рѣдкій гость.

Бѣлый домъ, бѣлый домъ моего дѣтства — такова была та, которая была твоею душой.

— — —

Проходила осень, приближалось Рождество. Мама и Тина, дочь учителя, долго сидѣли наверху, а дѣти получали сливы за то, что рано отправлялись спать.

Старая карета черезъ день подкатывала къ крыльцу, вся приходяжая была наполнена мѣшками. Мѣшковъ всегда бывало много, когда мама собиралась ѣхать. Да къ тому же Сэндерборгъ былъ вѣдь не Аугустенборгъ, дорога была не ближняя, приходилось ѣхать цѣлыхъ двѣ мили, совершать настоящее путешествіе.

Когда мама вернулась домой, она смѣялась, шутила, суегилась, между тѣмъ, какъ дѣтей заперли въ спальнѣ, чтобы они ничего не видѣли. Они слышали только шаги кучера, который входилъ и уходилъ, таская ящики, присланные изъ Копенгагена.

Такъ значить «это пришло».

Мы все время сомнѣвались — придетъ ли «это» — подарки отъ дѣдушки — или нѣтъ.

Если они не приходили, наши святочные столы для подарковъ оставались пустыми. Въ одинъ годъ — тогда стояла суровая зима — ящики не пришли. Мама послала за ними въ Сэндерборгъ, сама ѣздила, заставила отца дать телеграмму — какъ разъ въ тотъ годъ впервые былъ устроенъ телеграфъ, — но ящики не пришли.

Мама плакала и не знала, что дѣлать.

Сотни разъ она осматривала свой портмонэ. Въ немъ была дыра, такъ что деньги всегда высыпались въ карманъ. Въ концѣ-концовъ она рѣшила наложить на каждый столикъ еловыхъ вѣтокъ; получилось впечатлѣніе, что на нихъ положено много подарковъ...

Но въ этотъ годъ ящики пришли, и дѣти, сидя въ спальнѣ, слышали, какъ Тина старалась ихъ открыть.

Мама все время суетилась вокругъ нея:

— Тина, Тина, посмотрите-ка сюда...

Тина смотрѣла.

— Тина, видите, эту доску можно ужъ снять.

Дѣти соскочили съ кровати и подошли посмотреть въ замочную скважину, но она была заткнута бумагой.

А въ столовой мама лежала на полу — такъ рассказы-вали потомъ дѣвушки — около ящиковъ.

Весь полъ былъ заваленъ пакетами, соломой и всякими вещами.

А мама выкрикивала:

— Вотъ это для Нины... Посмотрите, а вотъ это для Вильяма...

И продолжала рыться въ соломѣ и бумагахъ, разбросанныхъ по всей комнатѣ.

— Добра-то, добра-то сколько! — говорили дѣвушки.

Онѣ ходили по комнатѣ, рассматривая все съ напряженнымъ любопытствомъ. Работа затянулась до поздней ночи. Надо было производить начинку колбасы, мѣсить тѣсто, мыть бѣлье къ Рождеству.

Мама наблюдала за начинкой колбасы, производившейся въ прачечной. Сидѣла съ разстегнутой кофтой и распѣвала пѣсни.

Нѣкоторыя пѣсни дѣвушки знали, и мама пѣвала только мелодіи.

— Слова въ нихъ ужъ очень плохія, милая, — говорила она Тинѣ.

Альсскія *) «колбасныя» пѣсни считались самыми скверными пѣсенками въ странѣ.

Но незадолго до Рождества мама сказала:

— Я, право, не вѣрю, чтобы Маренъ знала, про что она поеть.

Дѣло въ томъ, что каждый день прачка Маренъ пѣла не что иное, какъ пѣсни о первой шлезвигской войнѣ и о королѣ Фредерикѣ седьмомъ...

Онѣ были такія грустныя, что Маренъ сама плакала отъ своего пѣнія.

Въ послѣдніе дни передъ Рождествомъ пеклись всякія вкусныя вещи.

Весь домъ былъ полонъ запаха яблоковъ и пироговъ, дверь въ голубую гостиную была все время открыта, потому что тамъ хранились яблоки, всякія пряности, сливы, вообще много вкусныхъ вещей. Тина бѣгала взадъ и впередъ по лѣстницѣ, такъ что ея передникъ развѣвался по воздуху.

— Дѣтки, дѣтки, мы-то для васъ жаримъ да паримъ!.. — кричала она.

Дѣтки лѣпили мужчинъ и женщинъ изъ сѣраго тѣста, которое въ концѣ-концовъ становилось совсѣмъ грязнымъ.

Мама была въ бѣломъ передникѣ, а папа расхажи-

*) Островъ Альсъ—родина Германа Банга.

Пер.

еаль около нея и все боялся, чтобы она не испортила своихъ рукъ.

Мама всегда производила заключительныя работы: мазала яичнымъ бѣлкомъ пироги, продѣлывала глаза сѣрымъ мужчинамъ.

— Теперь очередь за мной, — говорила она.

Ея бѣлый передникъ развѣвался отъ быстрыхъ движеній, въ то время какъ всѣ дѣти бѣгали за нею.

Въ кухнѣ стоялъ густой дымъ, пахло пряностями, звенѣли сковороды, хлопали печныя дверцы, мелькали желѣзныя формы съ пирогами, которыя то вдвигались, то выдвигались изъ печей. Тина, дочь учителя, взбивала бѣлки для торта въ глиняной посудинѣ, которую она крѣпко сжала между колѣнъ. Съ тортомъ вообще приходилось много возиться, одно взбиваніе бѣлковъ продолжалось нѣсколько часовъ.

— Ну, теперь дайте мнѣ, — сказала мама.

Она взяла у Тины глиняную чашку и стала вертѣть въ ней большой ложкой.

— Фу, жарко стало, — сказала она и снова передала работу Тинѣ.

А сама запѣла, сидя на деревянной колодѣ, среди дыма, съ раскраснѣвшимися щеками, весело и задорно:

Лизавета, Лизавета!

Ты красавица моя!

Посмотри-ка на меня,

Лизавета, Лизавета!

Ты красавица моя!

Всѣ ей вторили среди дыма и чада, дѣвушки, дѣти и Тина; но не успѣли оглянуться, какъ мама уже была въ столовой:

— Тина, Тина, бросьте... идите сюда!

Она упала въ кресло-качалку. Утомилась отъ всѣхъ этихъ хлопотъ...

Всѣ двери были настежь, запахъ пироговъ проникать въ комнаты, изъ кухни доносился звонъ посуды и хлопанье печныхъ заслонокъ.

— Тина, послушайте, достаньте мнѣ мои письма, — сказала мама. Письма хранились въ письменномъ столѣ.

Это были мамины письма отъ ея матери, отъ подругъ и отъ ея отца. Они были заботливо сложены въ пачки, пожелтѣвшія, сложенные такъ, какъ это нѣкогда дѣлали, когда конвертовъ не употребляли, съ засушенными фіалками между листочками, завязанныя ленточками.

Мама ихъ любила. Не читала ихъ, а только клала къ себѣ на колѣни.

И рассказывала.

Про своего отца, стараго почтмейстера въ высокихъ воротничкахъ — усерднаго чиновника, одного изъ тѣхъ, которые думали, что должны быть грозными при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Крестьяне называли его «отцомъ», но дрожали отъ страха, если случалось провиниться передъ нимъ.

Про свою мать, прикованную ревматизмомъ къ креслу, нѣжную и худую, словно у нея не было тѣла, съ блѣднымъ, безкровнымъ лицомъ. Она не любила раз-

говаривать, потому что когда-то много говорила, утомилась и теперь молча хранила свои тайны.

— Все сидѣла и молчала, — сказала мама, неподвижно глядя передъ собою въ пространство, съ письмами на колѣняхъ.

Казалось, какая-то внезапная усталость овладѣла ею, голосъ ея измѣнился:

— Всѣ мы учимся молчанію, — сказала она.

Папины шаги слышались въ комнатѣ!

— Это я, — сказалъ онъ.

Мама склонила голову.

Немного спустя она снова стала рассказывать — только нѣсколько быстрее.

Про своихъ подругъ, молодыхъ дѣвушекъ изъ «бѣлой усадьбы».

— Наши комнаты находились на самомъ верху башни, а когда мы растворяли окна — видно было море...

Мама опустила руки на колѣни.

— Богъ знаетъ отчего, — сказала она, — но всѣмъ имъ не повезло въ жизни.

Неудачно онѣ повышли замужъ, развѣхались, разсѣялись по всей землѣ.

Единственное, что онѣ сохранили — это деньги и положеніе въ обществѣ.

— Слишкомъ горячая кровь была у нихъ, — сказала мама, — мнѣ кажется, — и она помолчала секунду, — что влюбчивость принадлежала къ числу ихъ врожденныхъ недостатковъ.

Иногда отъ нихъ приходили письма изъ разныхъ городовъ, изъ чужихъ странъ, гдѣ онѣ были баронес-

сами и графинями, замужемъ за бѣглецами и игроками.

Одна изъ нихъ жила въ сѣверной Италіи.

Мама всегда плакала, когда получала отъ нея письма.

— Вышла замужъ за этого стараго мошенника—одни говорятъ, что онъ лордъ, а другіе — что онъ раньше былъ сапожникомъ.

Но каждый годъ получались отъ этой подруги письма также изъ Копенгагена.

Она ѣздила туда... чтобы посмотрѣть сына.

— Онъ единственный человѣкъ на свѣтѣ, котораго она любитъ, — говорила мама Тинѣ.

Сынъ этотъ былъ скорѣе всего незаконный, и его рожденіе, вѣроятно, послужило поводомъ къ ея отъѣзду и къ замужеству въ сѣверной Италіи съ этимъ не то лордомъ, не то сапожникомъ.

— Но она все же живетъ въ Италіи и богата, — добавила мама.

Казалось, она ближе чувствовала всѣ муки жизни, когда говорила о своей подругѣ.

— Да, одному Богу извѣстно, что иногда съ человѣкомъ можетъ случиться, — повторила она, и затѣмъ добавила:

— И всѣмъ, всѣмъ имъ не повезло въ жизни...

Отецъ подруги иногда пріѣзжалъ къ намъ, всегда — неожиданно, и оставался очень мало.

Это былъ высокій мужчина, худой, съ осанкой человека, привыкшаго, не сгибая спины, находиться въ обществѣ высокопоставленныхъ лицъ при дворѣ.

Дѣвушки совершенно неожиданно сообщали:

— Гофъ-егермейстеръ пріѣхалъ.

Онъ входилъ въ комнату, отвѣшивалъ низкій почтительный поклонъ мамѣ, которая выходила ему навстрѣчу, садился на большомъ разстояніи отъ нея и говорилъ голосомъ, казалось, шедшимъ откуда-то издалека и истомленнымъ страданіями.

Уходилъ онъ такъ же внезапно, какъ и появлялся. Мама всегда плакала, когда онъ исчезалъ, а дѣтямъ было страшно: казалось, что домъ посѣтило привидѣніе.

— Мнѣ просто хотѣлось васъ повидать, — говорилъ онъ на прощанье, кланялся и цѣловалъ мамину руку.

Онъ приходилъ, чтобы вспомнить о томъ, что давно уже минуло.

Такъ сидѣла мама съ письмами своей юности на колѣняхъ. Тина, дочь учителя, сидѣла на скамейкѣ возлѣ ея кресла.

Мама рассказывала про свое обрученіе.

Она пріѣхала изъ провинціи, ничего и никого не знала, была совсѣмъ чужая въ старомъ домѣ генерала.

Все казалось ей новымъ и страшнымъ въ этомъ домѣ, съ портретами Эрстеда и Мюнстера по стѣнамъ, съ портретомъ Эленшлегера въ залѣ.

Люстры съ постоянно горѣвшими свѣчами... мачиха въ черномъ бархатномъ платьѣ... старые фамиліные гербы, вышитые на всѣхъ подушкахъ.... серебряныя чаши на этажеркахъ, картины, развѣшанныя по стѣнамъ

такъ торжественно, словно въ картинной галлерей... Все это казалось ей такимъ страннымъ, таинственнымъ...

Мама ходила по комнатамъ и со страхомъ все разсматривала.

Но на обручальномъ пиру, когда всѣ пѣли за здоровье жениха и невѣсты, и самъ генеральъ сочинялъ пѣсню, мама взбѣжала вверхъ по лѣстницѣ, въ залъ, къ портрету Эленшлегера, сѣла и заплакала — закрывъ лицо руками — плакала, плакала безъ конца.

Лакей нашелъ ее въ такомъ состояніи.

— Не позвать ли отца?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я не хочу туда итти, — сказала она. — Я хочу домой... пустите меня домой.

И она плакала, словно разставалась съ жизнью...

Мама все сидѣла и рассказывала, съ письмами на колѣняхъ, про свою юность, про минувшіе дни.

Но вдругъ она сказала:

— Не надо никогда думать объ этомъ.

Тина сказала:

— Почему... вѣдь всегда хорошо думать о счастьѣ.

— Нѣтъ. Воспоминанія о немъ приносятъ смерть.

Мама встала.

— А какъ хорошо было кататься на конькахъ! — сказала она.

Побѣжала посмотрѣть на бѣлые торты. Надо было ихъ еще разъ взболтать. Кромѣ того, надо было подложить лавроваго листа въ варенье.

— Господи, сколько работы! — говорила она, бѣгая по кухнѣ, между тѣмъ какъ Тина все дѣлала...

— — —

Времена дѣтства,
Я прибѣгаю къ вашей защитѣ,
Облегчите страданія моего сердца.
Никто не сочтетъ тѣхъ слезъ,
Что скатились бы охотно
Изъ заплаканныхъ глазъ.

Дни дѣтства,
Милыя воспоминанья,
Облегчите муки моего сердца.

Мама, ты вѣдь сама
Перенесла такъ много мукъ,
Нѣжная, какъ цвѣтокъ,
Помятый грубою рукой.
Мама, ты вѣдь сама любила,
Такъ побудь же со мною,
Подивись горю моего сердца.

Длиненъ путь человѣка,
И тяжелъ онъ.

Воспоминанія дѣтства,
Придите съ вашимъ весельемъ,
Смягчите — хоть на мгновенье —
Муки моего сердца.

Воспоминанія дѣтства,
Я умоляю васъ,
Облегчите страданія моего сердца.

— — —

День передъ Рождествомъ былъ для мамы великимъ днемъ.

Это былъ день бѣдныхъ.

Съ самага утра — и это былъ единственный день въ году, когда она вставала рано — мама занялась раскладкой риса по мѣшочкамъ, кофейныхъ бобовъ по пакетикамъ и сахарныхъ леденцовъ въ кучки.

На столѣ стояли вѣсы, и Тина развѣшивала.

Въ каждомъ мѣшочкѣ должно было заключаться ровно столько же, сколько и въ другомъ.

А мама сыпала на вѣсы и говорила:

-- Господи! что, если бы Рождество бывало болѣе одного раза въ году.

Когда всѣ мѣшочки были запакованы, въ домѣ не оставалось ни сахара, ни кофе.

-- Мы добавимъ изъ нашего собственнаго, — сказала мама, когда предназначенное для раздачи все вышло.

Послѣ обѣда пришли, шлепая своими башмаками, женщины. Онѣ какъ-то странно подходили къ дому, словно подкрадывались. Снимали свои деревянные башмаки въ передней, ставили ихъ въ рядъ, а сами входили въ комнату въ черныхъ чулкахъ; не произнося ни одного слова, брали подарки и по очереди подавали свои потныя руки и говорили: «спасибо».

Но мама хлопотливо спрашивала у нихъ, въ чемъ каждая нуждается.

Когда женщины ушли, въ дѣтской не хватало многихъ платьевъ.

-- Тиночка, сказала мама, -- все это намъ зачтется.

Она сѣла въ кресло, приказала открыть всё окна и побрызгать въ комнатѣ одеколономъ.

— Дѣло въ томъ, милыя дѣтки, что даже отъ самыхъ чистыхъ изъ нихъ несетъ зеленымъ мыломъ.

Папа приказалъ горничной обтереть всё дверныя ручки.

На другой день надо было накрывать рождественскіе столы. Это была трудная работа, и мама долго суегилась.

Вѣдь всё должны были получить поровну. Цѣлый день мама рассказывала, мысленно мѣрила и взвѣшивала каждый подарокъ, и если на одномъ столѣ было слишкомъ мало, она брала немножко съ другого и потихоньку клала на обдѣленный столъ.

Елку зажгли. Тина стояла на лѣстницѣ и зажигала свѣчи.

Вся елка была сплошь украшена серебромъ и сіяла бѣлымъ свѣтомъ. _

Мама рассказывала вокругъ нея.

— Вотъ еще одна свѣчка, — и она показывала на незажженную свѣчу.

Мама ужасно любила свѣтъ и всегда густо насаживала свѣчки на вѣтви.

— Боюсь, какъ бы елка не загорѣлась, — сказала Тина, стоя на лѣстницѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, зажигайте, ничего...

Однажды случилось - таки, что елка загорѣлась.

Вспыхнула въ одно мгновеніе, серебряныя украшения запылали, стали коробиться, а мама смотрѣла на огонь, освѣщавшій багровымъ отблескомъ ея лицо.

— Какъ красиво, какъ красиво, — говорила она. — Уже занялись вѣтки.

— Какъ бы пожаръ не случился! — закричала мама.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказала Тина, побѣжала въ прихожую, принесла два шерстяныхъ платка и набросила ихъ на пылающее дерево.

А мама наставила много подсвѣчниковъ на всѣ столы и заставила дѣтей танцовать вокругъ обгорѣлой елки.

— Стелла, — сказала папа, — какая ты неосторожная.

Внезапный огонекъ вспыхнулъ въ маминыхъ глазахъ.

— Фрицъ, — сказала она и подняла свою голову, словно все еще видѣла передъ собою красивое пылающее дерево. — Фрицъ, это было такъ красиво...

... А вотъ еще одна свѣчка.

Наконецъ, всѣ свѣчки были зажжены и освѣтили сверкающія серебряныя украшения.

Мама молча смотрѣла на сіяющую елку.

— Мы зажигаемъ здѣсь елку уже тринадцатое Рождество, — сказала она, и ея голосъ зазвучалъ вдругъ слабѣе.

— Давайте посмотримъ столы, Тина, — произнесла она, измѣнивши тонъ, и начала быстро осматривать столы, накрытые бѣлыми скатертями.

— У Ларса, дворецкаго, еще ничего нѣтъ.

Она стояла, размышляя, передъ столикомъ дворецкаго Ларса.

— Тина, что же мнѣ положить ему?

Вдругъ она подняла голову:

— Тина, сбѣгайте къ Фрицу въ комнату. Мы стоимъ у него сигары.

Тина потихоньку пробралась въ папину комнату.

— Можно войти? — закричали дѣти въ столовой.

— Сейчасъ, — сказала Тина и заперла дверь за собою.

Ей удалось украсть сигары.

— Слава Богу, — сказала мама и вздохнула, словно съ нея свалилась тяжесть, — Надо ихъ перевязать красной ленточкой.

— У меня нѣтъ ленточки, — отвѣтила Тина.

Мама посмотрѣла вокругъ себя, оглядѣла всѣ столы.

— Мы оторвемъ полоску отъ косынки фрѣкенъ Иесперсень.

Косынка была подарена мамѣ фрѣкенъ Еленой Иесперсень. Она была вся испещрена маленькими красными полосками.

— Слишкомъ уже много полосъ на косынкѣ фрѣкенъ Иесперсень, — сказала мама, въ то время какъ Тина отрывала полоску.

Сигары были обвязаны розовато-красной лентой.

— Теперь мы откроемъ дверь, — сказала мама.

Она сама отворила дверь, и дѣти съ шумомъ ворвались въ комнату.

— Съ праздникомъ васъ, — сказала мама.

Она стояла на порогѣ.

— Гдѣ мой столъ?

— Гдѣ мой столъ?

— Гдѣ мой? — кричали дѣтскіе голоса.

— Вотъ твой, а вотъ твой, — говорила мама.

Ея лицо сіяло.

Дѣти толпились вокругъ нея съ поднятыми руками.

— Мама, мама! — кричали они, — теперь дай намъ съ елки.

— Сейчасъ.

Послѣдніе подарки лежали, завязанные въ нѣсколько бумагъ, подъ елкой.

Мама ползала по полу, вытаскивала изъ-подъ елки пакеты и собирала ихъ въ охапку.

Наконецъ собрала все и встала; дѣти окружили ее.

— Ну, ну! — кричали они.

— Погодите.

И она бросала пакетики, словно разсердившись, въ поднятыя дѣтскія ручки.

— Вотъ это тебѣ.

— Это тебѣ.

— Это тебѣ! — кричала она.

Дѣти ликовали.

Папа вышелъ изъ своей комнаты и стоялъ у двери. Прислонился къ притолкѣ и молча глядѣлъ на маму и на своихъ дѣтей.

Въ его глазахъ мелькнулъ мгновенный огонекъ нѣжности... или, можетъ быть, только удивленія; онъ подошелъ къ мамѣ.

— Ты щедрая, — прошепталъ онъ.

Мама опустила глаза; казалось, что она ихъ на секунду совсѣмъ закрыла.

— Ты вѣдь даешь, Фрицъ, — отвѣтила она.

Папа тихо вышелъ.

— А теперь, Тина, надо позвать прислугу, — сказала мама.

Тѣ ужъ собрались въ прихожей.

Дѣвушки были въ чулкахъ, парни въ сапогахъ.

— Ну, дѣтки мои, — сказала мама, открывая дверь, — съ праздникомъ васъ.

Они входили одинъ за другимъ очень медленно, странно поднимая ногу на порогъ, словно собираясь перешагнуть черезъ баррикаду. Судя по выраженію ихъ лицъ, можно было подумать, что они идутъ къ причастію.

Сзади всѣхъ шелъ пастухъ Іенсъ.

Онъ былъ въ полосатомъ жилетѣ. Штаны уныло висѣли на его ногахъ.

Они получали подарки, при этомъ благодарили такъ невнятно, что никогда никто не могъ разобрать, что именно они говорили, и, косо посматривая на подарки другъ у друга, клали ихъ, словно для безопасности, по угламъ.

— Ну, Іенсъ, — сказала мама, — теперь будемъ плясать.

Она устроила хороводъ.

Взяла Іенса за руку; дѣти, дѣвушки, парни стали въ кружокъ.

— Замыкайте кругъ! — закричала она Тинѣ и повела хороводъ.

Медленно двигался хороводъ вокругъ елки. Мама запѣла слегка дрожащимъ голосомъ:

Прекрасна земля,
Великолѣпно Божье небо,
Красивы странствія души.
Черезъ прекрасныя царства земныя
Мы идемъ съ пѣснопѣнными въ рай.

Мало-по-малу всѣ стали ей подпѣвать. Маминъ голосъ окрѣпъ и сталъ громче. Хороводъ медленно двигался вокругъ елки.

Всѣ лица были подняты кверху, къ сіяющей елкѣ.

Изъ полумрака вдругъ послышался голосъ папы; онъ пѣлъ низкимъ басомъ, и казалось, что звуки несутся откуда-то издалека.

Мама остановилась при звукѣ его голоса.

Но тотчасъ же снова пошла, неподвижно смотря на сверкающую елку.

Черезъ прекрасныя царства земныя
Мы идемъ съ пѣснопѣнными въ рай.

Пѣсня смолкла.

— Теперь, мама, спой сама, — сказалъ старшій мальчикъ.

— Да, спойте сами, барыня, — сказала мужчиноподобная Марія, которая, сама того не зная, все время плакала въ три ручья.

— Ну, ладно, — сказала мама.

И, не отрывая глазъ отъ сіяющей елки, она запѣла вполголоса — одна, въ то время какъ всѣ подвигались еще медленнѣе:

Радость сегодня гостить на землѣ,
Къ намъ вмѣстѣ съ Богомъ сошла благодать,
Голубь съ воробушкомъ въ сѣни ко мнѣ
Съ крыши слетѣли, чтобъ пиръ пировать.

Дѣтка, пляши, веселися и пой,
Счастьемъ нынѣшній день озаренъ
Ночью родился Спаситель Святой,
Путь для спасенія смертныхъ найденъ.

На мгновение все стихло, всѣ остановились.

— Давайте играть, — сказала мама.

Она заставила пастуха Йенса пуститься вскачь, такъ
что всѣмъ пришлось за нимъ слѣдовать, а сама пѣла.
Дѣти перепутали мелодію и сбились на мотивъ:

Мы всѣ елочку смотрѣли,
Намъ забавы надоѣли,
Мы покушать захотѣли.

— Боже мой, какъ мальчишка фальшивить! — ска-
зала мама.

Это былъ самый старшій. Онъ кричалъ благимъ ма-
томъ, смотря на елку.

Самый младшій упалъ.

— Ну, поднимайся живѣй, — сказала Тина.

Но тотъ заплакалъ.

— Вы, остальные, продолжайте плясать, — сказала
мама, а сама сѣла и посадила мальчика къ себѣ на ко-
лѣни.

Свѣчки стали догорать. Пляска прекратилась. При-

слуга удалилась, а Тина стала укладывать маленькихъ въ постельки.

Мама продолжала сидѣть, не двигаясь съ мѣста.

На полу, положивши голову ей на колѣни, лежалъ старшій мальчикъ. Свѣчи потухали одна за другой, блескъ серебряныхъ украшеній сталъ матовымъ.

— Мама, — сказалъ мальчикъ, — елочка-то умираетъ.

— Да, дѣтка, — сказала мама, и ея красивая рука соскользнула съ его головы на колѣни. — Умираетъ.

Вернулась Тина.

Догорала послѣдняя свѣча.

— Положите его спать, — сказала мама. — Спи спокойно. — И она поцѣловала мальчика въ лобъ.

— Спокойной ночи, мама.

Мама осталась одна.

Послѣдняя свѣчка вспыхнула яркимъ пламенемъ и потухла. Елка потемнѣла.

Въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги отца.

— Вы здѣсь, барыня? — спросила Тина, возвращаясь изъ дѣтской.

— Да, вотъ я, — сажу здѣсь.

Наступило на секунду молчаніе. Затѣмъ мама сказала:

— Тина, откиньте задвижку.

Тина сдѣлала это.

— И откройте дверь, — сказала мама.

Она поднялась съ кресла и накинула на плечи шаль.

Молча сошла внизъ по покрытой снѣгомъ лѣстницѣ въ садъ. Тина слѣдовала за ней. Передъ ними раски-

нулся садъ, бѣлый и молчаливый. Мама долго стояла съ поднятымъ кверху лицомъ, смотря на звѣзды.

— Барыня, — сказала Тина, — гдѣ находится внелемская звѣзда?

Мама не отвѣчала. Вѣроятно не слышала вопроса.

— Видите, Тина, вотъ это — Венера, — сказала она. И снова онѣ стояли въ молчаніи.

Въ бѣломъ саду не слышно было ни одного звука.

Тихія поля спали. Молча надъ ними странствовали звѣзды.

— — —

Послѣ Рождества настало время чтенія.

Тина приходила въ сумерки и выслушивала содержаніе книгъ.

Мама сидѣла передъ кафельной печкой, обнявши бѣлыми руками свои колѣни, рассказывала и сочиняла.

Ни одна книга не оставалась въ ея разсказахъ такою, какою она была въ дѣйствительности.

Сочиненія Эленшлегера*) были въ роскошныхъ переплетахъ, а поля книгъ пестрѣли массой замѣтокъ.

Мама знала его трагедіи почти наизусть и все-таки перечитывала ихъ снова. Когда она отрывалась отъ книги, которую читала дѣтямъ, казалось, что ея глаза стали вдвое больше.

— Мама, читай дальше, — говорилъ старшій мальчикъ.

— Когда же дѣти пойдутъ спать? — сказалъ папа, открывши свою дверь.

*) Эленшлегеръ (Oehlenschläger) датск. поэтъ (1778—1850 г.).

— Сейчасъ, Фрицъ, сію минуту, — отвѣтила мама и продолжала читать.

Ея голосъ былъ нѣженъ, какъ грустная ласка, а въ глазахъ стояли слезы.

Охотнѣе всего она читала слова Торы, когда та прощается съ трупомъ Гакона.

Тина слѣшала и сопѣла, какъ тюлень.

— Пойдутъ ли дѣти когда-нибудь спать?

— Сейчасъ, Фрицъ, сейчасъ...

И мама продолжала читать.

Часто она читала «Христіана Винтера».

Чаще всего «Бѣгъ оленя».

Ея голосъ придавалъ стихамъ нѣжность и мягкость.

— Никто такъ не умѣетъ читать, какъ барыня, — сказала горничная. Она слѣшала, стоя въ углу, около книжнаго шкафа.

Наконецъ папа потерялъ терпѣніе, и дѣти должны были отправиться спать.

Они плакали и въ утѣшеніе получили сливы, чтобы быть «паиньками» и пойти въ дѣтскую.

А мама съ непокрытой головой пошла провожать Тину по аллеѣ.

Въ ясныя нѣчи она долго гуляла. Больше всего она любила звѣзды. Могла долгое время простоять и все считать, сколько ихъ находится въ одномъ мѣстѣ.

Тина сопровождала ее...

Она обыкновенно спрашивала, какъ называется та или иная звѣзда.

А мама окрестила ихъ именами своихъ друзей.

-- Вотъ это звѣзда моей матери...

— Видите вы ее?

— А вотъ это — звѣзда Алисы...

— Поэтому-то она такая тусклая, печальная...

На небѣ было много печальныхъ звѣздъ, и она ихъ ужасно любила.

— Стелла! — закричалъ папа изъ окна. — Стелла, ты простудишься!

— Я смотрѣла на звѣзды, — отвѣтила она. Постояла еще мгновеніе, поднявши вверхъ свое блѣдное лицо.

— Это — звѣзда Фрица, — произнесла она почти шопотомъ.

И тихо вошла въ домъ.

Смотрѣть на звѣзды было у нея почти страстью.

— Тогда я бываю вмѣстѣ со всѣми своими друзьями, — говорила она.

Иногда она провожала Тину вплоть до самаго кладбища, но никогда дальше. Потому что боялась привидѣній. Въ нихъ она вѣрила твердо и непоколебимо и ни минуты не сомнѣвалась, что дома, въ голубой комнатѣ, водятся привидѣнія.

Она подтверждала это кивкомъ головы, говоря:

— Фрицъ это тоже знаетъ.

Въ голубой комнатѣ расхаживало привидѣніе въ образѣ блѣлой дамы, и если ее видѣли, то кто-нибудь долженъ былъ умереть.

Мама видѣла ее одинъ разъ, и тогда умеръ старый почтмейстеръ.

Она вообще знала много страшныхъ исторій съ привидѣніями и рассказывала ихъ въ сумеркахъ, такъ что дѣти дрожали и холодѣли отъ ужаса.

Больше всего она любила рассказывать про духа, который водился въ Огольмѣ. Это не было вымысломъ, потому что одна изъ ея тетокъ его видѣла. Въ Огольмѣ вообще всегда водилась всякая нечисть... Оливія сидѣла однажды и причесывалась, чтобы ѣхать на балъ. Вдругъ она увидѣла, какъ отъ стѣны отдѣлилась дама... совѣмъ, какъ живая... она видѣла ее въ зеркалѣ... Въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, съ большими букетами розъ, она подошла къ Оливіи и стала позади ея стула.

Оливія, какъ угорѣлая, бросилась изъ комнаты и закричала...

Хорошо еще, что дама не схватила ее въ объятія. Съ одной свѣтской дамой это такъ и случилось... та вбѣжала въ коридоръ, на лѣстницу, вбѣжала къ графинѣ и закричала: — Дама появилась изъ стѣны, подошла ко мнѣ, взяла меня за руку... и кружила по комнатѣ.

...Въ то же мгновеніе эта свѣтская дама сошла съ ума.

... Такъ и осталась навѣки сумасшедшей.

Мама все сидѣла и рассказывала...

Впослѣдствіи графъ велѣлъ разобрать стѣну въ этомъ мѣстѣ, и что же... въ потайной комнатѣ былъ найденъ скелетъ.

— Дама эта была, конечно, убита кѣмъ-нибудь, — сказала мама.

Привидѣнія были, несомнѣнно, дѣломъ ея рукъ.

... А что многія предсказанія оправдываются, это вѣдь было доказано.

При этомъ собаки и совы знаютъ будущее лучше, чѣмъ люди.

Когда сова кричитъ на церковной колокольнѣ, значить кто-нибудь изъ прихожанъ умретъ.

— Пономарь это знаетъ, — говорила мама и кивала головой въ ту сторону, гдѣ жилъ пономарь.

Зимою въ послѣобѣденное время мама ходила съ дѣтьми въ гости. Всѣ дѣти шли толпою по аллеѣ вокругъ мамы и щебетали, словно стая птенцовъ.

Въ концѣ аллеи жилъ сельскій фохтъ.

Его красивая бѣлая усадьба, большихъ размѣровъ, съ выкрашенными въ зеленый цвѣтъ воротами, была расположена посреди бѣлыхъ полей.

Мама часто туда ходила.

Жена фохта тотчасъ же уходила въ кухню. Говорила: «здравствуйте» невнятнымъ голосомъ; подавала свою потную руку такъ быстро, что ее трудно было схватить, и уходила на кухню готовить угощенье.

Не проходило и десяти минутъ, какъ на столѣ уже появлялись разныя кушанья. Тутъ находилось и жаркое, и свекла, и студень. Краюхи хлѣба были величиною съ любую географическую карту.

Фохтъ былъ дородный мужчина. Онъ надѣвалъ сюртукъ, когда ходилъ въ церковь или отправлялся на базаръ въ Аугустенборгъ. Въ прочее же время онъ ходилъ въ жилеткѣ.

Мало говорилъ, но почти все время смѣялся такъ, что все его тѣло тряслось.

Мама въ отчаяннн сѣла ѣсть студень.

Всякій разъ, когда она приходила домой послѣ визита къ фохту, ей приходилось выпивать стаканъ красного вина, чтобы уничтожить ощущение жира во рту.

Мама посѣщала домъ фохта въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и всегда повторялась одна и та же исторія: жена второпяхъ приносила свои привѣтствія и уходила въ кухню, а мужъ, какъ только замѣчалъ мамино лицо, начиналъ смѣяться такъ громко, что вся маленькая комната дрожала.

Но однажды — это было въ сумеркахъ — въ столовую нашего дома вкатилось что-то въ родѣ тяжелаго клубка. Клубокъ, весь состоявшій изъ платковъ и шалей всевозможныхъ размѣровъ, докатился до стула около книжнаго шкафа, грузно повалился на него и плакалъ, плакалъ безъ конца.

Изъ-подъ платковъ плачь донёсился глухо и урывками.

Клубокъ оказался женою фохта.

Ея сынъ нечаянно застрѣлился.

Мама стала передъ нею на колѣни, старалась проникнуть къ ней сквозь шали, чтобы утѣшить...

Но клубокъ все плакалъ да плакалъ и твердилъ:

— Мнѣ надо поговорить съ пасторомъ.

— Да, да, мадамъ Гансенъ, да, да, мадамъ Гансенъ...

— Мнѣ надо поговорить съ пасторомъ.

И клубокъ покотился по полу къ пастору, рыдая тихо и протяжно, съ такимъ горемъ, что казалось, будто плачетъ что-то неживое.

— Какъ она плакала, — сказала мама, — какъ она плакала! Если бъ только мнѣ удалось стащить съ нея шали!..

Словно шали глубже запрятавали ея горе внутрь.

... Мама и старшій мальчикъ отправились посмотре́ть умершаго.

Въ домѣ не слышно было ни одного звука. Собака не лаяла... вся домашняя птица была заперта въ курятникѣ.

Фохтъ вышелъ въ сѣни навстрѣчу мамѣ и мальчику.

Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ и вздыхалъ безпрестанно.

Молча велъ онъ маму и мальчика по комнатамъ. Двери вездѣ были открыты.

Гробъ стоялъ въ залѣ.

Въ комнатѣ царилъ желтоватый полумракъ, который бываетъ, когда окна завѣшиваются парусиной.

Фохтъ снялъ покровъ съ лица умершаго.

Мертвецъ молчалъ.

Въ людской у насъ говорили, что Нильсъ Андерсъ соблазнилъ многихъ дѣвушекъ.

— Это потому, что у него былъ такой женственный ротъ, — сказалъ дворецкій.

— И никакая дѣвушка не могла устоять.

— Да и ноги у него были красивыя, на заглядѣнье...

А теперъ онъ лежалъ безмолвно, неподвижно.

Казалось, что на его лицѣ не было никакого выраженія — только могильный холодъ.

Фохтъ расхаживалъ и бормоталъ обрывки молитвъ, которыя помнилъ еще со времени своей конфирмаціи.

Мама долго смотрѣла на лицо мертваго.

Затѣмъ сама накрыла его покровомъ. Онъ рѣзко поднялся надъ большимъ прямымъ носомъ покойника.

Жены фохта не было въ комнатѣ.

Она ходила по своей кухнѣ въ черныхъ чулкахъ.

Когда мама съ мальчикомъ вышли въ столовую, столъ былъ уже накрытъ и уставленъ кушаньями.

Жена предложила угощенье.

Двери въ комнату покойника были открыты настежь.

Фохтъ ѣлъ разсудительно. Медленно глоталъ кусокъ за кускомъ. Онъ нуждался въ большомъ количествѣ пищи въ эти печальные дни.

За столомъ не разговаривали.

Мальчикъ получилъ рюмку черносмородиновой наливки — выпилъ ее потихоньку, чтобы мама не видѣла.

У него закружилась голова.

Тѣда продолжалась долго. Жена фохта сидѣла у двери, она за все время не произнесла ни одного слова.

Но когда мама собралась уходить и подошла къ ней попрощаться, она замѣтила, что все тѣло бѣдняги тряслось отъ рыданій.

Она смотрѣла внизъ и хотѣла что-то сказать, но не могла произнести ни одного слова...

— Конечно я прошу; слишкомъ многого, но... но мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы госпожа что-нибудь спѣла надъ покойникомъ, — пролепетала она.

Мама не отвѣтила.

Молча сняла свою верхнюю одежду, и всѣ четверо пошли по комнатамъ туда, гдѣ въ желтомъ свѣтѣ стоялъ гробъ.

Фохтъ принесъ большой псалтырь.

Но мама пѣла наизусть, не глядя на покойника.

Едва подумаю о свѣтломъ томъ мгновеньѣ,
Когда земную жизнь покину я,
Ликуетъ и поетъ въ глубокомъ упоеньѣ,
Какъ птичка на зарѣ, душа моя.

О, милый день,
Когда подъ сѣнь
Исуса я приду,
И неземной
Себѣ покой
Въ его раю найду.

Родители умершаго застыли въ своихъ позахъ.

Мама пѣла одна.

Мальчикъ стоялъ и смотрѣлъ ей въ лицо. Оно было блѣдное-блѣдное.

Нѣжно и тихо звучалъ ея голосъ, оплакивая смерть чужого человѣка.

Душа моя полна надеждою крылатой,
Призывъ Христа услышавъ въ тишинѣ,
Всѣмъ людямъ смерть казалась за грѣхи рас-
платой,
Но избавленіемъ она предстанетъ мнѣ.

Смерть не страшна,
Для насъ она
Дверь въ царство наслажденья.
Она свѣтла!
Земного зла
Несетъ она забвенья.

Минуту царило молчаніе.

Жена фохта подошла къ покойнику и накрыла его лицо покровомъ.

Мальчику показалось, что мама не попрощалась съ хозяевами.

Фохтъ проводилъ ихъ черезъ дворъ, отперъ ворота, выпустилъ ихъ и заперъ за ними.

Мать и мальчикъ вышли на дорогу.

Мама молчала.

— Мама, — сказалъ мальчикъ, — у тебя было лицо блѣдное-блѣдное.

— Идемъ, — сказала мама.

Придя домой, мама все время молчала и содрогалась, словно отъ холода. За ужиномъ почти совѣмъ не разговаривали.

— Фрицъ, — сказала мама неожиданно, — у этого человѣка не было души.

— Что ты, Стелла, говоришь.

— Конечно нѣтъ.

Мама немного помолчала.

— У него была только кровь... теперь она застыла.

Папа не отвѣчалъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній мама добавила:

— Людямъ всегда надо умирать стариками.

— Стелла, какія ты вещи говоришь.

— Да, конечно такъ. Вѣдь тогда страданія даютъ имъ своего рода душу.

Помолчавши немного, мама снова сказала:

— Юность обладаетъ только кровью.

Мама, казалось, была въ какомъ-то таинственномъ возбужденіи:

— Я не могу забыть его лица, которое ничего не выражало...

На похоронахъ присутствовало все населеніе острова.

За усадьбой сельскаго фохта шли маленькіе домики крестьянъ, окруженные заборами. Ихъ оконныя рамы и двери были выкрашены въ зеленый цвѣтъ, а сами домики были бѣлые среди бѣлаго снѣга.

Мама кланялась каждому окну, дѣти тоже кланялись вслѣдъ за нею, а самый старшій мальчикъ взбѣгалъ на каждую изъ кучъ снѣга, насыпанныхъ вдоль дороги.

— Не шали, — сказала мама.

Въ самомъ послѣднемъ домѣ жила Эльсебетъ. Она была самая старая въ деревнѣ, ей навѣрное перевалило за сто лѣтъ. Въ ея комнатѣ было совершенно тихо; дѣтямъ казалось, что даже котъ никогда тамъ не рѣшался мурлыкать. Или, можетъ быть, просто забывалъ. Но когда онъ важно раскрывалъ свои желтовато-сѣрые глаза, можно было подумать, что ему дано знать многое.

Когда-то, въ былыя времена, Эльза занималась пряденьемъ... прядла, прядла безъ конца.

Теперь прядла бездѣйствовала. Стояла около двери. Словно часы, которыхъ уже давно не заводили.

Эльсебетъ поклонилась мамѣ, когда та вошла. Голосъ ея шелъ откуда-то снизу, изъ самой глубины груди.

— Да, сижу здѣсь, посиживаю, — сказала она.

— Вѣдь вамъ пріятно сидѣть, Эльсебетъ, — сказала мама.

Котъ зашевелился, мама на него со страхомъ покосилась — она его всегда боялась: онъ не любилъ чужихъ, былъ ревнивъ и хотѣлъ всегда быть съ Эльсебетъ наединѣ.

— Да, сидитъ вотъ такъ человекъ и ждетъ, — сказала Эльсебетъ. — Сначала онъ живетъ, потомъ думаетъ о прошломъ, а подъ конецъ только сидитъ да ждетъ.

— Старые люди всегда бываютъ умные, — сказала мама.

— Да.

— Но пользы имъ отъ этого никакой, барыня, да и другимъ тоже мало. Кровь всегда остается кровью, ей хочется кипѣть, пока она не устанетъ или не охладѣетъ.

Эльсебетъ посмотрѣла на старшаго мальчика — у нея были ясные глаза, но они сидѣли глубоко...

— У него тоже будетъ когда-нибудь кровь, — сказала она. — Кровь и слезы всегда приходятъ въ одно время.

— Что она говоритъ? — спросилъ мальчикъ.

Но мама не отвѣтила.

Эльсебетъ помолчала минутку. Котъ открылъ свои глаза.

— Теперь время материнскихъ заботъ и печалей, однако и оно пройдетъ.

— Что она говоритъ? — спросилъ мальчикъ.

— Но есть матери, которыя умираютъ и оставляютъ маленькихъ дѣтей, — сказала мама.

— И хорошо дѣлають, — отвѣтила Эльсебетъ.

Тихо было въ комнатѣ. Даже часы давно остановились. Эльсебетъ ихъ больше не заводила. Каждый день послѣ захода солнца приходила жена сосѣда, раздѣвала Эльсебетъ и укладывала ее на покой.

— Подъ конецъ только думаешь о томъ, къ чему все это.

— Что вы хотите сказать, Эльсебетъ?

— Да вотъ то, барыня, что Богъ великъ, а мы-то ему ни къ чему не нужны.

— Этого мы не знаемъ, Эльсебетъ, — сказала мама.

— Конечно, барыня, вѣдь мы слишкомъ ничтожны, и ему некогда возиться съ нами.

Эльсебетъ замолкла. Мама встала, собираясь уходить съ дѣтьми.

— Прощайте, Эльсебетъ. Я вамъ принесла бузиннаго варенья. Вотъ оно.

— Прощайте, — сказала Эльсебетъ.

На обратномъ пути мама была очень молчалива.

— О комъ она говорила? — спросилъ мальчикъ.

— О тебѣ! — отвѣтила мама. И замолчала.

Когда старшему мальчику приходилось проходить мимо дома Эльсебетъ, онъ всегда шелъ по другой сторонѣ дороги...

— — —

... Недалеко отъ дома кистера находилось жилище мадамъ Иесперсенъ. Оно было расположено на холмѣ, на который приходилось взбираться по лѣстницѣ, имѣвшей перила только съ одной стороны. Полъ въ прихо-

жей былъ посыпанъ пескомъ, въ комнатахъ пахло дѣвственностью и лавандой.

Мадамъ Иесперсенъ сидѣла на возвышеніи и занималась вязаньемъ. Работала съ утра и до поздняго вечера. На всѣхъ стульяхъ лежали бѣлоснѣжные куски ея вязанья.

Когда кто-нибудь изъ дѣтей садился, а затѣмъ вставалъ, вязанье прилипало къ одной — въ обществѣ мало упоминаемой — части дѣла.

— Подойди-ка сюда, — сказала мама старшему мальчику и положила прилипшій кусокъ на прежнее мѣсто.

Спинки всѣхъ стульевъ были вышиты фрѣкенъ Еленой по канвѣ. Фрѣкенъ Елена всегда вышивала разноцвѣтныя звѣзды на самомъ разнообразномъ фонѣ.

Мадамъ Иесперсенъ говорила по-голландски. Тамъ была ея родина. Когда-то она служила у Ранцауеровъ. Никто не зналъ, какими судьбами она попала къ намъ, въ наше захолустье.

Одѣта она была всегда въ муаровомъ платьѣ и сидѣла въ широкомъ креслѣ краснаго дерева. На головѣ носила высокую наколку. Дѣти думали, что она не снимала ее даже на ночь, такъ и спала съ ней. Руки ея были въ браслетахъ изъ янтаря.

Со своего возвышенія она сходила только, когда отправлялась въ церковь. Тогда она надѣвала муаровую накидку, а поверхъ ея вязаную шаль.

Когда надо было пить кофе, фрѣкенъ Еленѣ пришлось отодвинуть въ сторону цѣлый ворохъ трафаретовъ. Трафареты вырѣзывались изъ сѣрой оберточной бумаги и служили цѣлямъ пополненія ея вѣчно незаконченнаго

гардероба. Два раза въ году она ѣздила въ Фленсбургъ и постоянно возвращалась съ головой, набитой всевозможными фасонами кофточекъ, которыя въ теченіе полугода занимали ее вплоть до новой поѣздки.

Изъ матерій ей больше всего нравились шотландскіе образцы.

Собственно говоря, она мѣняла однѣ только кофточки. Юбки всегда оставались приблизительно одинаковыми. Только время отъ времени онѣ отдѣлывались заново.

Печенья къ кофе хранились въ шкатулкѣ, стоявшей подъ кроватью мадамъ Иесперсенъ. Кровать мадамъ Иесперсенъ была высокою съ цѣлую гору.

— Ахъ, да, надо имѣть терпѣніе, — сказала мадамъ Иесперсенъ и опустила руки. Когда-то она носила массу колець, теперь они исчезли подъ жиромъ ея толстыхъ, короткихъ пальцевъ.

Фрѣкенъ Елена безпрестанно суежилась и болтала.

Фрѣкенъ Стина только высунула въ дверь свое худое лицо и поздоровалась. Ей нельзя было уйти изъ своей школы шитья.

— Посидите съ нами минутку, — сказала мама, — пусть дѣвушки сами шьютъ.

Но фрѣкенъ Стина была уже снова въ комнатѣ, гдѣ семь дѣвушекъ-подростковъ съ косичками, напоминающими мышинные хвостики, шили бѣлье, поджавъ губы.

Фрѣкенъ Стина была ростомъ съ мужчиною и жилиста, какъ старая кляча. Она учила грамотѣ по утрамъ, а послѣ обѣда давала уроки шитья. За уроки шитья она получала по маркѣ въ мѣсяць съ головы.

— Стина никогда не позволить себѣ минутку отдохнуть, — сказала мадамъ Исперсень.

— Но надо имѣть терпѣніе:

Фрѣкенъ Елена занялась накладываньемъ печенья на маленькую фарфоровую вазочку, продѣлывая изъ-за каждаго кусочка множество маленькихъ движеній руками.

Она бѣгала каждую минутку въ кухню, наблюдая за варкой кофе, и неустанно болтала.

Фрѣкенъ Елена болтала безъ-удержу, при этомъ никто не могъ себѣ дать яснаго отчета, о чемъ она собственно говорить.

— Ja, die kleine schwärmt, — сказала мадамъ Исперсень.

Какъ только кофе былъ поданъ на столъ, въ комнату явилась фрѣкенъ Стина и сѣла у двери на одинъ изъ трехъ крѣпкихъ стульевъ краснаго дерева — другіе предметы, предназначенные для сидѣнья, были менѣе надежны — съ плетеными спинками, — а она садилась грузно и терпѣть не могла хрупкую мебель.

Она наскоро напилась кофе и снова исчезла.

Съ вазочки исчезло нѣсколько крендельковъ.

Стина раздавала ихъ въ школѣ шитья въ видѣ награды за успѣхи. Хотя воровство не принадлежало къ числу недостатковъ фрѣкенъ Стины, но она никогда не упускала случая стянуть потихоньку печенье. Если это не удавалось, она покупала сахарные крендельки въ трактирѣ.

Та изъ дѣвочекъ, съ мышиными хвостиками на за-

тылкѣ, которая оканчивала шить какую-нибудь вещь, получала въ награду кренделекъ.

Когда мама вышла въ сѣни, собираясь уходить, фрѣкенъ Стина высунула свою голову изъ комнаты, гдѣ помѣщалась школа — оттуда пахнуло душнымъ спертымъ воздухомъ. Фрѣкенъ Стина должна была обязательно цѣловать маму на прощанье. Это былъ единственный взрослый человѣкъ, котораго она дѣловала. Старшій мальчикъ выбѣжалъ сломя голову въ переднюю, застучавши деревянными башмаками.

— Какъ онъ неуклюжъ, — сказала мама. — Никакъ не можетъ научиться вести себя прилично.

Фрѣкенъ Стина стояла у двери дома, кивая головой, а фрѣкенъ Елена отодвинула въ сторону стоявшіе на окнѣ цвѣты своей красивой рукой и привѣтливо улыбалась уходившимъ гостямъ.

— Мама, — сказалъ старшій мальчикъ, когда они спустились внизъ на дорогу, — у фрѣкенъ Стины брови точь въ точь, какъ у дворецкаго Ларса.

У фрѣкенъ Стины были мужскія брови и глаза молоденькой дѣвушки.

Мама любила слушать болтовню своего младшаго сына. Онъ говорилъ почти такъ же, какъ и она сама, употреблялъ тѣ же выраженія, съ той же разстановкой словъ, съ серьезностью взрослога человѣка, производившей впечатлѣніе разсудительности.

Его голова, которая казалась слишкомъ большой по сравненію съ туловищемъ, всегда торчала гдѣ-нибудь съ боку маминой юбки.

Когда дѣти приходили со своихъ визитовъ къ сверст-

никамъ, мама всегда выслушивала ихъ отчетъ о пирушкѣ.

Она садилась посреди столовой въ любимое кресло...

— Ну, дѣтки, рассказывайте.

Всѣ дѣти одновременно начинали тараторить, перебивая другъ друга.

— Сначала пусть говорить старшій, — говорила мама.

Мальчикъ становился передъ мамой въ своей бархатной блузѣ и передразнивалъ всѣхъ, — дѣвочекъ и мальчиковъ, копировалъ ихъ голосъ и манеры, а мама смѣялась до упаду.

— А это кто такъ дѣлаетъ? А это кто?

Мальчикъ продолжалъ рассказывать. Онъ великолепно помнилъ все, что происходило въ гостяхъ. Смѣшно кривлялся, передразнивая то того, то другого, и прыгалъ какъ козленокъ.

Мама подъ конецъ спрашивала:

— Чѣмъ же васъ угощали?

И дѣти начинали наперерывъ перечислять кушанья.

Мама всегда смѣялась надъ угощеньемъ, которое подавалось въ гостяхъ.

— Здѣсь никогда не подаютъ на столъ чего-нибудь хрощаго. Дадутъ дѣтямъ бутербродовъ да миндальнаго пуддинга, только и всего.

Папа отворилъ свою дверь.

— Стелла, ты совсѣмъ испортишь мальчишку, — сказалъ онъ, — дѣти не должны съ самой колыбели учиться критиковать другихъ.

— Фрицъ, не могу же я помѣшать мальчику смотрѣть на все своими собственными глазами.

Папина дверь снова закрылась.

Она была всегда закрыта, и дѣти почти совсѣмъ не знали, что было за дверью. Они туда рѣдко заходили, и тамъ было темно. Комната была обращена къ сѣверу, и солнце въ нее никогда не заглядывало. Мебель была изъ темно-краснаго дерева.

Папа большей частью расхаживалъ изъ одного угла комнаты въ другой.

— Кто это? — спрашивалъ онъ, когда кто-нибудь входилъ, и, казалось, вздрагивалъ.

— Это я, — отвѣчалъ кто-нибудь изъ дѣтей, пришедшій за книгой.

И папа снова продолжалъ странствовать между четырехъ стѣнъ.

Онъ очень любилъ теплоту, и все-таки руки у него всегда были бѣлыя отъ холода.

За обѣдомъ, когда кто-нибудь изъ дѣтей разговаривалъ, онъ вдругъ выходилъ изъ своей постоянной задумчивости — около него всегда стояла бутылка краснаго хорошаго вина съ краснымъ сургучомъ на горлышкѣ.

— Богъ знаетъ, какъ у насъ дѣти воспитываются, — говорилъ онъ.

— Милый Фрицъ, — отвѣчала мама, — какъ же иначе воспитывать дѣтей въ деревнѣ?

— Какъ дѣтей, — отвѣчалъ папа и снова погружался въ свои мысли.

Его лицо было всегда блѣдное, а въ бородѣ ужъ начала пробиваться сѣдина.

Но мама сказала Тинѣ, дочери школьнаго учителя:

— Милый другъ, дѣти — всегда дѣти; чего они не услышать здѣсь, то они слышатъ въ людской.

Это было вполнѣ справедливо. Самые веселые часы дѣти проводили въ людской. Въ ней было жарко, какъ въ банѣ, и дѣти становились красными какъ вареные раки.

Они сидѣли въ уголкѣ и слушали разговоры. Людская была мѣстомъ собраній чуть ли не всей деревни, потому что трудно себѣ представить, сколько тамъ выпивалось пива.

Дѣвочка все время бѣгала отъ одного къ другому въ своихъ черныхъ чулкахъ и наливала пиво въ кружки.

Казалось, что это не людская, а кабакъ.

Дворецкій Ларсѣ сидѣлъ въ концѣ стола и предѣдательствовалъ въ собраніи. Крестьяне стояли около стѣнъ. Маренъ, прислонившись къ двери, смѣялась.

Не было ни одной деревенской сплетни, которая не обсуждалась бы въ людской.

Мама иногда отворяла дверь и спрашивала:

— Ну, дѣти, что слышно новаго?

И она сама садилась около печки. Тогда рѣчь велъ только дворецкій Ларсѣ, крестьяне же молчали и косились на свои кружки.

Дворецкій Ларсѣ служилъ у насъ испоконъ вѣка. Всѣ слуги жили въ домѣ съ незапамятныхъ временъ. Мама постоянно жаловалась папѣ на ихъ дерзость.

Папа говорилъ:

— Ну такъ пусть уходятъ. Откажи имъ отъ должности.

Мама беспомощно поднимала глаза къ потолку.

-- Но они не хотятъ уходить, — отвѣчала она.

И они оставались.

У горничной постоянно болѣла голова.

Она обвязывала ее полотенцами и становилась похожа на тяжело раненаго, расхаживала назадъ и впередъ и стонала. Лѣкарствомъ противъ ея болѣзни служило истребленіе неимовѣрнаго количества кофе и абсолютное бездѣлье.

— Всюду я нахожу Ганнины вѣники, — говорила мама.

Вѣники были оставлены на произволъ судьбы.

Сама Ганна сидѣла въ столовой у книжнаго шкафа и стонала:

— Я сказала Маріи, чтобы она сварила кофе, — произнесла она.

— Ну что жъ, хорошо, — отвѣтила мама.

— Не хотите ли, барыня, тоже выпить чашечку, — стонала Ганна.

— Спасибо, если найдется, не откажусь...

Экономка сидѣла у окна и вышивала. Это была очень длинная и апатичная персона, которая постоянно чувствовала себя чѣмъ-нибудь обиженной, пользуясь этимъ въ качествѣ предлога для того, чтобы ничего не дѣлать.

Мама ужасно сердилась на нее и каждый день спрашивала, не желаетъ ли она поѣхать въ Сендерборгъ за покупками.

— А потомъ и будете говорить, что я слишкомъ долго тамъ пробыла.

Она сложила руки на колѣняхъ.

— Всѣ мои экономки становятся такими важными барынями, что умѣютъ заниматься только вышиваньемъ.

Для самаго послѣдняго ребенка наняли кормилицу. Ее звали Роза, и оказалось, что о ней шла дурная молва по всему острову. Когда она перестала кормить ребенка, она заняла въ домѣ неопредѣленное положеніе, такъ какъ нянька уже имѣлась.

Папа всегда дѣлалъ напоминанія, что ее надо разсчитать.

— Милый другъ, — сказала мама, — скажи самъ, какъ я ее могу прогнать? И за что? Она сидитъ все время въ гостиной и шьетъ. Вреда она вѣдь никому не приноситъ.

Роза продолжала оставаться въ домѣ.

Когда вообще разговоръ заходилъ о прислугѣ, мама говорила:

— Слушай, Фрицъ, если бы ты вообще занялся этимъ дѣломъ, ты бы самъ увидѣлъ...

Папа былъ слишкомъ утомленъ, чтобы заниматься такими дѣлами, за исключеніемъ одного раза.

Старшій мальчикъ прошелъ по комнатѣ и сказалъ горничной Ганнѣ:

— Закрой дверь!

Онъ не зналъ, что дверь въ папину комнату была открыта. Отецъ тотчасъ же появился на дорогѣ, — блѣдный, какъ смерть.

— Будьте такъ добры, Ганна, позовите остальныхъ, — сказалъ онъ.

Вся домашняя прислуга собиралась, между тѣмъ какъ мальчикъ дрожалъ, а папа стоялъ и ждалъ. Когда всѣ собрались, отецъ безъ всякихъ церемоній далъ своему старшему потомку пощечину.

— Попроси у Ганны прощенія и скажи ей: «Ганна, закройте пожалуйста дверь».

Мальчикъ повторилъ его слова дрожащимъ отъ сдерживаемыхъ слезъ голосомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ прислуга была отослана.

Извѣстная вѣжливость по отношенію къ подчиненнымъ перешла съ того дня въ плоть и кровь къ дѣтямъ, потому что никто изъ нихъ не помнилъ, чтобы отецъ наказывалъ кого-нибудь.

— Служить у людей уже само по себѣ достаточно тяжело, — говорилъ папа.

Относительно «тягости» службы дѣти втихомолку занимались разнаго рода критическими размышленіями: «Вѣдь у насъ въ домѣ всѣмъ распоряжается прислуга, а не хозяева».

Когда мама однажды пожаловалась, Тина изъ школы, будучи воплощеніемъ здраваго разсѣлка, сказала ей:

— Не стоитъ, не мѣняйте, все же лучше для кармана держать старую прислугу.

— Пойдемъ, немного прогуляемся, — сказала мама ей.

Онѣ набросили на себя шали и вышли черезъ калитку въ садъ къ покрытому льдомъ пруду. Берега

были покрыты снѣгомъ, кое-гдѣ выглядывала полузасохшая травка.

За тополевою аллеёй тянулись огромные луга.

Вдругъ мама опечалилась, и въ ея красивомъ голосѣ слышалась жалоба.

— Какъ здѣсь было хорошо лѣтомъ, — сказала она.

Долгимъ и унылымъ взглядомъ смотрѣла она на луга, покрытые льдомъ и снѣгомъ, она любившая теплый вѣтерокъ и солнце.

Она посмотрѣла на бесѣдку съ бѣлыми колоннами. Въ день ея рожденія, въ юнѣ, колонны всегда украшались гирляндами и вѣнками.

— Немного лѣтъ мнѣ придется пережить, — сказала она.

— Конечно, — сказала Тина.

Но мама продолжала неподвижно смотрѣть на свою бесѣдку и на лежавшіе за нею луга, покрытые льдомъ.

— Нѣтъ, — сказала она и заплакала, она, которая любила свѣтлую жизнь.

— — —

Мама, ты склонила голову,
Когда пришла печаль,
Мама, ты закрыла свои очи,
Когда настали сумерки
Для насъ и для тебя.

О, мама.
Здѣсь бѣлыя колонны
Еще обвиты

Гирляндами розъ.
Но розы эти, мама,
Для другихъ.

Ты не могла
Зимою жить,
Когда земля и сердце
Были мертвы.

Ты ушла,
Но все жъ цвѣтутъ,
Цвѣтутъ пылающія розы,
Цвѣтутъ, но для другихъ.

— — —
...Немного дальше дома мадамъ Тесперсенъ улица заворачивала по направленію къ церковной площади.

На ней находился кабакъ, который былъ такъ же бѣлъ, какъ и находившаяся на противоположной сторонѣ церковь.

Только дверь кабака была зеленая, а церковныя ворота — черныя.

По лѣвую сторону стояла кузница. Она имѣла удивительно правильную четырехугольную форму, крыша ея смахивала на черную шапку. Внутренность кузницы была царствомъ ночного мрака и пламени.

Старшій мальчикъ часто забѣгалъ по воскресеньямъ въ кузницу. Въ ней было тихо, мирно и уютно, стѣны были такими же стѣнами, какъ и вездѣ, дверь — дверью и камни — камнями. Самъ кузнецъ превращался въ бѣ-

лаго, опрятнаго человѣка, большого и веселаго, который сидѣлъ передъ воротами кабака.

Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на тѣхъ, которые шли въ церковь. Но приходилъ понедѣльникъ, и кузница снова наполнялась черной ночью и краснымъ пламенемъ. И никогда мальчикъ не рѣшился бы зайти туда, гдѣ, какъ передавали, кузнецъ расхаживалъ словно черная тѣнь среди черныхъ мѣховъ-привидѣній.

По правую сторону находилась школа. Она, казалось, дружественно опиралась на церковь, прислонилась къ ней....

Лѣстница у школы была посыпана пескомъ.

Дверь мягко ходила на своихъ петляхъ. Уже въ прихожей все блестяло, — стѣны, полъ, потолокъ.

Не было никого, кто изводилъ бы столько зеленаго мыла на чистку комнатъ, какъ дочь понамаря, Тина.

Направо отъ входа помѣщалась школа. Въ ней вѣчно стояло монотонное жужжаніе. Дѣти сидѣли рядами, склонившись надъ своими букварями и катихизисами, мальчики и дѣвочки отдѣльно, словно мужчины и женщины въ церкви. Они потѣли и пыхтѣли надъ всей этой премудростью. Старый понамарь курилъ трубку, набитую крѣпкимъ табакомъ, и тоже потѣлъ. Онъ потѣлъ постоянно и тѣмъ не менѣе всегда накаливалъ печку докрасна.

Когда мама взошла въ сѣни къ понамарю, она приоткрыла дверь въ школу:

— Добрый вечеръ, — сказала она. — Тепленько у васъ здѣсь.

— Здравствуйте, здравствуйте, — отвѣтилъ понамарь.

Дѣти повскакали съ мѣсть въ своихъ красныхъ и черныхъ чулкахъ.

— Да, немного душно. Дѣтишки испортили воздухъ.

Мама закрыла дверь. На другой сторонѣ сѣней Тина уже услышала ея голосъ и открыла дверь въ комнаты.

— Заходите поскорѣе! — закричала она, — здѣсь у насъ тепло.

Въ школѣ всегда было тепло.

— Господи, какъ душно въ школѣ, — сказала мама, садясь на стулъ. Ни у кого не было такихъ удобныхъ стульевъ, какъ у понамаря. Они были широкіе съ распростертыми ручками, словно они стояли и ожидали хорошихъ людей, чтобы принять ихъ въ свои объятія.

— Это дѣти портятъ воздухъ, — отвѣтила Тина.

Дома мама настаивала на томъ, что самъ понамарь коварно помогалъ дѣтишкамъ въ ихъ неблаговидномъ занятіи.

Но въ комнатахъ пахло ладаномъ, засохшими лепестками розъ и чистотою.

Въ двери кухни показалась понамариха.

— А, здравствуйте, милости просимъ, — сказала она и поклонилась. — Я у васъ не рѣдкая гостья: на день семь разъ бываю.

Мама вошла въ кухню. Она любила ее осматривать. Кухня понамаря была предметомъ ея восхищенія и удивленія.

По стѣнамъ висѣло множество мѣдной посуды, чисто вычищенной и блестящей на диво — кастрюли, котелки и горшки.

Пузатый кофейникъ постоянно кипѣлъ.

— Вы его никогда съ огня не снимаете, — сказала мама.

— Да, — отвѣтила понамариха, — у насъ вѣдь всегда гости... слава Богу... знакомство большое.

Все окрестное населеніе посѣщало семейство понамаря.

Всѣ заглядывали сначала въ школу, а затѣмъ шли къ понамарихѣ.

— Къ нимъ надо ходить, — говорила мама, — кажется, будто тамъ всегда тебя ждуть; къ тому же, они знаютъ всѣ новости, но не сплетничаютъ.

Дѣти сняли свое верхнее платье и уже играли въ залѣ въ горѣлки. Нигдѣ не было такъ удобно играть въ горѣлки, какъ въ залѣ у понамаря.

Онъ былъ очень просторенъ, стулья стояли около стѣны и не мѣшали бѣгать.

— Милыя дѣтки, — сказала мама дома, — не знаю почему, но стулья у понамаря обладаютъ какою-то странною способностью производить впечатлѣніе пріятности.

Тина поспѣвала всюду, доставала чашки и въ то же время командовала дѣтскими играми.

— Вставай, ну же, вставай скорѣй! — кричала она. Старшій мальчикъ упалъ.

— Какъ онъ здорово шлепнулся, — сказала мама.

— Вставай, вставай! — кричала Тина.

— Тина, чѣмъ вы моете ваши скатерти? — спросила мама, снова войдя въ столовую и усѣвшись на другомъ стулѣ. Она постоянно мѣняла стулья, когда бывала у понамаря.

— У меня онѣ никогда не бываютъ такими бѣлыми, — сказала мама и въ отчаяніи покачала головой.

Въ дѣйствительности ея скатерти были такими же бѣлыми, какъ у понамаря, но послѣднія ей всегда казались бѣлѣе.

Вообще все ей казалось верхомъ чистоты и изящества у школьнаго учителя.

За исключеніемъ постелей. У понамаря были самыя высокія постели во всей деревнѣ.

— Какъ они могутъ лежать на такихъ горахъ; — говорила она, придя домой.

Постели были горами, исполинскими нагроможденіями пуховиковъ съ красными одѣялами и домотканными простынями.

— Я бы въ нихъ задохнулась, — говорила мама.

Постели были предметомъ гордости понамарихи.

Она всѣмъ показывала свои свадебныя простыни, которыя она начала ткать, когда еще была дѣвушкой.

Колыбель, въ которой Тину носили крестить, была устлана этими простынями.

— Все это произведено собственными руками, — говорила понамариха и нѣжно поглаживала простыни.

Теперь она пекла на сковородѣ вафли.

Мама уже почувствовала запахъ.

— Собираетесь насъ вафлями угостить? — спросила мама и передернула плечами. Она всегда производила это немного быстрое нѣжное движеніе, когда предвкушала наслажденіе отвѣдать какого-нибудь лакомства.

— Это великолѣпно, — сказала она.

Появились первыя вафли и дымящійся кофе. Мама

съ шумомъ усѣлась на диванѣ, набитомъ конскимъ волосомъ.

Надъ диваномъ находился портретъ короля Фредерика VII, повѣшенный между двумя его законными супругами.

Дѣти размѣстились на стульяхъ вокругъ стола. Они обжигались горячимъ кофе и не могли оторвать глазъ отъ вафлей.

— Осторожнѣй обращай съ чашкой! — закричала мама старшему мальчику.

— Господи, оставьте вы его въ покоѣ, — сказала Тина.

Но мама покачала головой.

— Онъ ужасно неуклюжъ. Это его несчастіе..

Тина, смѣясь, погладила мальчика по головѣ.

— Можетъ быть, это у него наслѣдственная черта, — сказала она.

— Ну, Тина, — укоризненно сказала понамариха.

Но мама засмѣялась и подняла свои красивыя руки съ просвѣчивающими жилками.

— Да, это правда, руки у меня красивыя. Но онѣ неправильно посажены въ суставахъ.

Понамариха потянула ихъ къ себѣ и нѣжно потрепала.

— Онѣ совсѣмъ не созданы для работы, — сказала она.

Но вдругъ мама стала серьезна.

— Да, — сказала она почти совсѣмъ измѣнившимся голосомъ, — такими руками совершенно невозможно удавиться.

Но тотчасъ снова вернулась къ прежнему настроенію.

— Вотъ у Тины руки такъ руки, — сказала она и удивленно смотрѣла на проворныя движенія Тины, которая снова одѣляла дѣтей вафлями.

Ея руки были сильныя и въ то же время небольшія. Начался разговоръ о графинѣ Даннеръ.

— Господи спаси, вотъ ужъ женщина.

Графиня Даннеръ была постоянной темой для разговоровъ во всей округѣ.

Замокъ Готторпъ былъ вѣдь недалеко, а изъ Готторпа король и графиня ѣздили въ Сэндерборгъ. Графиня всегда старалась найти такой уголокъ, въ которомъ ей воздавали бы подобающія почести.

Когда графиня пріѣхала въ Сэндерборгъ, всѣ должностныя лица острова Альса были приглашены къ ея столу со своими женами. Чиновники пришли, а ихъ жены прислали отказъ съ извиненіями.

Мама была единственной женщиной, явившейся къ графинѣ.

— Я хочу посмотрѣть ее, — сказала она. — Милые мои, она и въ самомъ дѣлѣ замѣчательная особа.

Графиня приняла палу и маму очень немилостиво.

Она знала ихъ родство съ Зеландскимъ епископомъ, котораго она хорошо помнила со времени своего вѣнчанія. Ходили слухи, будто они держали его въ Фредериксборгѣ почти въ плѣну, чтобы принудить его къ совершенію обряда бракосочетанія.

— Она умная, — сказала мама про графиню, вернувшись домой.

— Но, Создатель мой, какъ она декольтирована... Что

она выставляеть напоказъ?.. Вѣдь такія части тѣла стыдно показывать даже своему собственному зеркалу.

Въ школѣ началось пѣніе.

Старый понамарь запѣвалъ, а дѣти старательно отвѣчали ему самыми разнообразными голосами.

Это былъ похоронный псаломъ.

Въ комнатѣ продолжался разговоръ о графинѣ Даннеръ.

Какъ хрупкій цвѣтъ увянетъ снова
Все, что земля произвела,
Дни сочтены всего земного,
Красы-весны, добра и зла;
Лишь то, что съ неба снизойдетъ,
Во вѣки вѣчные цвѣтеть —

пѣлъ въ школѣ басъ понамаря и дѣтскіе дисканты.

Мама знала массу исторій про графиню.

Она слышала ихъ отъ своего тестя, стараго генерала, который ненавидѣлъ «эту персону» отъ всей души.

Мама рассказывала исторію про фредериксборгскіе каналы. Король и его супруга катались на лодкѣ. Вдругъ его величество свободолубивый король разгнѣвался.

— Бросьте ее въ море!

— Бросьте эту женщину въ воду! — кричалъ онъ.

— Чортъ побери — бросьте же эту негодяйку въ море! — командовалъ король.

И супруга короля должна была выйти изъ лодки и брести по водѣ вплоть до самой пристани.

Мама смѣялась до упаду.

Въ школѣ пѣніе продолжалось.
Печально звучали слова псалма:

И счастливъ тотъ, кто возлагаетъ
Надежду лишь на Божій взоръ,
Душа, что къ Господу взываетъ,
Презрѣвъ земли пустой уборъ.
Въ комъ силы есть, чтобъ ожидать,
Познають Божью благодать.

— Да, — сказала понамариха посреди разговоровъ о графинѣ, думая о похоронныхъ псалмахъ.

— Они поютъ эти псалмы, потому что сегодня назначена спѣвка.

Но мама продолжала рассказывать про графиню и Его Величество.

Она знала про нихъ много исторій.

Рассказывала, какъ король въ государственномъ совѣтѣ бросилъ протоколъ засѣданій совѣта прямо въ лицо председателю. Протоколъ пролетѣлъ мимо самаго уха министра юстиціи. Но хуже всего было съ графиней.

— Тестъ говоритъ, что она подслушиваетъ у двери во время засѣданій государственнаго совѣта.

— А затѣмъ отдаетъ отчетъ о нихъ Берлингу.

Графиня непремѣнно фигурировала во всѣхъ разсказахъ.

Понамариха сидѣла и слушала, Тина смѣялась. Въ школѣ перешли къ пѣнію патріотическихъ пѣсенъ. Старый понамаръ пѣлъ всегда громче, когда дѣло касалось «отечества».

— Но она умная, — сказала мама въ заключеніе своихъ разсказовъ о графинѣ.

Не было ничего на свѣтѣ, что импонировало бы мамѣ больше, чѣмъ умъ Луизы Расмуссенъ.

— Только какая она злая, — сказала она, — милыя дѣтки, ужасъ, какая она злая...

Казалось, что дѣти вдругъ проснулись отъ дремоты. Гулко раздавался сначала басъ:

Наша датская рѣчь такъ красива, мягка,
Съ чѣмъ ее мнѣ сравнить? Какъ ее восхва-
лить?

Она благородная дѣва, достойна она ко-
роля;

Она молода, какъ весна, и прекрасна, какъ
солнечный день;

Она молода, какъ весна, и прекрасна, какъ
солнечный день.

— Пойте тоже, дѣти, — сказала мама и сама стала подпѣвать. Старикъ услышалъ въ школѣ ея голосъ, и мелодія зазвучала громче.

Маминъ чистый голосъ покрывалъ всѣ остальные:

Она даетъ намъ много хорошихъ словъ
Для тихихъ молитвъ любви, для гордыхъ
побѣдныхъ гимновъ.

И если сердце сдавлено печалью или вол-
нуется отъ наслажденья...

Она даетъ намъ звуки, облегчающіе нашу
грудь.

— Смотри, смотри, ай да мальчикъ! — кричала Тина.

Мальчикъ представлялъ то Гакона, то рыцаря въ «Нинонѣ». Перепутывалъ стихи. То кричалъ, то говорилъ шопотомъ.

Печка была дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ трагедіяхъ. Старая престарая печка понамаря стояла пузатая и серьезная. Мальчикъ бѣгалъ вокругъ нея, заклиналъ ее и громилъ своими стихами.

— Ай да мальчишка, ай да мальчишка! — кричала мама, корчась отъ смѣха на своемъ стулѣ.

Снаружи доносился топотъ дѣтскихъ деревянныхъ башмаковъ по лѣстницѣ. Ученье окончилось. Мама подбѣжала къ окну посмотреть: внизу на бѣломъ снѣгу дѣтишки шумѣли и дрались.

— Ахъ, чертенята, — ругался понамарь, войдя въ комнату; онъ билъ мальчишекъ по лбу концомъ своей трубки, которая слегка покривилась.

— Они точь въ точь, какъ блохи на простынѣ! — сказала мама.

Блохи были излюбленнымъ животнымъ въ ея сравненіяхъ, да и вообще онѣ были ея любимцами. Стоило только кому-нибудь изъ дѣтей почесаться, какъ она уже съ благороднымъ рвеніемъ заявляла: «У тебя блоха». Раздѣвала догола, изслѣдовала все тѣло, каждую часть одежды, каждую складку. Блохи не оказывалось.

Но самая охота ее ужасно забавляла.

— Одѣнься, — говорила она, — отвратительный звѣрь ужъ успѣлъ ускакать.

Но если дѣйствительно удавалось поймать маленькое черненькое созданище, она брала его своими красивыми

ногтями, долго съ наслаждениемъ разсматривала его и говорила:

— Пусть себѣ прыгаетъ на здоровье.

... Понамарь усѣлся въ свое большое кресло у окна. Мама сидѣла какъ разъ противъ него. Начало темнѣть.

— Спойте что-нибудь, — сказалъ старикъ. Онъ всегда съ наслаждениемъ слушалъ мамины пѣсни.

— Спойте про любовь, — сказала Тина.

— Тина влюблена, — засмѣялась мама.

«Про любовь» — была ирландская мелодія. Слова чуждыя и забытыя. Только мама ихъ пѣла. Можетъ быть, она сама ихъ сочинила.

Она запѣла:

Прекрасенъ солнечный свѣтъ,
Но красивъ бываетъ и лунный,
Когда тихою ночью
Плавно онъ льется
На шумливыя волны рѣки.

Прекрасенъ солнечный свѣтъ.
Однако прекраснѣй въ сто разъ
Сіянье любви,
Озаряющее лицо юноши,
Когда онъ вдругъ увидитъ
Свою возлюбленную.

Но, какъ солнце заходитъ
И земля погружается въ мракъ,
Такъ же меркнетъ сіянье любви...
... И настаетъ ночь.

Ахъ, но доброе солнышко
Милосердно:
Оно восходитъ снова.
Сіянье же любви потухаетъ,
Потухаетъ навѣки.

Не въ томъ все горе,
Что люди обманываютъ,
И не въ томъ...
Что ихъ покидаютъ.
Горе въ томъ,
Что сіянье любви потухаетъ...
И настаетъ ночь.

Прекрасенъ солнечный свѣтъ.
Каждый день встаетъ лучезарное солнце,
И всѣ его могутъ видѣть.
Но тотъ, кто не видѣлъ,
Какъ загорается
И внезапно меркнетъ
Сіянье любви,
Тотъ никогда не пойметъ,
Что такое день и ночь.

Пѣсня смолкла.

— Какъ эта пѣсенка красива, — сказала Тина.

— Въ ней правда, — отвѣтила мама.

Но старый понамаръ сказалъ изъ полумрака со своего стула:

— Да, любовь такая вещь, что ее не выдумываютъ.
Она сама приходитъ.

— И уходитъ, — отвѣтила мама.

— Да, это вѣрно, — тихо сказала понамариха изъ своего угла.

Съ минуту было тихо. Затѣмъ старикъ сказалъ:

— Да, милая барыня, — это, конечно, правда: она приходитъ и уходитъ. Но есть и такіе люди, передъ которыми она запираетъ дверь, потому что они во время ея отсутствія не хотятъ подождать... пока она снова вернется.

Мама не отвѣчала.

Немного погодя, она снова заплѣла, и ея лицо было поднято кверху и блѣдно. Въ темнотѣ казалось, что на немъ появилось такое же выраженіе, какъ у Распятаго...

Ахъ, но доброе солнышко
Милосердно...
Оно восходитъ снова
Сіянье жъ любви потухаетъ,
Потухаетъ навѣки...

— Тина, — сказала она, и въ ея голосѣ вдругъ зазвучала бодрость, — теперь пойдѣмъ на кладбище.

Она часто ходила туда въ сумерки или подъ вечеръ, но всегда въ сопровожденіи Тины и дѣтей.

Одѣлись и прошли черезъ сіяющую кухню въ садъ.

— Спокойной ночи! — сказали старики. Они стояли у дверей кухни.

— Спокойной ночи.

Садъ былъ покрытъ снѣгомъ. На деревьяхъ висѣлъ иней, маленькія звѣздочки котораго блестѣли на морозѣ.

— Осторожнѣй, какъ бы не примять вашихъ розъ, — сказала мама.

— Онѣ прикрыты, — отвѣтила Тина.

Отворили калитку и вошли на кладбище.

Было совершенно тихо. Черные и бѣлые кресты молча вздымались надъ бѣлымъ снѣгомъ. Надписи на нихъ исчезли въ темнотѣ.

— Здѣсь никто не нарушаетъ покоя, — сказала мама.

По снѣгу были протоптаны дорожки. Надъ могилами стояли кресты. Среди снѣга стояла церковь, бѣлая и высокая.

Обошли все кладбище.

Мама и Тина шли впереди, дѣти бѣжали сзади по снѣгу.

Свѣтъ падалъ только отъ звѣздъ надъ ними.

Тина и мама говорили о тѣхъ, которые умерли за послѣдній годъ и теперь лежали въ могилахъ. Вспомнили про сына фохта:

— Онъ соблазнилъ многихъ дѣвушекъ, — сказала Тина.

— Да, говорятъ.

— И что онѣ находили въ немъ привлекательнаго?

— Значить, что-нибудь находили... — отвѣтила мама.

— Пчелы, Тина, чувствуютъ, въ какомъ цвѣткѣ содержится медъ.

— Да, должно быть.

— Онъ, навѣрное, обладалъ силою любви, — сказала мама и, помолчавши немного, добавила, смотря вдаль передъ собою: — вотъ и все.

Собрались уходить.

— Пойдемте, дѣти, — сказала мама.

А обращаясь къ Тинѣ, она сказала, въ то время какъ лицо ея было поднято кверху, туда, гдѣ сіяли звѣзды, которымъ она сама придумала имена:

— Тина, на свѣтѣ существуютъ только двѣ вещи — любовь и смерть.

Подошли къ высокимъ воротамъ. Тина отворила ихъ.

— Теперь надо идти домой, — сказала мама.

Отправились домой. Дѣти шли рядомъ съ нею.

Тихо было, совсѣмъ тихо. Всѣ дома были заперты.

Люди не встрѣчались имъ, а собаки ихъ знали.

Это былъ одинъ изъ тяжелыхъ дней мамы.

Когда пришли домой, лампы не зажигали, мама молчала.

Сѣла за старое фортепiano, бѣлые клавиши котораго рѣзко выдѣлялись въ темнотѣ, и запѣла:

Приходятъ года,
Когда мы съ горечью узнаемъ
Цѣну жизни.
Приходятъ года,
Когда мы должны
Покинуть все, что мы любимъ.

Папа открылъ свою дверь, и дѣти видѣли его высокую тѣнь на порогѣ.

Приходятъ года,
Когда мыслей войска
Превращаются въ погребальное шествіе,
Приходятъ года,
Когда всѣ желанья,
Утомившись, засыпаютъ.

Папа не двигался. Въ густой темнотѣ его фигура походила на черную колонну..

Приходятъ года,
Когда сами воспоминанья
Превращаются въ насмѣшку.
Приходятъ года,
Когда мы не живемъ...
... А лишь умираемъ...

Папа закрылъ дверь.

Мама содрогнулась отъ стука.

— Кто тамъ? — спросила она.

— Это былъ папа, — отвѣтилъ старшій мальчикъ изъ угла.

— Мама, спой ту, которую мы не понимаемъ.

Но мама закрыла фортепіано.

И долго, долго его не открывала.

— — —

Наступили времена, когда мама читала.

Дверь книжнаго шкафа все время ходила на петляхъ. Мама безпрестанно мѣняла книги одну за другой. Кучеръ ѣздилъ въ Сендерборгъ и привозилъ книги.

Она все время сидѣла на одномъ мѣстѣ у окна на «своемъ собственномъ стулѣ»: неподвижно. Книга лежала на шкатулкѣ съ принадлежностями для шитья, голову она подпирала руками. Дѣтей не слушала, о хозяйствѣ не заботилась. Только мѣняла книгу за книгой.

Входилъ въ комнату папа:

— Ты бы пошла погулять, — говорилъ онъ.

— Я читаю.

— Сходила бы въ школу.

— Ты вѣдь видишь, я читаю.

Она продолжала читать, перевертывая руками листы. Часъ проходилъ за часомъ. Дѣти тихо прокрадывались по комнатѣ.

Но иногда она клала открытую книгу на свои колѣни и, устало сложивши руки, неподвижно смотрѣла передъ собою въ молчаніи, затѣмъ снова принималась за чтеніе.

Брала книги съ папиныхъ полокъ. Читала естественную исторію и догматику. Все читала и читала безъ конца.

Папа проходилъ по комнатѣ.

— Когда же ты пойдешь прогуляться?

— Завтра.

— Ты каждый день говоришь: «завтра».

— Но вѣдь я же читаю.

Она читала какъ пьяница, который одурманивается безпрестанно виномъ и совѣмъ не желаетъ очнуться.

Тина пришла въ сумеркахъ.

— Чѣмъ вы занимались? — спросила она.

- Читала.
- Что?
- Сама не знаю.

И вдругъ разразилась жалобами, длинными и горькими упреками противъ книгъ, которыя она читала и которыя не утоляли ея жажду:

— О чемъ въ нихъ пишутъ? — сказала она и обняла колѣни своими бѣлыми руками, покрывшимися краснымъ отблескомъ отъ пламени печки, передъ которой сидѣли она и Тина. — Въ нихъ пишутъ красивыя и глупыя слова о томъ, что всѣмъ намъ давно извѣстно, о чемъ мы всѣ привыкли думать... о чемъ-нибудь другомъ въ нихъ не пишутъ.

— Во всѣхъ книгахъ вѣдь рассказывается про любовь, — сказала Тина.

Мама разсмѣялась.

— Вотъ о любви-то онѣ именно и не рассказываютъ.

— Нѣтъ, какъ же?

— Книги искажаютъ жизнь и лишаютъ насъ мужества смотрѣть правдѣ прямо въ глаза.

— Какой правдѣ?

— Правдѣ.

Она помолчала мгновенье. Старшій мальчикъ лежалъ у ея ногъ и смотрѣлъ на ея прекрасное лицо:

— Я ее знаю, — сказала она, — но поэты (она произносила это слово съ гордой насмѣшкой) должны обладать смѣлостью высказать ее... Я ищу такого поэта, который бы осмѣлился сказать правду.

— Они пишутъ рассказы, которые мы и сами можемъ состряпать, сочиняютъ стихи, которые мы тоже

можемъ выдумать и пѣть подъ звуки фортепiano... Но правды они не говорятъ... Гм... переплетчики, пожалуй, единственные люди, которые ихъ знаютъ; они вѣдь ихъ переплетаютъ съ незапамятныхъ временъ и научились покрывать позолотой ихъ лживыя измышленія...

— Ахъ, да, — продолжала она, слегка улыбаясь, — книгопродавцы тоже это, вѣроятно, знаютъ; они всегда такъ любезно улыбаются, когда у нихъ покупаешь книгу, словно хотятъ сказать: «умнѣй все равно не станешь... но сдѣлай милость — купи еще одну новую ложь»...

Она продолжала сидѣть со сложенными руками. И вдругъ заговорила совершенно спокойно:

— Меня ужасно удивляетъ, что всѣ они такіе глупые; вѣдь ни у одного изъ нихъ не хватаетъ ума настолько, чтобы подвергнуться насмѣшкамъ и униженію людей за то, что сказалъ имъ правду въ лицо.

— Но какую же правду? — спросила Тина, которая совсѣмъ пришла въ отчаяніе отъ «книжнаго запоя», охватившаго маму.

Мама помолчала немного:

— Вотъ сынъ старосты зналъ ее, — сказала она. — Но онъ не умѣлъ читать, да къ тому же былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы стать поэтомъ...

Тина, ничего не понимавшая, сказала, отвлекаясь отъ темы разговора:

— Да, лѣнивъ былъ онъ во всемъ, но это не мѣшало ему дѣлать людей несчастными...

— Онъ не дѣлалъ ихъ несчастными, — сказала мама, — онъ любилъ, а затѣмъ переставалъ любить.

— Когда все проходило...

— Что проходило?

— Страсть...

— Вѣдь она — тайна, — инстинктъ, и только онъ одинъ господинъ и повелитель.

— Инстинктъ слѣпъ, онъ влечетъ и требуетъ удовлетворенія — онъ одинъ.

— Но, — и мама сдѣлала движеніе рукой, — не будемъ больше говорить объ этомъ. Зачѣмъ говорить правду?

— Какъ вы думаете, пойдетъ снѣгъ? — спросила она. Ея лицо было освѣщено краснымъ пламенемъ... Вдругъ она поднялась. Ея шаги по ковру были едва слышны.

Долго звучали аккорды прелюдіи, прежде чѣмъ она запѣла:

Не будите мертвецовъ,
Не будите мертвецовъ —
Вспоминанья, вспоминанья —
Не будите ихъ —
Пусть спитъ мое мертвое сердце.
Это было весной, по утрамъ,
Когда благоухала сирень.
Ты отворяла дверь навстрѣчу дню
И, залитая солнечнымъ свѣтомъ,
Шептала:
«Еще день —
Еще день прожить».

Это были тихіе, полные спокойствія вечера,
Мы сидѣли подъ рѣдкой листвою дерева за го-
родомъ.

И молча плыли въ волнахъ нѣжной радости
Отъ сознанья, что вмѣстѣ мы грезимъ, вмѣстѣ
рыдаемъ.

Не будите мертвецовъ, не будите,
Пусть спитъ мое мертвое сердце.
Только въ смерти покой, облегченье страданій.
Воспомианья, воспоминанья,
Оставьте въ покоѣ,
Не будите мое мертвое сердце.

— — —

Дни становились длиннѣе, и у мамы на рабочемъ
столикѣ уже стояли въ стаканѣхъ подснежники.

Тина ловко умѣла находить ихъ подъ снѣгомъ. Она
знала мѣсто, гдѣ они росли, и долго бродила по всеѣмъ
направленіямъ, прежде чѣмъ попадался цвѣточекъ.

Подснежники густо росли около стѣны. Тина стала
на колѣни и начала раскапывать снѣгъ своими про-
ворными руками, которыя покраснѣли отъ холода.

— Вотъ, смотрите, нашла! — закричала она, уви-
давъ нѣжную зелень.

— Да, какіе они красивые, — сказала мама, стояв-
шая у окна.

— Но какъ еще холодно на дворѣ, — добавила она
и закрыла окно.

Весь домъ былъ полонъ подснежниками... Даже у

дѣвушекъ стоялъ цѣлый стаканъ подснѣжниковъ на ихъ окнѣ. (Окно было съ рѣшоткой, и дѣвушки жили словно въ заточеніи; но парни этимъ не смущались, они ходили въ дверь). Однажды мама выбѣжала на дворъ и воткнула букетъ въ старую шляпу пастуха.

Пастухъ прокрадывался мимо сараевъ. Онъ всегда ходилъ крадучись, словно не хотѣлъ помѣшать спокойному пищеваренію скотины. Мама сидѣла у своего окна. Вдругъ она вскочила.

— Пастуху Іенсу надо прикрѣпить подснѣжниковъ къ шляпѣ, — сказала она и выбѣжала наружу.

Черезъ дворъ къ сараю.

Пастухъ Іенсъ совсѣмъ перепугался. Но мама сорвала съ него шляпу и заткнула подснѣжники за ленту.

Пастухъ стоялъ словно окаменѣлый со шляпой въ рукѣ. А затѣмъ вдругъ засмѣялся долгимъ икающимъ смѣхомъ.

Мама ужъ снова вбѣжала въ домъ и сказала Тинѣ:

— Ахъ, какая у него отвратительная шляпа: нельзя даже притронуться.

Весна приближалась. Прилетѣли ласточки, показали анемоны въ рощицѣ за маминой бесѣдкой.

Мамѣ доставляло большое удовольствіе бродить по лугамъ, на нихъ еще лежалъ ледъ, потрескавшійся и образовавшій маленькіе островки.

Съ подоткнутымъ подоломъ мама стояла посреди глыбъ льда.

— Тина, Тина, трескается...

Тина стояла въ грязи, поднявъ юбку до колѣнъ, въ ожиданіи всякихъ несчастій.

Мама перебѣгала съ глыбы на глыбу.

Трахъ! — старшій мальчикъ упалъ плашмя на мокрый лугъ.

— Такъ, растянулся...

Мама съ минуту созерцала положеніе.

Изъ воды торчала одна только стриженная голова мальчика.

— Господи Іисусе, онъ удивительно похожъ на тюленя.

Мама смѣялась такъ, что и она сама, и глыбы, на которыхъ она стояла, тряслись.

— Тина, Тина, вытащите его поскорѣй, пока Фрицъ ничего не видалъ.

Тина такъ крѣпко схватила мальчишку, что тотъ заревѣлъ.

Мама перебѣгала съ глыбы на глыбу, размахивая руками, словно птица, собирающаяся улетѣть.

Рабочіе и пастухъ вышли посмотреть.

Іенсъ смѣялся такъ, что у него выпала трубка изо рта.

А дворецкій Ларсъ сказалъ, что барыня прыгаетъ ловко, точно акробатка.

Ларсъ былъ въ Фленсборгѣ и видѣлъ цирковыхъ дамъ.

— Да, здорово она скачетъ, — сказалъ Ларсъ и засунулъ руки въ карманы.

Пастухъ Іенсъ высказалъ свое мнѣніе; оно состояло въ томъ, что ноги у барыни почти такъ же тонки, какъ у козы, коли на то пошло.

Мама прыгала по глыбамъ до самыхъ сумерокъ.

Затѣмъ она и Тина сѣли на скамейку у края дороги.
На другой сторонѣ дороги стояли тополи.

— Какой сегодня багровый закатъ, — сказала мама.

— Да, будетъ буря, — сказала Тина.

Мама долго смотрѣла на еле покачивавшіеся тополи; они прямо поднимались къ небу.

И тихо сказала:

— А пиніи навѣрное совсѣмъ не такія?

Обѣ поднялись. На крыльцѣ встрѣтили папу.

— Какъ у тебя щеки горять, — сказалъ онъ.

Мама еще не успѣла остыть и была вся красная.

— Ахъ, да, — сказала она, — я бѣжала отъ самой кузницы.

Во всѣхъ комнатахъ было темно. Двери стояли настежь.

— Садись сюда, — сказала мама, и Тина усѣлась, прислонивъ голову къ стулу, около рояля, у маминыхъ ногъ.

Мамины пальцы пробѣжали по клавишамъ.

— Удивительно, мнѣ кажется, что я не могу быть веселой болѣе одного часа сряду.

Прелюдія кончилась. Мама запѣла:

Каждый ребенокъ родился
Лишь для того, чтобъ страдать,
Каждый листокъ распустился,
Чтобы потомъ увядать.

Въ каждой минутѣ забвенья
Бездна страданій и мукъ,

Въ вѣчной любви увѣрѣня
Только безмысленный звукъ.

Счастія нити пряду я,
Рвутся онѣ подъ рукой.
Въ первомъ его поцѣлуѣ
Кроется мысль о другой.

— Какая печальная пѣсня, — сказала Тина.

Мама, немного помолчавъ, сказала:

— А знаете, Тина, чего бы мнѣ хотѣлось? Чтобъ я могла написать пѣсню, которая была бы такъ же печальна, какъ сама жизнь.

Снова замолкла. Ея бѣлыя руки, лежавшія на клавишахъ, казалось, свѣтились.

— Это, навѣрное, нарочно такъ устроено, что слово «счастье» не имѣетъ множественнаго числа.

— Въ самомъ дѣлѣ странно.

Мама подперла голову рукой.

— Потому что счастье только одно, — сказала она.

Папа прошелъ въ темнотѣ по комнатѣ словно тѣнь.

— Вы бы лампу зажгли, — сказалъ онъ.

— Сейчасъ, — отвѣтила мама.

Тина зажгла лампы.

— Теперь будемъ гадать на картахъ, — сказала мама и на нѣсколько часовъ погрузилась въ раскладываніе картъ.

— Карты всегда обѣщаютъ счастье, — сказала она.

Тина смотрѣла, пока глаза ея совсѣмъ не отяжелѣли отъ сна.

Изъ сосѣдной комнаты непрерывно доносились папины шаги. Взадъ и впередъ, назадъ и впередъ.

— — —

Пришла весна.

Въ холодные и ясные вечера мама бродила съ Тиной по полямъ съ ихъ нѣжной зеленью, по пригоркамъ, по холмамъ, съ которыхъ можно было видѣть далеко-далеко.

На нихъ она очень любила стоять.

Воздухъ былъ еще холодный и щипалъ ея щеки, когда солнце опускалось въ блѣднѣющій пурпуръ.

Она стояла, заслонивши глаза рукой, стройная, и смотрѣла вдаль, словно разглядывала шедшую весну.

Но воздухъ становился мягче, и дома, въ комнатахъ, всѣ вазы были наполнены фіалками, издававшими нѣжный ароматъ.

Въ огородѣ появились нѣжные листочки на длинныхъ вѣткахъ крыжовника.

Земля на поляхъ, покрытая плодоноснымъ, влажнымъ, лоснящимся черноземомъ, стала блестящей и черной.

Мама, бродившая вечеромъ по тропинкамъ, вдругъ останавливала Тину и дѣтей.

— Смотрите, смотрите, — говорила она, — какъ земля вздыхаетъ.

Зеленѣли весенніе побѣги, стройно и прямо стояли стебли ржи, наполняя вечерній воздухъ крѣпкимъ ароматомъ молодой зелени.

На деревьяхъ лопались почки, появлялись первые листья.

Воздухъ былъ плотный и тяжелый. Съ ожившей земли поднимались первыя испаренія къ голубому небу, которое окрашивалось въ болѣе темный, густой цвѣтъ.

Маму охватила страсть къ странствованіямъ.

Ходила цѣлыми днями безъ усталы.

Вдругъ она останавливалась:

— Тина, кажется, будто земля стонетъ.

Въ саду расцвѣли лиліи. Высокія и стройныя, онѣ наполняли ночной сумракъ своимъ прянымъ, сладковатымъ запахомъ.

Съ пруда поднимался паръ, насыщенный запахомъ чернозема, словно горячій потокъ вздоховъ земли.

Вокругъ бѣлой бесѣдки, блестя, обвивались вѣтки розовыхъ кустовъ, расправлялись листья, распространяя свои рѣзкія, чувственныя благовопія.

Надъ всѣмъ этимъ, на всѣхъ крышахъ, слетались бѣлые голубы, а въ тополяхъ и кустахъ птички призывали другъ друга.

— Пойдемте дальше, — сказала мама.

Она пошла съ Тиной за церковь, черезъ рощу, которая называлась «раемъ», на холмъ.

Мама молча нарвала букетъ покрытыхъ росю цвѣтовъ.

Все зеленѣло; съ полей и рощъ, со всѣхъ болотъ поднимался колеблющійся туманъ вверхъ, къ темному небу.

Внизу виднѣлись дома и дворы, бѣлыя очертанія

церкви, которыя словно расплылись въ тяжелой сырости зеленыхъ испареній.

Мама посмотрѣла вверхъ на облачное небо и сказала:

— Звѣзды, Тина, не хотятъ этого видѣть.

Пошли обратно черезъ рощу.

— Какъ воздухъ здѣсь тяжелъ, — сказала мама.

— Это отъ сирени, — отозвалась Тина.

— Пойдемте на кладбище, — предложила мама.

Отворили калитку и вошли.

Всѣ кусты были одѣты густой листвою. Буки, росшіе у ограды, блестѣли. Запахъ цвѣтовъ чувствовался сильнѣе около бѣлыхъ стѣнъ. Кругомъ стояли нѣмые кресты.

Мама останавливалась около каждаго креста и тихо читала въ насыщенномъ ароматомъ воздухѣ имена и надписи.

«Да исполнится воля твоя».

Прошли дальше:

«Любовь — исполненіе закона».

Она пошла по тропинкѣ, раздвигая склонявшіяся надъ дорогой лиліи, словно она не переносила ихъ запаха.

— А староста-то надъ могилой сына насыпь сдѣлалъ, — сказала Тина.

— Да, — отвѣтила мама.

Она наклонилась надъ могилой и осторожно положила букетъ, который держала въ рукахъ, на свѣжую насыпь.

— Это отъ тѣхъ, которымъ онъ приносилъ счастье и которымъ потомъ приходилось плакать, — сказала она.

— Это что же, благодарность? — спросила Тина.

Мама не отвѣчала.

Стояла молча, неподвижно смотря на могильную насыпь.

Пролетѣла летучая мышь, мама вздрогнула.

— Пойдемте, — сказала она.

Когда онѣ ушли съ кладбища, мама снова ободрилась.

— Тина, мертвые, кажется, ожили, — сказала она и попыталась засмѣяться.

Внизу, у косогора, за стѣной слышался шопотъ; кто-то возился.

— А; — сказала Тина и засмѣялась, — это парни со своими дѣвками.

Мама подошла къ дому, прошла черезъ дворъ въ свою комнату.

Въ ней царилъ полумракъ. Всѣ двери были открыты.

— Маренъ, Маренъ! — закричала она; голосъ былъ слышенъ по всему дому.

Но никто не отвѣтилъ.

Только майскіе жуки гудѣли въ прачечной и у печки.

Мама отворила дверь въ прачечную.

— Маренъ, Маренъ! — кричала она по всему двору.

Она увидѣла двѣ тѣни, которыя побѣжали внизъ къ плотинѣ.

Закрыла дверь и медленно вошла въ домъ..

Когда изъ окна падалъ свѣтъ на ея лицо, видно было, какое оно блѣдное.

Сѣла на свой стулъ и, сложивши руки, неподвижно смотрѣла въ пустое пространство.

Папа отворилъ свою дверь.

— Есть здѣсь кто-нибудь? — сказалъ онъ.

Изъ полумрака тихо послышался ея отвѣтъ:

— Да, я.

Папа сказалъ:

— Я тебя не вижу.

Онъ принялся расхаживать по комнатѣ.

— Я звалъ раньше, никого въ домѣ нѣтъ.

— Да, никого.

— Гдѣ же они? Чѣмъ они всѣ заняты?

Мама отвѣтила слегка измѣнившимся голосомъ:

— Весна настала, Фрицъ.

Папа помолчалъ немного.

— Ты не должна отпускать ихъ, домъ совершенно пустоеть по вечерамъ. Это нехорошо.

Мама не двигалась. Прислонившись головой къ стѣнѣ, она сказала въ пустое пространство, не обращаясь къ нему:

— Земля учить своихъ дѣтей....

Папа остановился въ углу и сѣлъ.

Долго сидѣлъ онъ, не произнося ни слова.

Затѣмъ вдругъ спросилъ:

— Ты давно пришла?

Мама не отвѣчала. Спустя нѣкоторое время она сказала:

— Фрицъ, природа — могучая сила. Сама земля влечетъ и гонитъ ихъ.

— Да, Фрицъ, — и она заговорила возбужденнѣе, — чѣмъ больше я думаю, тѣмъ все яснѣе вижу, что существуетъ только одинъ единственный законъ: жизнь требуетъ своего произведенія.

Снова помолчала мгновеніе и произнесла медленнѣе:

— Я такъ думаю.

— Произведеніе? Съ какою цѣлью?

— Цѣль въ самомъ созданіи новой жизни.

— Зачѣмъ?,

Мама смотрѣла въ пустое пространство.

— Не знаю, — сказала она.

— Развѣ не существуютъ билліоны звѣздъ? Вѣроятно онѣ выполняютъ какое-нибудь назначеніе.

Она помолчала немного.

Потомъ сказала:

— Почему, Фрицъ, люди такіе гордые? Развѣ мы не ничтожныя слуги въ большомъ домѣ Властелина, котораго мы никогда не видѣли и не увидимъ?

— Надо намъ скрывать свои слезы.

— Мы страдаемъ и доставляемъ страданія.

— Больше мы ничего не знаемъ...

Папа всталъ возмущенно:

— Но вѣдь вся же твоя жизнь противорѣчитъ тому, что ты говоришь. Думаешь, я не знаю, что вся твоя жизнь сплошное самопожертвованіе?

Мама не отвѣтила тотчасъ; спустя нѣсколько времени она сказала съ безграничной кротостью:

— Фрицъ, когда человѣку становится ясна вся пустота жизни, долженъ же онъ наполнить ее чѣмъ-нибудь маловажнымъ.

— Значить, по-твоему, самопожертвованіе вещь маловажная?

— Да.

Папа не отвѣтилъ ни слова.

Его блуждающая тѣнь, казалось, скользила во мракѣ.

— Развѣ, напримѣръ, — она говорила спокойно, какъ человѣкъ, задающій послѣдній вопросъ, — мое самопожертвованіе дѣлаетъ твою жизнь богаче?

Минуту она какъ-будто ждала отвѣта.

Но папа продолжалъ молчать; въ темнотѣ казалось, что его руки дрожали въ теченіе одного мгновенія.

Со своего возвышенія она снова сказала:

— Многимъ можно наполнить свою жизнь: искусствомъ, самопожертвованіемъ, работой, дружбой, дѣлами; но дѣйствительно въ жизни только одно — то, чего хочетъ природа.

Мама замолчала, въ комнатѣ воцарилась тишина.

Тихо отворялись двери.

Возвращалась прислуга.

— Вотъ они ужъ возвращаются, — сказала мама.

Папа подошелъ къ двери и сталъ звать.

Его голосъ дрожалъ.

Съ аллеи доносилась къ нимъ пѣсня, она звучала мягко и томно, напоенная весною.

— А, это Тина, — сказала мама.

Она открыла окно.

Къ окну подбѣжала, запыхавшись, дочь понамаря.

— О, я не могла утерпѣть, прибѣжала. Вотъ вамъ первыя ягоды земляники. Мать нарвала ихъ вечеромъ.

Тина поднесла красныя ягоды вверхъ, къ окну.

— Красавица вы, — сказала она.

И мама наклонила свое лицо къ благоухающимъ ягодамъ.

— — —

Каждый день въ полдень Тина ходила въ садъ по-смотреть, не распустились ли розы.

Розы были дикія. Онѣ вились вокругъ бѣлыхъ колоннъ маминой бесѣдки.

— Онѣ еще расцвѣтутъ, — говорила она.

— Въ прошломъ году онѣ не цвѣли, — отвѣчала мама, — да и земляники-то прошлымъ лѣтомъ совсѣмъ не было.

Розы и земляника предназначались для маминаго дня рожденія.

— Да, въ прошломъ году, — сказала Тина, — все время стояли холода.

Онѣ усѣлись на бѣлую скамью и смотрѣли вдаль, за прудъ. Разговаривали о томъ, что было въ прошломъ и въ позапрошломъ году, о прошедшихъ годахъ, о давнишнихъ именинахъ.

— Но вы были тогда совсѣмъ малюткой, — сказала мама.

Мама весело засмѣялась, затряслась отъ смѣха.

— Охъ, Боже мой! Вы ходили въ шотландскомъ костюмчикѣ. Боже, какъ онъ на васъ сидѣлъ! Никогда

я не видала болѣе красныхъ ушей, чѣмъ у васъ, когда вы были маленькой.

— И какой вертушкой вы были! — сказала мама.

Мама продолжала смѣяться и рассказывать о томъ, какою Тина была въ дѣтствѣ.

— Но ужаснѣе всего былъ тотъ день рожденія, когда толстая мадамъ Иесперсенъ свалилась въ воду.

— Милыя дѣтки, — рассказывала мама, — сидитъ она такъ важно на самомъ краю пруда. Вдругъ Господь Богъ хватаетъ ее вмѣстѣ со стуломъ.... и она летитъ кувыркомъ по воздуху прямо въ воду.

— Картина получилась ужасная.

— Надъ поверхностью воды виднѣлись только три страусовыхъ пера отъ ея шляпы, — добавила мама.

— Да, это было какъ разъ въ тотъ годъ, когда я конфирмировалась.

— — —

За день до именинъ въ домѣ стояла такая же кутерьма, какъ и передъ Рождествомъ. Тина пекла и жарила во-всю.

Всѣ окна въ кухнѣ были раскрыты настежь. Съ прачки Маренъ, которая ходила въ шерстяномъ платьѣ собственнаго издѣлія, потъ катился градомъ. Приходили парни одинъ за другимъ, становились у притолки и наблюдали.

— Эй, Ларсъ, подвинься, — сказала Тина. Она бѣгала то въ кухню, то изъ кухни. Въ промежуткахъ приготавливала въ мискѣ пирогъ такихъ размѣровъ, что

казалось, будто онъ предназначенъ для накормленія до отвала всѣхъ жителей въ окрестности.

Мама безпомощно стояла посреди кухни.

— Тина, дай Богъ, чтобъ хоть что-нибудь осталось. Вы вѣдь знаете, какъ много ѣдятъ въ гостяхъ мадамъ Иесперсенъ и ея дочери.

Звенѣли ложки о глиняную посуду. Мужчиноподобная Марья такъ натопила печку, что она раскалилась докрасна.

Папа отворилъ дверь.

Стелла, твои руки...

— Фрицъ, да вѣдь я же не двигаюсь съ мѣста.

И папа снова закрылъ дверь.

Изъ прачечной прибѣжали дѣти и заняли половину кухни — имъ хотѣлось отвѣдать тѣста.

Отвѣдывали до тѣхъ поръ, пока ихъ носы не окрасились въ желтый цвѣтъ.

— Ну, а теперь маршъ отсюда, — сказала Тина.

— Мы запремъ дверь на замокъ.

Дѣти вышли, мама тоже. На дворѣ до нихъ доносился лишь стукъ ножей и командованіе Тины.

Прачка Маренъ затянула пѣсню о генералѣ Рюэ.

Мама побѣжала по аллеѣ, всѣ дѣти пустились за ней.

— Э, не догнать, не догнать вамъ! — кричала она и бѣжала впереди всѣхъ.

Папа открылъ свое окно:

— Стелла, твоя грудь...

— Фрицъ, мы вѣдь только бѣгаемъ.

Вся толпа побѣжала дальше.

На концѣ аллеи встрѣтили человѣка съ шарманкой.

— Шарманщикъ пришелъ! — закричала мама.

— Милый человекъ, пойдемте съ нами.

Шарманщикъ, хромая, пошелъ впереди, всё слѣдовали за нимъ, а мама кричала:

— Тина, Тина, у насъ шарманка!

Шарманщикъ сталъ посреди двора и началъ играть, но мама оттолкнула его и сказала:

— Дайте, я буду играть.

И она сама начала вертѣть ручку, стоя подъ липой. Смѣялась до упаду. Оказалось, что шарманка играла прощальную пѣсню генерала Бертрама.

Въ кухнѣ всё подбѣжали къ окнамъ, а парни выскочили изъ прачечной.

Пастухъ Іенсъ высунулъ свою голову изъ сарая.

— Сама играетъ, — сказалъ онъ.

Прощальная пѣсня генерала Бертрама кончилась. Мама продолжала вертѣть ручку.

— Гей, гопъ, это, оказывается, полька, — сказала она.

— Тина, Тина! — закричала мама, — пляшите!

Дѣвушка съ Тиной во главѣ выбѣжали изъ кухни, запотѣвшія, съ непокрытыми головами, и стали плясать посреди двора вокругъ шарманки.

У прачки Маренъ юбка поднималась до колѣнъ.

— А вы что жъ стоите? Пляшите! — закричала мама парнямъ.

Но никто изъ нихъ не осмѣлился, кромѣ дворецкаго Ларса. Онъ медленно сошелъ внизъ съ крыльца, сбросилъ деревянные башмаки, пригласилъ Тину и сталъ

плясать съ ней на зеленой травѣ, въ шерстяныхъ чулкахъ.

— Галло, галло! у насъ совѣмъ, какъ на жатвенномъ пиру, — сказала мама.

Она такъ усердно вертѣла ручку шарманки, что на ея бѣломъ лицѣ выступилъ потъ.

Дѣти съ воемъ скакали вокругъ шарманки.

— Пляшите, пляшите! — кричала мама, и дѣти скакали. А хромой шарманщикъ стоялъ въ сторонкѣ и втягивалъ носомъ запахъ кушаній, доносившійся изъ кухни.

Дворецкій Ларсъ такъ закружилъ Тину, что ея ситцевая юбка поднялась на воздухъ — подъ нею больше ничего не было надѣто, — а затѣмъ криво ей поклонился передъ шарманкой.

— Тина, вертите! — закричала мама.

Тина подбѣжала и стала вертѣть, а мама начала плясать, въ то время какъ всѣ дѣти кричали:

— Мама пляшетъ, мама пляшетъ!

Дворецкій Ларсъ крѣпко обхватилъ тонкую талию мамы... и во всю мочь скакалъ въ своихъ чулкахъ.

— Охъ, больше не могу, — сказала мама.

Но Тина все еще продолжала вертѣть, а мама сказала:

— Если бы Фрица не было дома, мы бы выпустили лошадей погулять.

Ей вдругъ ужасно захотѣлось выпустить лошадей.

— Тина, за день до моихъ именинъ онъ, я думаю, ничего не скажетъ...

Она позвала пастуха Йенса.

— Іенсь, Іенсь!

Іенсь явился, прихрамывая.

— Іенсь, — сказала мама и вдругъ заговорила по-по-томъ, — выпусти лошадей.

Дѣвушки продолжали плясать, дѣти кричали и, ка-казалось, съ каждой минутой становились все воз-бужденнѣе отъ своего собственнаго воя.

— Вотъ они, — сказала мама.

Оба вороныхъ вышли изъ конюшни.

Позади нихъ выступала «Beauty».

— Цѣлуйте ихъ, цѣлуйте ихъ, — сказала мама, раз-махивая своимъ носовымъ платкомъ.

Лошади расхаживали, дѣвушки плясали.

— Осторожнѣй, осторожнѣй! — кричала мама.

Шумъ стоялъ невѣроятный.

— Стелла, Стелла, — вдругъ послышалось изъ окна.

— Боже, Фрицъ! — вскрикнула мама и остановилась, точно окаменѣлая.

Дѣвушка исчезла, какъ сквозь землю провалилась.

— Фрицъ, — пролепетала мама, — я, я сама не знаю, какъ все это случилось.

Но папа закрылъ свое окно, а мама сказала тихо Тинѣ, подергивая плечами отъ удовольствія:

— Теперь надо угостить шарманщика кофе.

— Вѣдь онъ, Тина, знаетъ тысячи исторій.

Шарманщикъ вошелъ въ людскую, и мама слушала его болтовню цѣлыми часами.

— Такъ, такъ, вотъ дѣла-то какія! — приговаривала она, подвигаясь все ближе и ближе къ шарманщику.

Тотъ рассказывалъ про свое кругосвѣтное плаваніе.

Когда онъ уходилъ, мама дала ему талеръ.

— Нѣтъ, Тина, — сказала мама въ восхищеніи, — вѣдь можетъ же человѣкъ такъ врать? Точь въ точь какъ въ одной книгѣ, гдѣ описывается, какъ негритянская царица заставляетъ колотить себя по животу для ускоренія пищеваренія.

— Это было написано въ одной нѣмецкой книгѣ, и это правда, хотя Фрицъ говоритъ, что я лгу.

— Ну, а теперь пойдѣте, — сказала она.

Пошли по саду.

Вечеръ былъ теплый и ясный, прудъ казался зеркальнымъ.

Доносился запахъ первыхъ розъ.

— Слышите, какъ здѣсь тихо, — сказала мама.

— Да, совсѣмъ тихо.

Съ луговъ подымался туманъ. Вдали еле виднѣлся лѣсъ.

— Тина, — сказала мама, — я бы хотѣла умереть здѣсь.

И, прислонившись къ бѣлой колоннѣ, съ которой розы свѣшивались надъ ея волосами, она смотрѣла вдаль, на прудъ, на луга и лѣсъ.

— Какъ прекрасна внѣшность жизни, — произнесла она.

И устало опустили внизъ ея красивыя руки.

— — —

На другой день Тина явилась въ пять часовъ утра. Первымъ дѣломъ она заперла маму въ ея спальнѣ.

Повернула ключъ по два раза въ обѣихъ дверяхъ, въ двери отъ кладовой тоже.

Дѣло въ томъ, что три года тому назадъ мама въ день своихъ именинъ потихоньку пробралась черезъ кладовую на чердакъ и вдругъ появилась въ бесѣдкѣ.

— Боже, вы здѣсь, — изумилась Тина, — Да еще въ ночной кофточкѣ.

А мама ужъ успѣла разглядѣть всѣ подарки, такъ какъ столъ былъ уже накрытъ...

... Дѣтей совершенно невозможно было удержать въ постели позже шести часовъ.

Они во что бы то ни стало хотѣли встать.

Мама тоже совершенно не могла лежать спокойно въ своей постели.

Она соскочила на полъ, босая, и барабанила по запертой двери.

— Выпустите меня! — кричала она.

И продолжала барабанить съ еще большимъ азартомъ.

Но Тина еще не приготовила столъ.

Онъ былъ покрытъ дамасской скатертью, на скатерти надо было устроить изъ розъ букву С. На именинномъ кренделѣ тоже.

Надпись на кренделѣ выдувалась при помощи воронки, въ которую наливалась вода съ бѣлымъ сахаромъ.

Тина стояла въ кухнѣ и занималась этой художественной операціей. Всѣ дѣти столпились вокругъ нея и слѣдили за ея движеніями.

Рты у всѣхъ были раскрыты.

— Такъ, — сказала Тина, — теперь я буду дуть.

И она стала выдувать букву С на кренделѣ, вся красная отъ напряженія. Дѣти внимательно наблюдали.

— Ну, теперь надо набрать воздуха, — сказала Тина. Снова стала дуть.

Мама продолжала колотить въ дверь.

— Тина, Тина!

— Сейчасъ! — закричала Тина, направляясь бѣгомъ въ бесѣдку. — Придется ужъ вамъ подождать немного у себя въ спальнѣ.

Дѣвушки побѣжали въ бесѣдку съ горшками изъ красной глины въ рукахъ.

Онѣ дарили мамѣ къ каждому именинамъ желто-фіоли, которыя очень хорошо росли въ дѣвичьей, въ теплотѣ.

Всѣ подарки были на своихъ мѣстахъ; дѣти и Тина созерцали все великолѣпіе.

Папа пришелъ, пробираясь вдоль изгороди.

Молча, полутаинственно, положилъ свой подарокъ на столъ и удалился.

— Ну, теперь можно выпустить барыню, — сказала Тина.

Дѣти помчались къ дому, взбѣжали на лѣстницу...

— Мама, мама, сейчасъ!

Тина отперла дверь.

Дѣти въ бѣлыхъ костюмахъ побѣжали впереди мамы, между зеленѣющихъ кустовъ, къ бѣлой бесѣдкѣ. Слышно было только:

— Мама, мама!

— Мама, мама! — неслись крики, пока всѣ не подошли бѣ бесѣдкѣ.

Каждый бралъ свой подарокъ и подавалъ его въ протянутыя руки мамы.

— Мама, мама, — это отъ меня.

— Мама, мама, — а это отъ меня.

Становились на цыпочки, чтобы достать до маминыхъ рукъ.

Минутку мама стояла, бѣлая среди бѣлыхъ дѣтшекъ. Задумчиво смотрѣла на лѣтніе луга. Все было залито свѣтомъ — небо, воздухъ, земля.

— Какой хорошій день, — сказала мама и улыбнулась.

Вдругъ она отдернула руку — это оказался Тирасъ. Онъ облизалъ ея пальцы и улегся у ногъ.

— Ахъ, это ты, — сказала она.

И залитая солнечнымъ свѣтомъ она стояла среди дикихъ розъ, окруженная дѣтьми и съ Тирасомъ у ногъ.

Пришли дѣвушки и парни въ сапогахъ. Они какъ-то странно пробирались вокругъ пруда, образуя длинную процессію, кланялись, сгибая шею и колѣни — словно жертвы, обреченныя на закланіе.

Мама пожимала имъ поочередно руки.

Дѣвушки при этомъ косились, каждая на свой подарокъ, и удалялись.

Позади всѣхъ выступалъ пастухъ Іенсъ.

Его штаны висѣли на ногахъ такъ уныло, что казалось, будто онъ шелъ на поминки.

Когда всё они, наконецъ, скрылись, мама вымыла свои руки въ прудѣ.

Тина готовила въ кухнѣ шоколадъ.

— Милыя дѣтки, вамъ надо поскорѣй позавтракать, --- сказала мама, — чтобы ужъ покончить съ этимъ...

Дѣти убѣжали, и она осталась одна.

Тихо вошла въ бесѣдку и открыла письмо, которое папа положилъ на ея столъ.

Медленно развернула письмо и прочла:

«Было бы странно пожелать тебѣ счастья. Но я желаю тебѣ самаго лучшаго, что можетъ дать тебѣ жизнь.

Твой Фрицъ».

Мама склонила голову.

Она сама не замѣчала, какъ ея руки понемногу разрушали инициалы изъ цвѣтовъ на скатерти.

Вдругъ она увидала папу, который появился изъ-за кустовъ, направляясь къ ней.

— Спасибо, мой другъ, — сказала она и пожала его руку.

Они молча постояли мгновение у стола, заваленнаго подарками.

Затѣмъ папа ушелъ по направленію къ роцѣ.

— — —

Въ пять часовъ дня явились гости. Тина отправилась домой, чтобы привести съ собой понамариху, которая несла песочный тортъ, завернутый въ бѣлый головной платокъ.

Когда у Иесперсенъ увидали, что понамариха ужъ заворачиваетъ за уголь, у дома фохта, мадамъ Иесперсенъ двинулась въ путь со своими двумя дочерьми.

Мадамъ Иесперсенъ надѣла поверхъ своего праздничнаго парика смахивающую на діадему шляпу, украшенную двумя поддѣльными страусовыми перьями.

Фрѣкинъ Стина была въ черномъ дамасковомъ платьѣ, производившемъ впечатлѣніе, что оно сохранилось еще со времени ея конфирмаціи. Впрочемъ, это ужъ было особенностью платьевъ фрѣкенъ Стины: всегда казалось, что она изъ нихъ выросла.

День маминыхъ именинъ былъ — не считая большихъ годовыхъ праздниковъ — единственнымъ днемъ въ году, когда фрѣкенъ Стина выходила изъ дому.

Ея подаркомъ былъ флаконъ одеколона, который мама впоследствии разлила въ двѣ маленькія бутылочки и отдала въ людскую.

Фрѣкенъ Елена была одѣта въ легкое свѣтлое платье и напоминала собою молодую козу.

Ея презентъ, завернутый въ розовую шелковую бумагу, состоялъ изъ вышиванья по канвѣ, для обшивки котораго пришлось бы позвать сѣдельника.

Подарки фрѣкенъ Елены мама регулярно дарила ближайшей осенью благотворительнымъ базарамъ въ Сендерборгѣ для лотереи.

Жена фохта въ первый разъ послѣ смерти сына вышла изъ дому. Она была высокотожественна какъ псалтырь. Свой подарокъ — горшокъ масла — она прислала еще утромъ.

Изъ мужчинъ не было никого.

-- Фрицъ, — сказала мама, — въ день моихъ именинъ я во всякомъ случаѣ хочу быть свободна. А между тѣмъ одного единственнаго мужчины уже довольно, чтобы помѣшать болтовнѣ.

Семейство Иесперсенъ заняло мѣста посреди бесѣдки. Фру Иесперсенъ, не спрашивая позволенія, въ одинъ мигъ произвела ревизію всѣмъ подаркамъ.

Фрѣкенъ Стина, цѣлуясь, такъ крѣпко прижала къ маминой щекѣ свой мужской ротъ, что мамѣ стало почти больно.

Конфузливо пробормотавши что-то, наполовину похожее на поздравленіе, наполовину — на извиненіе, она засунула въ маминъ карманъ бутылочку одеколона.

— Ach Gott, — произнесла она, сама хорошенько не зная, что говорить, — was ist wohl's Leben.

Фрѣкенъ Елена была олицетвореніемъ молодой непосѣдливости.

Не было подарка, котораго бы она граціозно не примѣрила на себѣ.

Понамариха, сидѣвшая рядомъ съ фрѣкенъ Стиной, сообщила, что мадамъ Эсбенсенъ проѣхала по направлению къ Улькебѣлю.

Мадамъ Эсбенсенъ была повивальной бабкой.

— О, это, конечно, къ Сэрэнсенъ. Я вѣдь сама, своими глазами видала фру Сэрэнсенъ, когда она проѣзжала мимо нашихъ оконъ, занимая своимъ животомъ все сидѣніе коляски. Видно было, что она вотъ-вотъ родитъ.

Тема разговора заинтересовала всѣхъ.

— Да сохранить ее Господь, — сказала мама, — вѣдь это у нея ужъ въ девятый разъ.

Всѣ участвовали въ бесѣдѣ, за исключеніемъ жены фохта, которая неподвижно сидѣла въ слоѣй черной шали, и, не проронивши ни одного слова, опорожнила три чашки шоколада.

Понамариха вдругъ произнесла, повысивъ голосъ:

— Не удивительно, мадамъ Иесперсенъ, то, что у каждаго прихода есть какъ бы свой собственный мѣсяць, когда бываетъ больше всего рожденій. Здѣсь, у насъ — въ маѣ.

Мама, веселая какъ котенокъ, попавшій въ тепло, засмѣялась и сказала:

— Но, дорогая мадамъ Бѣллингъ, откуда вы это знаете?

— Да изъ церковныхъ книгъ, — отвѣтила понамариха.

И добавила:

— А смертей всего больше въ ноябрѣ.

Фрѣкенъ Стина сказала, что въ ея школѣ большинство именинъ приходится на декабрь.

Мама завела разговоръ о кормилицахъ, между тѣмъ какъ фрѣкенъ Елена, обвязавши вокругъ шеи коралловое ожерелье, играла около бесѣдки съ Тирасомъ.

Въ собесѣдованіи она не участвовала.

Вдругъ мама сказала:

— Давайте играть.

Вскочила со своей скамьи и стала ловить Елену.

— Сейчасъ догоню! — кричала она.

Тина побѣжала за ней.

— Догоню!

Дѣти выскочили изъ-за кустовъ и погнались вслѣдъ за ними.

— Догоню!

Мама бѣжала впереди.

— Догоню!

Мчались по берегу пруда.

Бутылочка фрѣкенъ Стины хлопала маму по ногѣ, пока она не положила ее въ траву, у пруда.

— Стина, бѣжите тоже съ ними! — крикнула мама.

Стина вышла изъ бесѣдки и погналась за Тиной.

Мама такъ смѣялась, что должна была прислониться къ дереву, чтобы не упасть.

Когда фрѣкенъ Стина бѣгала, она была удивительно похожа на хромоногую утку.

Вдругъ мама со всего размаху бросилась на зеленую траву; всѣ улеглись вокругъ нея.

— Теперъ давайте кормить колющекъ, — сказала мама.

Всѣ стали бросать хлѣбныя крошки въ прудъ, гдѣ въ солнечномъ свѣтѣ, быстро скользили гибкія, проворныя колюшки.

Всѣ три старухи сидѣли въ бесѣдкѣ.

Мадамъ Иесперсенъ втихомолку обнюхала подарки.

Тина принесла вина, стаканы стояли въ травѣ, на берегу пруда.

— Наливайте, Тина, — сказала мама.

Фрѣкенъ Стина всегда впадала въ меланхолію послѣ нѣсколькихъ выпитыхъ стакановъ.

— Дѣтямъ тоже, — сказала мама.

Дѣтямъ дали вишневой наливки, отъ которой они совсѣмъ опьянѣли.

Фрѣкенъ Стина сидѣла, подперевъ подбородокъ руками и, въ то время какъ мама смѣялась, а дѣти шалили — старшій мальчикъ выпивалъ остатки вина въ стаканахъ, — она тихо декламировала, смотря вдаль, стихи изъ какого-то стараго нѣмецкаго альманаха.

— Продолжайте, продолжайте! — сказала мама.

И фрѣкенъ Стина продолжала декламировать своимъ мужскимъ голосомъ. Казалось, что она служить мессу.

Жена фохта поднялась.

Молча подала всѣмъ руку на прощанье. Мама проводила ея до пригорка.

Остальныя дамы тоже послѣдовали примѣру жены фохта.

Мама обратилась къ Тинѣ:

— Уберите это!

Она указала на стаканы и тарелки и молча сѣла въ глубинѣ бесѣдки.

— И это тоже уберите, — сказала она, указывая на подарки. По звуку ея голоса казалось, что одинъ видъ ихъ ужъ причинялъ боль ея глазамъ.

Тина расхаживала по бесѣдкѣ, собирая все со стола.

Со двора доносились дѣтскіе голоса.

Когда Тина вернулась, мама сидѣла и читала какую-то старую книгу.

Тина тихо подошла къ ней.

— Что вы читаете?

— Стихотвореніе, — отвѣтила мама.

— Какое?

Мама перевернула страницу и, словно про себя, снова начала читать съ самого начала:

Однажды сонъ приснился мнѣ:
Я былъ въ пустынѣ.
Куда ни кинешь взглядъ — вездѣ песокъ,
Песокъ — и больше ничего.
Но вдругъ ужасное видѣнье
Предстало моему испуганному взору:
Шли длинной вереницей
Всѣ хищники пустыни.
Сперва шли львы,
Оскаливъ бѣлые клыки;
Пантеры, тигры шли за ними,
Блестя своимъ пятнистымъ тѣломъ;
А позади брели хищныя гіены,
Которыхъ къ падали болѣзненно влечеть.
И были то не звѣри,
А темные инстинкты человѣка.
Вдругъ сновидѣнье измѣнилось.
Одинъ стоялъ я
На огромномъ полѣ.
Но поле это было — вся земля.
И землю покрывала тьма.
Изъ мрака жъ высился
Громадный крестъ,
Казалось, собиравшійся
Обнять все небо и всю землю.
Кругомъ царила нѣмая тишина,

Лишь изрѣдка
Съ креста внизъ капля падала,
И снова все стихало,
Затѣмъ опять срывалась капля крови
Средь тишины и мрака.
Это была твоя кровь,
О, распятое человѣчество.

Мама закрыла книгу.

Блѣдная и безмолвная, она сидѣла, прислонившись головой къ стѣнѣ бесѣдки, и созерцала красоту лѣтняго вечера.

— Тина, — сказала она неожиданно.

Тина вздрогнула. Мама произнесла ея имя голосомъ, въ которомъ слышался крикъ о помощи.

Но мама продолжала сидѣть въ прежнемъ положеніи и только прошептала нѣсколько словъ, которыхъ Тина не поняла:

— «Нѣтъ міра внѣ Вероны» — шептали ея губы.

Затѣмъ она снова замолчала.

Спустя минуту она сказала:

— Тина, знаете ли вы правду: если бы кто-нибудь заглянулъ въ мою душу такъ же, какъ, наприимѣръ, заглядываютъ въ домъ черезъ оконное стекло, то онъ не нашелъ бы въ ней, посреди всего наголяющаго ее хлама, ни одного желанія, ни одной надежды, даже ни одной пустой мечты.

— Такъ ужъ лучше было бы умереть.

— Умереть, Тина, совсѣмъ не такъ трудно... гораздо труднѣе каждый день пытаться жить...

Молча сидѣла, обнявъ руками колѣни, и ея губы шептали, какъ раньше, нѣсколько словъ, которыхъ Тина не знала:

Въ своемъ гробу,
Въ своемъ гробу
Лежить мое сердце,
Лежить мое мертвое сердце.

И никто не плачетъ
Надъ трупомъ моего сердца;
Оно вѣдь было любимо
Только однимъ человѣкомъ.

Но тотъ, кто самъ умеръ,
Въ день смерти своего сердца,
Не можетъ плакать
Надъ его трупомъ.

Въ своемъ тихомъ гробу
Въ своемъ тихомъ гробу,
Лежить мое сердце —
Лежить мое мертвое сердце.

— — —

По вечерамъ не слышалось больше пѣсенъ, дѣтямъ ужъ не разрѣшали плясать въ столовой въ однѣхъ почныхъ рубашкахъ передъ тѣмъ, какъ итти спать.

Тетушки пріѣхали.

Онѣ пользовались пребываніемъ у насъ для отдыха послѣ курса лѣченія на морскихъ купаньяхъ.

Онѣ говорили всегда тихо, были тонки, какъ солнечные лучи, и всегда носили митенки.

Въ своихъ путешествіяхъ онѣ отличались безграничной предусмотрительностью и всегда брали съ собою зонтики на случай дождя.

— Милочка, — говорили онѣ мамѣ, — стоитъ походить съ полчаса въ мокрыхъ чулкахъ, и вы ужъ можете схватить бронхитъ, который длится нѣсколько недѣль.

Мама, на которую посѣщеніе тетушекъ навело ужасный страхъ, поддакивала имъ во всемъ и расхаживала въ барежевомъ платьѣ. Собственно говоря, ее цѣлыми часами занимала только одна мысль: какъ бы дѣти не привели въ беспорядокъ стройные полки тетушкиныхъ калошъ.

Съ Тиной она видѣлась по утрамъ.

Это былъ своего рода молчаливый договоръ, чтобы Тина не показывалась въ домѣ во время пребыванія тетушекъ.

Мама и она встрѣчались въ это время почти какъ два заговорщика.

Но по утрамъ Тинѣ все-таки приходилось являться, чтобы будить маму.

Согласно предписаніямъ гигіены, обѣимъ тетушкамъ надо было вставать въ семь часовъ; и онѣ были пунктуальны, какъ часы на соборной колокольнѣ.

— Теперь вамъ надо вставать, — говорила Тина мамѣ.

— Да, милочка... а сколько сейчасъ времени?

Мама любила свою постель и ощущеніе свободы въ починотъ бѣльѣ.

— Пора, пора вставать...

— Сейчасъ...

Наконецъ, она встала съ постели.

Когда она сошла внизъ, къ тетушкамъ, она была въ большомъ бѣломъ передникѣ и казалось заботливой хозяйкой, распорядившейся домомъ чуть ли не съ пяти часовъ.

Обѣ тетушки сидѣли, прямыя, словно аршинъ проглотили, въ бесѣдкѣ у стола, каждая на своей сторонѣ, и ожидали чая.

Каждый день онѣ совершали утренній моціонъ и для этого наряжались такъ, что производили впечатлѣніе путешественницъ въ отдаленныя страны. Кофточки и юбки были застегнуты при помощи цѣлой системы крючковъ, а на головахъ у нихъ покоились шляпы величинаю приблизительно въ дно корзины, въ которой отправляютъ по почтѣ вѣнки на гробъ усопшимъ. Эти монстры были обшиты кружевами, свѣшивавшимися на глаза.

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь глаза прежде всего остального нуждаются въ защитѣ, — говорили тетушки, когда разговоръ заходилъ объ ихъ кружевахъ.

Мама сказала про нихъ:

— У нихъ такой видъ, точно онѣ собираются въ Іерусалимъ.

Тетушки не пошли въ настоящій садъ изъ-за лягушекъ, къ которымъ питали отвращеніе.

— Онѣ тамъ кишать. Пожалуй, прыгнетъ въ лицо какая-нибудь изъ этихъ гадинъ — въ нынѣшнемъ году ихъ еще больше, чѣмъ въ прошломъ.

Кромѣ того дорога по огороду, шесть разъ туда и шесть разъ обратно, приблизительно равнялась ихъ утренней прогулкѣ. На ходу онѣ не разговаривали.

— Докторъ въ Женевѣ правъ, — сказала тетушка Ботильда: — говорить во время моціона не слѣдуетъ. Надо ходить и давать возможность отдыха своимъ нервамъ.

Каждый разъ, когда онѣ подходили къ дому, онѣ съѣдали по маленькому шоколадному пирожному.

— Швейцарскій шоколадъ, — говорили онѣ, — всегда отличается свойствомъ подкрѣплять организмъ, не лишая, однако, аппетита. Нашъ же отечественный шоколадъ, дорогая, только отягощаетъ желудокъ.

— Но само собой разумѣется, что и въ Швейцаріи надо точно знать, какіе сорта хороши.

Когда тетушки приходили со своего моціона, онѣ отдыхали.

Это значить, что онѣ спали два часа, закутанныя въ шерстяныя одѣяла.

— Милочка, — сказала тетушка Ботильда, — здѣсь употребляются только шерстяныя одѣяла, а вотъ французы, которые желаютъ сохранить свою подвижность, такъ тѣ имѣютъ шерстяные матрацы.

— Поверхъ обыкновенныхъ пружинныхъ матрацовъ, — добавила она черезъ секунду.

— Дорогая моя, — отвѣтила тетушка Анна, — французы вѣдь — французы.

Маминъ страхъ возрасталъ съ каждымъ часомъ. Въ особенности ужасалъ ее предстоящій обѣдъ. Вѣдь нельзя было сказать, чтобы дѣти умѣли вести себя за

столомъ. А между тѣмъ сидѣнье за столомъ считалось спеціальностью тетушекъ.

— Надо же согласиться со мной, что это очень важно, — сказала тетушка Ботильда, — и если не научишься этому съ дѣтства, то потомъ ужъ никогда не научишься...

— Увѣряю тебя, что этотъ Стокфельдъ не могъ стать государственнымъ министромъ — тетушки всегда называли предсѣдателя совѣта министровъ государственнымъ министромъ, — только потому, что ѣлъ съ ножа.

За часъ до обѣда начиналось мытье дѣтишекъ.

Мама наблюдала, а нянька такъ сильно терла дѣтскія тѣльца губками, что казалось, будто она строгаеть необдѣланныя доски.

— Анна-Маргарита, обрати вниманіе на ногти, — сказала мама.

— Анна-Маргарита съ усердіемъ принялась за ногти, собираясь, по всей видимости, счистить ихъ вмѣстѣ съ кончиками пальцевъ.

— Они еще не совсѣмъ чистые, — сказала мама. — Богъ знаетъ, въ чемъ вы копаетесь...

— А уши? — вспомнила мама.

— Дайте я.

И она сама занялась дѣтскими ушами.

— А когда ихъ вычистишь хорошенько, они становятся красными, — произнесла она въ отчаяніи.

Уши стали пунцовыми.

Приступили къ одѣванію. Все платье оказалось въ пятнахъ.

Мама немилосердно терла костюмчики замшей отъ перчатокъ и одеколономъ.

— Такъ, теперь съ Божьей помощью все въ порядкѣ, — сказала она.

Папа повелъ тетушекъ къ столу. Онѣ одѣлись въ шелковыя платья, черныя, съ бѣлыми полосками — это былъ ихъ туалетъ за табль-д'отомъ на морскихъ купаньяхъ — и нанизали на руки массу колець, которыя, казалось, болтались какъ погремушки на сильно похудѣвшихъ пальцахъ. Онѣ принесли съ собою двѣ коробки съ порошкомъ, и поставили ихъ у своихъ прикровъ.

Глаза дѣтей стали неподвижными отъ страха.

Чтобы отвлечь вниманіе тетокъ отъ дѣтей, мама бесѣдовала съ ними о Копенгагенѣ, обо всѣхъ знакомыхъ. Отъ напряженія у нея даже выступили чахоточныя пятна на щекахъ.

— Да, да, — произнесла тетушка Ботильда, — Іанэ необыкновенно мила. Но у нея свои странности. Стоитъ только сѣсть у нея за столъ, какъ она ужъ начинаетъ разговоръ о вѣроисповѣданіяхъ.

— Послушай, малютка, — обратилась она къ старшему мальчику, — хорошему мальчику надо всегда сидѣть, выставивши грудь впередъ и поднявши плечи. Тогда сидишь прямо...

— Я безусловно нахожу, — продолжала она безъ всякаго перехода, возвращаясь снова къ Іанэ и вѣроисповѣданіямъ, — что о такихъ вещахъ за ѣдою не разсуждаютъ.

— Можно ѣсть у епископа въ первый день Рожде-

ства, и все-таки о религии и тому подобныхъ вещахъ не будетъ за столомъ упомянуто ни однимъ словомъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ такими бесѣдами шлифуютъ стекло и фаянсъ?

Тетушка Анна перешла къ разговору о стеклѣ и фаянсѣ вообще.

Заговорили о выдуваніи стекла въ южной Франціи.

— Вотъ гдѣ дѣйствительно творятся чудеса, — обратилась она къ папѣ... — Но, дорогой, мнѣ вдругъ пришло въ голову, почему не видно въ нынѣшнемъ году твоихъ красивыхъ шлифованныхъ графиновъ.

— Знаешь, тѣхъ, для мадеры.

Кровь бросилась мамѣ въ голову — въ рукахъ у тетокъ всегда что-нибудь разбивалось въ куски.

— Маргарита разбила — ты помнишь... разбила... одинъ изъ нихъ пополамъ...

— Куда дѣлась Маргарита? Такая хорошенькая дѣвушка... Я помню хорошо эту милую, живую, маленькую особу, — сказала тетушка Ботильда.

— Къ сожалѣнію она попала въ бѣду, и ей пришлось оставить должность.

— И ей тоже, — сказала тетушка Анна.

Но тетушка Ботильда, бросивъ поспѣшный взглядъ на дѣтей, прервала разговоръ громкимъ: «но».

— Это «но» прозвучало словно ударъ о желѣзный горшокъ.

Больше о графинахъ не говорили.

— Маленькая Стелла, — послышалось черезъ секунду послѣ «но», — дѣвочки не сидятъ за столомъ, положивши ногу на ногу.

Сестра до того смутилась, что уронила вилку.

— Такъ, теперь ты замазала платье, — сказала тетушка и, наполовину извиняясь, обратилась къ мамѣ.

— Милочка, къ такимъ вещамъ приучаютъ только постоянными напоминаніями.

И разъ ужъ заговоривъ на свою излюбленную тему, она не удержалась, чтобы не закончить разговоръ словами:

— Первымъ дѣломъ надо учить дѣтей сидѣть за столомъ во время ѣды, тѣсно прижавши локти къ тѣлу.

Обѣдъ кончился, кофе былъ поданъ въ бесѣдкѣ. Дѣти выскочили изъ столовой такъ поспѣшно, что попадали другъ на друга на лѣстницѣ.

— Но я никакъ не могу забыть Маргариту, — сказала тетушка Анна, едва успѣвши усѣсться въ бесѣдкѣ, — эту красивую и живую дѣвушку.

— Съ красивыми такія вещи чаще всего и случаются, — сказала мама, процѣживая кофе.

— Однако здѣсь въ вашемъ приходѣ это происходитъ въ буквальномъ смыслѣ каждый годъ, — замѣтила тетушка Ботильда.

Мама улыбнулась.

— Да, — отвѣтила она, — часто.

Тетушка Ботильда помолчала немного, потомъ заявила.

— Мы и наши друзья никакъ не можемъ понять этого. Но, благодареніе Богу, такія вещи насъ не касаются.

Тетушка Анна сказала:

— Это случается очень часто въ жизни. Самое луч-

шее — дѣлать видъ, какъ будто не замѣчаешь... словно ничего подобнаго нѣтъ. Но народъ совершенно невоспитанъ...

Мама продолжала улыбаться...

— Какъ будто воспитаніе помогаетъ? — сказала она.

И, совсѣмъ не думая о тетушкахъ, мама быстро заговорила:

— Вся бѣда въ томъ, что природа поступила ужасно жестоко, создавши животное, которое мыслить. Сначала спариваются животныя, а потомъ человѣку становится противно.

Тетушка Ботильда остолбенѣла и едва сумѣла пролепетать нѣсколько словъ:

— Да, ты... ты говоришь иногда такія вещи... говоришь такія вещи... Вѣдь мы же всѣ Божьи созданія.

Послѣ кофе тетушки задремали.

Тетушка Анна потихоньку накрыла свое лицо носовымъ платкомъ.

Послѣ отдыха наступило время чтенія.

Тетушки читали вслухъ попеременно.

Онѣ перечитывали изящную литературу на трехъ иностранныхъ языкахъ для упражненія.

Любимымъ писателемъ тетушки Ботильды былъ Диккенсъ.

— Милочка, у этого господина дѣйствительно многое узнаешь про людей. Конечно и Гёте хорошъ. Но онъ, вмѣстѣ со своимъ Веймаромъ, производитъ теперь на меня такое впечатлѣніе, какъ будто онъ каменный.

Тетушка Анна предпочитала «дамскихъ» писателей, и обѣ сестры вели изъ-за этого ожесточенные споры.

— Языкъ у нихъ, правда, бываетъ очень красивъ, — говорила тетушка Тильда, — но содержаніе, милый другъ, всегда одно и то же — о любви.

— А вѣдь эта полоса жизни, благодореніе Богу, тоже проходить. И кромѣ любви существуетъ въ жизни много хорошаго.

Передъ чаемъ тетушки снова ходили гулять, на этотъ разъ по аллеѣ.

Послѣ чаю сиделись на крыльцо, выходящее въ садъ, и въ продолженіе получаса дышали свѣжимъ воздухомъ.

— Говорятъ все о цѣлебныхъ свойствахъ воды, — говорили онѣ, — а, между тѣмъ, самое главное — воздухъ. Если бы люди были настолько умны, чтобы спать при открытыхъ окнахъ, они бы доживали до ста лѣтъ.

По истеченіи шести недѣль отдыха отъ морскихъ купаній кончился. Тетушки уѣхали.

Передъ отъѣздомъ онѣ одѣлили прислугу деньгами «на водку», завернутыми въ бумажки.

— — —

Когда тетушки уѣхали, настали иныя времена.

Приѣхали погостить мамы подружки.

Это были пансіонерки изъ Госетъ, гдѣ мама воспитывалась.

Онѣ производили впечатлѣніе пестрыхъ птицъ, прилетѣвшихъ изъ дальнихъ краевъ.

Въ продолженіе восьми дней ихъ зонтики пестрѣли по садовымъ дорожкамъ.

Окна были растворены, такъ что садъ и домъ слились въ одно; всюду звучали чужіе имена; почтальонъ приносилъ письма, надписи на которыхъ никто въ кухнѣ не могъ прочитать.

Это была самая свѣтлая пора за весь годъ.

Подруги ходили въ кринолинахъ, которые казались дѣтямъ похожими на большія люстры, закутанныя въ чехлы, и въ мантильяхъ съ галстуками. А когда оцѣ выѣзжали кататься, онѣ одѣвали головные уборы, какъ у Цампы, маленькой лошадки, которую дѣти видѣли въ Аугустенборгѣ и которая умѣла сидѣть за столомъ и звонить колокольчикомъ, чтобы ей подали кушать. Всѣ подруги говорили, перебивая другъ друга. Но больше всѣхъ болтала лэди Липтонъ.

Она долго жила въ чужой странѣ и знала многихъ людей, отличавшихся своимъ богатствомъ и знатностью. Къ обѣду папа всегда водилъ ее къ столу подъ руку.

Послѣ обѣда распивали кофе въ бесѣдкѣ, и лэди Липтонъ рассказывала. Говорила о Рашели, которую она любила, о тюльерійскомъ дворѣ и о далекихъ, своеобразныхъ людяхъ, съ которыми была знакома, — а мама все слушала.

— Рассказывай дальше, — говорила мама, и лэди рассказывала дальше: о поэтахъ этой великой страны, въ обществѣ которыхъ она вращалась, о художникахъ, картины которыхъ она имѣла, и больше всего объ одномъ оригинальномъ и странномъ молодомъ поэтѣ изъ какой-то отдаленной страны, съ которымъ она встрѣтилась въ большомъ городѣ, гдѣ жизнь сталкиваетъ

другъ съ другомъ массу разнообразныхъ людей, и портретъ котораго стоялъ на ея столѣ, въ гостиной. Мама тоже охотнѣе всего слушала о немъ.

— Ma chère, — сказала лэди, — мнѣ кажется, что жизнь покинула его. Онъ позабылъ искусство жить.

— Не умѣетъ ужъ больше расправлять свою высокую шляпу и не считаетъ нужнымъ застегивать своихъ перчатокъ, отправляясь съ визитомъ; онъ не въ состояннн заниматься всей той массой механическихъ дѣлъ, изъ которыхъ слагается жизнь; на примѣръ, отправиться къ парикмахеру или пить свой кофе въ кофейнѣ или сидѣть за столомъ и разговаривать съ свѣтской дамой, наблюдать ея напудренную шейку...

— Я это понимаю, — сказала мама.

— Онъ, конечно, не чувствуетъ никакихъ страданнй, — сказала лэди, — и не разочарованъ, потому что всѣ такъ называемыя «очарованія», иллюзїи, были уничтожены уже его предшественниками.

Помолчавши немного, она продолжала:

— Я бы скорѣе сказала, что онъ принадлежитъ къ les désintéressés. Событїя жизни обезцвѣтились для него до степени совершенно бесполезныхъ и безразличныхъ или смѣшныхъ вещей или, наконецъ, такихъ, которыя возбуждаютъ его удивленіе.

Лэди вдругъ засмѣялась:

— Никогда я не забуду, какъ онъ однажды пришелъ ко мнѣ и вдругъ развернулъ «Le Figaro», лежавшую на моемъ столѣ. Ударивъ своей красивой рукой по жалкой газетѣ, онъ произнесъ съ невыразимымъ и уста-

лымъ испугомъ — нѣтъ, не съ испугомъ, а только съ своего рода слабымъ изумленіемъ:

— Здѣсь все только о войнѣ съ Китаемъ.

Лэди помолчала секунду, затѣмъ сказала:

— Въ томъ-то и дѣло, что для него вся жизнь такъ же интересна, какъ какакая-то тамъ война съ Китаемъ.

Мама подала чашки.

И тихо сказала:

— Можетъ быть, онъ любить — или любилъ.

Лэди отвѣтила:

— Я этого не думаю, ma chère!

— Во всѣхъ большихъ странахъ встрѣчаются люди, которымъ — какъ бы мнѣ! выразиться — чисто физическая сторона любви внушаетъ непреодолимое отвращеніе. Они становятся утонченными аскетами, желаютъ постоянно, — но проклинаятъ удовлетвореніе.

— René принадлежитъ къ ихъ числу.

— Его влечетъ къ женщинамъ, но, когда онѣ уже находятся въ его объятіяхъ, онъ ихъ осыпаетъ дѣлыми потоками оскорбленій.

— Значить, онъ не любитъ? — сказала мама.

Лэди немного помолчала, затѣмъ отвѣтила:

— Развѣ любовь не въ томъ, чтобы чувствовать желаніе и не стыдиться его?

— Ты не знаешь ни одного изъ его стихотвореній? — спросила мама.

— Одно — единственное.

— Прочти его.

Лэди откинулась назадъ въ своемъ стулѣ и стала читать стихотвореніе, произнося слова слегка съ ино-

страннымъ выговоромъ; придававшимъ имъ своеобразный звукъ:

Я люблю тебя, какъ море любить
Широкий берегъ, который оно омываетъ,
Покрывая его, безъ конца покрывая
Однимъ вѣчнымъ поцѣлуемъ.

Какъ влюбленный можетъ вести свои губы
По всему тѣлу возлюбленной,
Отъ подошвы ноги и до красивыхъ височныхъ
впадинъ,
Чтобъ въ блаженствѣ владѣть всѣмъ тѣломъ...
Такъ люблю я тебя — —

Нѣтъ, я люблю тебя, какъ солнце любить
Золотыя вечернія облака.
Оно обнимаетъ ихъ,
Гордо привѣтствуя въ послѣдній разъ
Жалкое великолѣпіе земли, и умираетъ.

— Ты знаешь еще другое стихотвореніе, — сказала сестра лэди.

— Да, — отвѣтила лэди, — я знаю еще одно.

И, продолжая неподвижно сидѣть въ томъ же самомъ положеніи, она продекламовала стихотвореніе, и ея альтовый голосъ звучалъ мягче и нѣжнейше.

Когда я длинными ночами
Отдыхаю, одинокій,
И никто не видитъ моего лица,
И никто не видитъ моихъ глазъ,
Сухихъ —

Тогда я думаю :
Если бъ я умерь,
Ты пришла бы
И опустилась на колѣни
Передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я лежу,
И взяла мою руку,
Которая теперь тебя пугаетъ,
Она была бы холодна,
И въ мое ухо, которое не могло бы
Ужъ больше слышать,
Ты прошептала бы своимъ
Прежнимъ голосомъ :
«Какъ я люблю тебя».
И мертвецъ улыбнулся бы.

Мама сѣла и широко раскрытыми глазами смотрѣла передъ собою, обнявши руками колѣни. Вдругъ сказала :

— Повтори это стихотвореніе еще разъ — я хочу его заучить.

Лэди засмѣялась.

— Да ты ужъ его знаешь, — сказала она.

— Да, послѣднее я ужъ запомнила.

И совсѣмъ тихо, почти неслышно, повторила она чужія слова, все еще продолжая сидѣть, обвивши своими бѣлыми руками колѣни :

Я люблю тебя, какъ солнце любить
Золотыя вечернія облака,
Оно обнимаетъ ихъ,
Гордо привѣтствуя въ послѣдній разъ
Жалкое великолѣпіе земли, и умираетъ.

Наступила небольшая пауза.

Затѣмъ лэди Липтонъ сказала:

— Но на своемъ портретѣ онъ написалъ стихотвореніе, которое я люблю больше всѣхъ остальныхъ.

— Это стихотвореніе я знаю, — сказала мама.

И, словно напѣвая колыбельную пѣсенку, прозвучала ее голосъ, произносившій маленькое стихотвореніе съ портрета — съ портрета чуждаго, незнакомаго писателя:

Какъ растеніе вянетъ,
Когда его корни лишены питанія,
Какъ цвѣтокъ блекнетъ,
Если солнце не освѣщаетъ его,
Такъ вяну я и блекну
Оттого, что ты меня не любишь.

Снова всѣ замолчали. Вдругъ одна изъ сестеръ лэди засмѣялась и сказала:

— Дѣтки, совсѣмъ ужъ не такъ было бы плохо быть любимой этимъ молодымъ человѣкомъ.

Всѣ громко засмѣялись, мама громче всѣхъ, и побѣжали въ садъ, бросились на траву, такъ что кринолины поднялись вокругъ нихъ.

Вечеромъ наступило самое веселое время. Подруги привезли съ собою фейерверкъ.

На всѣхъ кустахъ онѣ зажгли бенгальскіе огни, зеленые и голубые, и чуть не подожгли весь садъ.

Мама помогала имъ, бѣгала со спичками и хлопала въ ладоши отъ восхищенія.

Дѣти въ ночныхъ рубашонкахъ смотрѣли на зрѣлище изъ оконъ дѣтской.

— Какъ красиво, какъ красиво! — кричала мама.

Всѣ кусты пылали голубыми и красными огнями. Мама стояла посреди лужайки. Ея бѣлое лицо было обращено кверху, руки подняты.

Вдругъ она сказала:

— Но звѣзды все же красивѣе.

И въ то время, какъ искусственные огни потухали одинъ за другимъ, а кусты погрузились во мракъ, всѣ стали смотрѣть вверху, на звѣзды августовской ночи.

— Покажи намъ твои звѣзды, — сказала лэди Липтонъ.

Мама покачала головой.

— Нѣтъ, давайте лучше помолчимъ.

Она продолжала стоять, подруги стали такъ же молчаливы, какъ и она. Немного погодя всѣ вошли въ домъ. Въ комнатахъ было темно и прохладно. Всѣ ушли въ столовой, никто не говорилъ ни слова. Мама нарушила молчаніе.

— Я думаю, что звѣзды существуютъ для тѣхъ, у кого много горя, чтобы они поняли, какъ бесполезно страдать. Вѣдь даже наше горе слишкомъ ничтожно.

Никто не отвѣчалъ.

Мама поднялась и сѣла въ темной комнатѣ за рояль.

Ея бѣлыя руки опустились на клавиши, медленно, совсѣмъ медленно она взяла нѣсколько аккордовъ и вполголоса запѣла мелодію, которую сама сочинила къ чужимъ словамъ;

Какъ растеніе вянетъ

Когда его корни лишены питанія,

Какъ цвѣтокъ блекнетъ,
Если солнце не освѣщаетъ его,
Такъ вяну я и блекну
Оттого, что ты меня не любишь.

Было тихо.

Надъ садомъ, надъ полями, надъ всѣми лугами сіяли звѣзды поздняго лѣта.

— — —

Подруги уѣхали. Наступило время жатвы. Тяжелые воза со снопами вѣзжали во дворъ черезъ ворота. Мама и Тина сидѣли на самой верхушкѣ, рядомъ съ дѣвушками, въ то время какъ дѣти съ воемъ кувыркались въ наполнявшейся снопами ригѣ.

Мама соскочила съ воза внизъ на руки Ларсу и закричала:

— Держи меня, держи меня!

Послѣ ѣзды на возу мама боялась ухвертокъ и, раздѣвшись донага, пересмотрѣла всю свою одежду.

Прошло и время жатвы. Наступили тихіе и ясные сентябрьскіе дни, когда садъ лежалъ весь залитый свѣтомъ и совершенно безмолвный, когда ни одна муха не жужжала надъ прудомъ.

Мама большей частью сидѣла на бѣлой лѣстницѣ, грѣясь на солнышкѣ, въ то время какъ Тина чѣмъ-нибудь занималась въ саду у ея ногъ.

Листья на тополяхъ, росшихъ вдоль аллеи, пожелтѣли, сами тополя казались еще выше въ прозрачномъ воздухѣ.

Мама содрогнулась отъ холода.

— Тѣни стану́тся все длиннѣе, — сказала она.

Тина, подвязывавшая розы, взглянула на лужайку и сказала:

— Да, наши тѣни тянутся далеко.

Но мама, которая смотрѣла на освѣщенные яснымъ солнцемъ грядки, гдѣ ничто не шевелилось, по все сіяло, — и листья, и астры, и позднія розы, — произнесла:

— Тина, въ одномъ все-таки есть покой — въ смерти.

Стемнѣло рано. Тина, мама и дѣти пошли по аллеѣ, на поле, гдѣ кусты ежевики наполняли всѣ овраги.

Никого не встрѣтили. Вездѣ была нѣмая тишина. Позади нихъ виднѣлись огни деревни, заживавшіеся одинъ за другимъ. Доносился вечерній звонъ.

Мама остановилась, дѣти прижались къ ней.

Повсюду, насколько хваталъ взоръ, лежали широкія поля, а тамъ вдали въ полутьмѣ мигали нѣмые огоньки деревни.

Небо было темное, безъ звѣздъ.

Долго никто изъ нихъ не говорилъ. Вдругъ мама, которая, высоко поднявъ голову, всматривалась въ мракъ, нарушила молчаніе:

— Знаете, Тина, куда слѣдовало бы приводить людей, которые страдаютъ.

Но немного спустя она сказала, — и въ ея голосѣ послышалась безконечная усталость:

— Хотя все равно это не помогло бы. Мнѣ кажется, что красота земли только усиливаетъ страданія души.

— Нѣтъ никакого утѣшенія.

Пошли дальше по тонувшимъ въ полумракъ полямъ.

Колокола перестали звонить, и не слышно было ни одного звука, кромѣ лая собакъ.

Да и тѣ скоро смолкли.

— Пойдемъ домой, — сказала мама.

Когда возвратились домой, дѣти стали играть въ циркъ посреди столовой, въ своихъ ночныхъ рубашкахъ.

— — —

...Окрестные пасторы приѣхали играть въ ломберъ. Они въѣзжали во дворъ въ своихъ старыхъ коляскахъ, съ толстыми краснощекиными кучерами на козлахъ. Ломберный столъ поставили въ папиной комнатѣ, гдѣ происходила игра. Вся комната наполнялась такимъ густымъ дымомъ отъ длинныхъ пасторскихъ трубокъ, что нельзя было ничего разглядѣть на аршинъ впереди себя.

Старый Фангель проклиналъ и клялся такъ громко, что дрожали книжныя полки и танцевали «Размышленія» Мюнстера. Дѣти не могли спать, соскакивали со своихъ постелей и получали сливы, чтобы снова отправиться въ постельку.

Мама играла на рояли.

У папы въ комнатѣ пасторы становились все возбужденнѣе и возбужденнѣе. Стаканы наполнялись грогомъ, старый Фангель посылалъ проклятiя.

Пасторы играли до самаго утра.

— Ну, теперь сыграемъ въ послѣдній разъ на травѣ, — сказалъ старый Фангель.

— Да; да, сдѣлайте это, — сказала мама.

Пасторы поднялись изъ-за стола — на ногахъ они держались немного нетвердо — и прошли черезъ столовую.

— Господи Боже, — сказалъ Фангель, — солнышко-то ужъ вошло.

Они, качаясь, сошли по лѣстницѣ въ садъ, поставили стаканы съ грогомъ на траву и стали играть, лежа на животахъ и ударяя по травѣ своими длинными руками.

Мама сидѣла на травѣ и хохотала до упаду.

Стараго Фангеля юна накрыла шерстянымъ одѣяломъ.

По аллеѣ стали проходить деревенскіе обитатели.

— Съ добрымъ утромъ, — говорили они, почтительно снимая шляпы передъ пасторами.

— Съ добрымъ утромъ, съ добрымъ утромъ, — отвѣчалъ старый Фангель.

Солнце стояло ужъ высоко, а пасторы все еще продолжали играть.

— — —

Дни становились все короче и короче. Листья на деревьяхъ рѣдѣли, мерзли послѣднія розы, росшія вдоль стѣнъ бѣлаго дома.

На южной сторонѣ висѣли только ягоды винограда, налитыя и большія.

Мама смотрѣла на нихъ каждый день.

— Завтра мы ихъ сорвемъ, — сказала она Тинѣ.

На другой день она приставила къ стѣнѣ лѣстницу и, стоя на самомъ верху, съ корзиной въ рукѣ, рвала тяжелыя грозди.

То съѣдала одну, то бросала гроздь Тинѣ, стоявшей внизу.

— Ловите, хватайте! — кричала она.

Передвинула лѣстницу и снова стала рвать.

Она стояла высоко-высоко. Для шутки положила кисть винограда на свои темно-русые волосы, а другую подняла въ рукѣ.

Солнечные лучи освѣщали ее, искрились на солнцѣ виноградныя грозди, и блестѣли ея волосы.

Дворецкій прошелъ мимо и остановился. Мама бросила ему гроздь винограда прямо въ лицо.

— Да, должно быть красиво я выгляжу, — сказала она, сошла съ лѣстницы и велѣла ее убрать.

Тина занялась подсчетомъ кистей винограда.

Мама долго стояла и осматривала оголенное виноградное дерево.

Ея лицо словно измѣнилось.

— И это прошло, — сказала она.

Вошла въ комнату, не обращая никакого вниманія на гроздья, и долго-долго сидѣла на своемъ собственномъ стулѣ у окна, положивши руки на колѣни, въ темнотѣ.

Изъ сосѣдней комнаты доносились шаги отца.

Въ кухнѣ Тина громко считала гроздья, и слышались голоса слугъ, возвращавшихся съ работы и разговаривавшихъ о жатвѣ. Тина вошла въ комнату и сообщила, сколько оказалось кистей.

— Ихъ вѣдь много было, — сказала мама.

— Да, на десять больше, чѣмъ въ прошломъ году.

— Вотъ какъ?

На дворѣ стало совсѣмъ темно.

Пастухъ Іенсъ зажегъ фонарь, отправляясь къ скотинѣ.

Коровы протяжно мычали, когда онъ отворялъ дверь.

Мама встала со своего мѣста. Словно тѣнь скользила по комнатѣ, во мракѣ. Сѣла за рояль.

— Вы здѣсь, Тина?

— Да, фру.

— Знаете, я сидѣла и думала о томъ, какъ люди могли бы быть счастливы.

— Но вѣдь вездѣ же встрѣчаются счастливые люди, — сказала Тина.

Мама подняла свое блѣдное лицо и медленно промолвила:

— Есть довольные люди, Тина, но и это ужъ хорошо.

Тина помолчала немного.

— Да, слава Богу, — сказала она, — много бываетъ разныхъ видовъ счастья.

Мама отвѣтила ей черезъ нѣсколько времени:

— Нѣтъ, Тина, я вамъ уже раньше говорила, что существуетъ только одно счастье, и можетъ быть счастливыѣ всѣхъ тотъ, кто никогда его не зналъ.

— Я этого не понимаю, — сказала Тина.

— Потому что счастье мимолетно.

На минуту воцарилось молчаніе, затѣмъ мамыны красивыя руки стали плавно скользить по клавишамъ, и тихо полилась пѣсня. На порогѣ своей комнаты, словно тѣнь, появился папа.

Какъ растеніе вянетъ
Когда его корни лишены питанія,
Какъ цвѣтокъ блекнетъ,
Если солнце его не освѣщаетъ,
Такъ блекну я и вяну
Оттого, что ты меня не любишь.

Пѣсня смолкла.

Въ окна глядѣла ночь. Въ комнатѣ было темно.

Мама встала.

— Зажгите лампу, Тина, — сказала она. — Дѣтей
пора уложить спать, и надо позаботиться объ ужинѣ
для прислуги.

«Такъ ужъ лучше было бы умереть».

СТРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Изъ неизвѣстныхъ странъ души доносятся до насъ временами странныя и загадочныя исторіи.

Онѣ таинственны и страшны и онѣ ведутъ насъ туда, идѣ царитъ полумракъ и идѣ мы нерѣшительными шагами еле пробираемся впередъ, вытянувъ передъ собою руки.

Но въ то же время онѣ зажимаютъ невѣрные и трепетные дни надъ глубинами, которыхъ мы безъ нихъ никогда не замѣчаемъ—надъ сокровенными глубинами нашихъ собственныхъ душъ.

Вотъ почему я написалъ эти разсказы.

«Барханъ умеръ».

Осипу Семеновичу Мельнику.

Мы сидѣли послѣ обѣда на террасѣ передъ виллой.

День былъ очень жаркій. А теперь, къ вечеру, воздухъ былъ тяжелъ — такъ тяжелъ и душень, что дымъ отъ нашихъ папиросъ застылъ и, казалось, разсѣивался съ большимъ трудомъ. Два тополя въ надвигавшемся сумракѣ стояли передъ нами на лужайкѣ, высоко поднимаясь надъ кустами туи, неподвижные и прямые — какъ два факела, которые догорѣли.

Иванъ Ивановичъ повернулъ свое лицо къ саду. Онъ, почти не двигаясь, положилъ подбородокъ на холодныя мраморныя перила. Когда я повернулъ голову — какъ бы для того, чтобы избавиться отъ запаха туи, который отравлялъ воздухъ, — я увидѣлъ, что онъ былъ очень блѣденъ.

Мы долгое время не разговаривали.

Я снова повернулъ голову.

И только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать, изъ неяснаго желанія говорить и слышать свой собственный голосъ въ духотѣ и полумракѣ, я произнесъ:

— Вы ничего не говорите, Иванъ Ивановичъ.

Иванъ Ивановичъ не двигался. Все еще опираясь подбородкомъ на мраморныя перила, онъ тихо сказалъ:

— Воздухъ такой тяжелый. Въ такіе вечера, какъ этотъ, не можешь отогнать воспоминаній.

— Какихъ воспоминаній? — спросилъ я.

— Воспоминаній, — повторилъ Иванъ Ивановичъ; его блѣдное лицо создавало впечатлѣніе, будто онъ, широко раскрывъ глаза, вглядывается въ полумракъ — и вдругъ онъ произнесъ совершенно другимъ голосомъ, голосомъ, котораго я никогда не слышалъ, голосомъ, который вырвался изъ его груди:

— Воспоминаній о томъ, что я убійца.

Я повернулся всѣмъ своимъ тѣломъ, и въ вечерней духотѣ мнѣ почудилось, словно мою спину обдало холодомъ.

— Вы съ ума сошли, Иванъ Ивановичъ! — сказалъ я. Попытался засмѣяться и снова замолчалъ.

— Воспоминаніе о томъ, что я убійца, — повторилъ Иванъ Ивановичъ.

Я почувствовалъ въ это мгновеніе, что долженъ подбѣжать къ этому человѣку и схватить его, такъ какъ серьезно думалъ, что онъ сошелъ съ ума, обезумѣлъ вдругъ отъ жары, отъ душнаго, передъ грозой, воздуха, — мало ли отъ чего.

Но Иванъ Ивановичъ сказалъ это и совсѣмъ не двигался.

— Я про это никому не говорилъ — вамъ я расскажу.

— Иванъ Ивановичъ, — сказалъ я, — вѣдь все это какая-то нелѣпая болтовня. — И почти бессознательно я взглянулъ на звонокъ у двери, чтобы посмотрѣть, какъ далеко онъ былъ отъ меня.

— Слушайте, хотя бы это была чепуха, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, — сидите и слушайте. Разсказъ будетъ длинный.

И полушопотомъ, но все-таки очень отчетливо, какъ-то особенно отчетливо, какъ разсказываютъ вещь, которую тысячу разъ непрерывно повторяли про себя, говорилъ Иванъ Ивановичъ и сидѣлъ все время въ одномъ положеніи, словно исповѣдуясь передъ невидимымъ лицомъ здѣсь, вотъ здѣсь въ воздухѣ, передъ нимъ.

— Это было пять лѣтъ тому назадъ. Въ Петербургѣ. Я жилъ тогда почти у самага финляндскаго вокзала. Вы должны это знать. Это и было причиной тому, что Вальдгеймъ такъ часто приходилъ ко мнѣ по утрамъ пить чай. Онъ бывалъ у себя на дачѣ, отъ субботы до понедѣльника, по ту сторону границы, финляндской границы; и вотъ, когда онъ утромъ шелъ съ вокзала, онъ заходилъ ко мнѣ пить чай, прежде чѣмъ отправиться въ министерство. Въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Онъ сдѣлалъ очень удачную карьеру, — хотя я считалъ его очень пустымъ и самымъ обыкновеннымъ чело-вѣкомъ. Но онъ былъ очень красивъ.

Иванъ Ивановичъ помолчалъ минутку и протянулъ руки передъ собою на мраморныя перила. На сѣромъ мраморѣ руки казались мертвыми или сдѣланными изъ гипса.

— Въ понедѣльникъ утромъ онъ пришелъ. Я еще лежалъ въ постели. Помню все это очень отчетливо. Свѣтило солнце, было ясное и веселое утро. Приходить Вальдгеймъ, мы обмѣниваемся рукопожатіями, и онъ,

сядаясь у постели, говорить, какъ обыкновенно говорятъ:

— Ну, что новаго?

— Что новаго? — отвѣчаю я.

— И всю жизнь я буду себя спрашивать, какъ это было возможно, почему и какъ это случилось, какъ возникла у меня такая мысль, какъ мнѣ это пришло въ голову, — несмотря на то, что я за одну секунду до этого ни о чемъ подобномъ не думалъ, — какъ они вырвались изъ моихъ устъ — эти слова:

— Что новаго? Барханъ умеръ.

— Барханъ умеръ, — сказалъ я. Почему? Какъ я пришелъ къ этой мысли? Барханъ, нашъ общій другъ, былъ свѣжъ и бодръ. Десять часовъ тому назадъ я съ нимъ вмѣстѣ ужиналъ. Барханъ былъ живъ и здоровъ, какъ мы съ вами, — и все-таки я сказалъ неожиданно, прямо ему въ лицо:

— Барханъ умеръ.

— Въ это мгновеніе Вальдгеймъ подскочилъ и снова сѣлъ, какъ человекъ, который боится упасть.

— Барханъ! — закричалъ онъ, — что вы говорите! Барханъ, Барханъ умеръ.

— Его лицо измѣнилось... Видите ли, я никогда не думалъ, чтобы это пустое, бритсе, пошлое лицо могло получить то выраженіе ужаса или мучительной боли, которое оно получило... Удивленный или заинтересованный этимъ новымъ лицомъ, этимъ новымъ человекомъ, который вдругъ очутился передо мною, я произнесъ еще разъ (побуждаемый любопытствомъ, да, любопытствомъ, теперь я въ этомъ убѣжденъ):

— Да, Барханъ умеръ.

— И не сводилъ глазъ съ лица барона.

— А онъ снова поднялся и стоялъ неподвижно и прямо передъ кроватью, тѣсно сжавъ ноги.

— Но какъ онъ умеръ? Какъ? Барханъ, Барханъ умеръ. Вѣдь я обѣдалъ съ нимъ три дня тому назадъ...

Иванъ Ивановичъ провелъ лѣвой рукою по своему лбу — и эта рука все время казалась мертвою — глаза были неподвижно устремлены въ пространство, между тѣмъ какъ онъ продолжалъ:

— Скажите, неужели я былъ въ эти мгновенія загни-
нотизированъ этимъ лицомъ, здѣсь, передъ моею по-
стелью? Неужели я говорилъ подъ вліяніемъ гипноза,
отъ котораго я не могъ освободиться? Или меня, мо-
жетъ быть, толкало просто артистическое наслажденіе,
непреодолимое стремленіе изучать боль? Или — вы
этого не замѣчали, — внутри насъ тлѣетъ скрытая
жестокость, ненасытная и злая жестокость какъ
разъ противъ тѣхъ, кого мы больше всѣхъ лю-
бимъ. Она проявляется, и тогда мы вонзаемъ сти-
летъ, который мы вѣдь всегда носимъ въ сво-
емъ рукавѣ, прямо въ ихъ тѣло и поворачиваемъ его,
поворачиваемъ и не можемъ прекратить этого. Мы дол-
жны, должны причинять имъ боль. Было ли это при-
чиною? Заставляло ли это меня продолжать говорить?
Вѣдь я, понимаете ли, началъ вдругъ рассказывать —
да еще обстоятельно, со всѣми подробностями, картин-
но — какъ умеръ Барханъ.

— Какъ онъ упалъ, на Пушкинской улицѣ, поздно
ночью, когда мы шли домой, забился въ судорогахъ,

упалъ ничкомъ какъ скошенный, прямо на мостовую—возлѣ дома княгини Уступовой, да, это было какъ разъ около воротъ ея дома...

— Между тѣмъ Вальдгеймъ снова сѣлъ и, закрывъ руками лицо, продолжалъ повторять одни и тѣ же, одни и тѣ же слова.

— Барханъ — Барханъ умеръ... Но вѣдь я съ нимъ обѣдалъ три дня тому назадъ...

— А я продолжалъ (не будучи въ состояніи перестать, увлеченный своей собственной ложью, находясь во власти потока своихъ словъ, своей собственной выдумки о смерти живого Бархана), я продолжалъ говорить:

— О, лицо Бархана... лѣвый глазъ закрылся въ судорогѣ, только правый смотрѣлъ въ ужасѣ, искоса слѣдилъ за мною, когда я пытался его поднять и не могъ — одинъ глазъ Бархана — онъ налился кровью — слѣдилъ за мною, слѣдилъ, не переставая...

— Но вдругъ Вальдгеймъ всталъ со стула, его руки соскользнули съ лица, упали внизъ; я увидѣлъ (да, я это замѣтилъ), что его лѣвый глазъ былъ закрытъ, рѣсницы опущены... только правый смотрѣлъ, когда онъ сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не рассказывайте больше... не рассказывайте.....

— И, не говоря больше ни слова, онъ повернулся и пошелъ по комнатѣ... шатаясь, какъ челоуѣкъ, который напился допьяна, который не можетъ стоять на ногахъ, пошелъ по комнатѣ и вышелъ наружу...

— Я его не удерживалъ.

— Я очень хорошо помню: оставшись лежать въ своей постели, я думалъ только объ одномъ: «Какъ Барханъ будетъ смѣяться». И, въ то время какъ я одѣвался и стоялъ передъ зеркаломъ, я сказалъ самому себѣ:

«Итакъ, Вальдгеймъ въ самомъ дѣлѣ человекъ. Я этого собственно не думалъ, хотя, правда, очень его люблю».

— И я пошелъ на работу.

Иванъ Ивановичъ замолчалъ.

Большое насѣкомое пролетѣло мимо насъ, большое мохнатое насѣкомое, которое я внезапно отмахнулъ рукою.

Иванъ Ивановичъ склонилъ свою голову и скрестилъ руки. Не знаю почему, но когда онъ такъ сидѣлъ, согнувшись, положивъ одну руку на другую, онъ былъ похожъ на человекъ въ кандалахъ.

— Иванъ Ивановичъ, — сказалъ я, — не рассказывайти мнѣ больше. Все это фантази, а фантази надо отгонять, а не искать...

Иванъ Ивановичъ покачалъ еле замѣтно головою и отвѣтилъ:

— Я долженъ рассказать.

И онъ опять сталъ говорить, вначалѣ очень медленно, словно усталыми шагами, какъ ходятъ тѣ, которые знаютъ, что имъ нужно перейти пропасть.

— На слѣдующее утро — я, вѣроятно, спалъ долго, потому что, когда позвонили ко мнѣ, сильно, одинъ разъ за другимъ, затѣмъ еще разъ, я увидѣлъ — какъ вспоминаются всѣ вещи, которыхъ не видишь, и все-

таки потомъ знаешь, — я увидѣлъ (а звонить все еще продолжали), что моя экономка уже принесла мнѣ чай и что новая книжка «Сѣвернаго Вѣстника» лежала на стулѣ у моей постели. Я раскрылъ ее. Волынскій написалъ статью о «красотѣ» — длинную статью. Я началъ ее разрѣзать концомъ чайной ложки...

— Но кто тамъ звонить?.. Кто, чортъ возьми?

— Звонили толчками, рѣзкими, непрерывными толчками — непрерывно, какъ телеграфисты звонять ночью. И вдругъ я подумалъ (видите ли, Барханъ, можетъ быть, уже наполовину передалъ, сообщилъ мнѣ свое извѣстiе и свою мысль, свою мысль черезъ закрытыя двери) — я подумалъ: такъ же, точно такъ же звонилъ телеграфистъ въ ту ночь или въ то утро, когда онъ мнѣ принесъ телеграмму изъ Тулы, что моя мать умерла...

— И я выбѣжалъ...

— Онъ стоялъ здѣсь, Барханъ — стоялъ, прислонившись къ дверному косяку, и, несмотря на то, что онъ глядѣлъ на меня своими глазами, онъ продолжалъ звонить лѣвой рукой, какъ безумный, какъ сумасшедшій...

— И охваченный вдругъ необъяснимымъ страхомъ — словно его ужасъ заразилъ меня или какъ будто я уже все зналъ — я сказалъ:

— Но Барханъ, Барханъ — въ чемъ дѣло?

Зубы стучали у меня во рту.

— Но онъ не отвѣчалъ и вошелъ въ домъ. Онъ, видите ли, очень высокъ, черезчуръ высокъ и худъ; когда видишь его, кажется, будто одежда кое-какъ набро-

шена на скелеть — таковъ его видъ. Длинная шея и изможденное лицо.

— Барханъ, Барханъ.

— Онъ сѣлъ возлѣ самой двери, опустилъ руки между колѣнъ, раскачивая ихъ, какъ два маятника, и не говорить...

— Барханъ — въ чемъ дѣло?

— Барханъ — ну, говорите же — въ чемъ дѣло?

— Я схватилъ его за правое плечо и, когда я это сдѣлалъ, я уже зналъ, что онъ хотѣлъ сказать... зналъ.... что случилось...

Иванъ Ивановичъ рѣзко повернулъ свое лицо ко мнѣ, и его широко раскрытые глаза смотрѣли мнѣ прямо въ лицо (я никогда не видалъ такого взгляда въ чьихъ-либо глазахъ):

— Да, я зналъ, что Вальдгеймъ умеръ.

— И Барханъ, точно угадавъ, что я зналъ это, что я зналъ, чего онъ еще не сказалъ, совсѣмъ не сказалъ, — произнесъ, — между тѣмъ какъ его руки продолжали бессмысленно, идиотски раскачиваться между его ногъ:.

— Да, это ужасно... это такъ ужасно.

Иванъ Ивановичъ снова повернулъ голову; онъ сидѣлъ, какъ раньше, съ вытянутыми передъ собою руками, и говорилъ медленно:

— Что происходитъ въ человѣкѣ въ такое мгновеніе, и какъ можно знать то, чего не знаешь?

— Но вдругъ я сталъ совершенно спокоенъ. Я часто говорилъ самому себѣ, что только одинъ разъ въ моей жизни я былъ такъ спокоенъ. Это было на Кавказѣ —

вы знаете Кавказъ? — при паденіи лавины, которая вдругъ испугала моихъ лошадей... и моя жизнь зависѣла отъ силы въ моихъ рукахъ.

— Такъ я сталъ спокоенъ, въ то время какъ въ моей головѣ пронеслась мысль:

— Много ли знаетъ Барханъ? Онъ знаетъ, что Вальдгеймъ умеръ — но знаетъ ли онъ еще что-нибудь? Что онъ знаетъ?

И я сказалъ самому себѣ:

— Тебѣ надо бороться съ Барханомъ. Тебѣ надо быть насторожѣ съ Барханомъ.

— Но вслухъ я сказалъ (и мой голосъ звучалъ такъ холодно, словно я произносилъ обвиненіе, да, въ самомъ дѣлѣ, словно я обвинялъ его):

— Но какъ онъ умеръ?

Барханъ отвѣтилъ:

— Онъ уже умеръ. Онъ мертвъ.

— Но что вы знаете о его смерти, Федоръ Алексѣвичъ? — сказалъ я, говоря все тѣмъ же тономъ, какъ и прежде.

— Вѣдь я это видѣлъ. Я это видѣлъ, — и вдругъ Барханъ заложилъ обѣ руки на затылокъ. — Иванъ Ивановичъ, это самое ужасное, что я видѣлъ...

Вдругъ Федоръ Алексѣвичъ Барханъ всталъ и, смотря въ пространство, сказалъ:

— Кто можетъ это объяснить? Кто объяснить это... Иванъ Ивановичъ... это самое ужасное, что я видѣлъ...

— Да, да (и онъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ), я долженъ это рассказать. Дайте мнѣ рассказать по порядку.

— Онъ остановился въ углу... О, я могъ бы нарисовать его, его самого и каждое изъ его движеній, когда онъ стоялъ тамъ... въ то время какъ я думалъ: «Да, пусть онъ расскажетъ, пусть Федоръ Алексѣевичъ расскажетъ, что онъ знаетъ, а ты не выдай себя».

— Да, — сказалъ я вслухъ, — расскажите по порядку.

— Барханъ стоялъ въ углу. Онъ былъ похожъ на картину Рѣпина, когда стоялъ тамъ и говорилъ:

— Это было вчера вечеромъ, послѣ того какъ я поужиналъ. Не знаю, почему мнѣ вдругъ пришло въ голову пойти къ Маріану Михайловичу. Я съ нимъ не видался четыре дня... да, это такъ, прошло ровно четыре дня съ тѣхъ поръ какъ мы вмѣстѣ обѣдали у Бартовыхъ. Онъ былъ такой веселый и все время говорилъ, что скоро уже пора жениться... Да, онъ говорилъ объ этомъ, и я хорошо видѣлъ, что Анна Петровна была очень блѣдна и едва могла поднести стаканъ къ губамъ.

Вдругъ Барханъ повернулъ свою голову и, словно охваченный новымъ ужасомъ, сказалъ:

— Иванъ Ивановичъ, какъ—кто изъ насъ и какъ сообщить это Аннѣ Петровнѣ?

Я отвѣтилъ:

— Мы должны, конечно, сообщить это извѣстіе ей мужу. Что мы знаемъ о связи Анны Петровны съ Маріаномъ Михайловичемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ Барханъ, — мы вѣдь знаемъ

— Я положилъ руку на диванъ, на которомъ сидѣлъ, какъ на перила:

— Но, Федоръ Алексѣевичъ, рассказывайте и давайте положимъ этому конецъ.

— Да, — сказалъ Барханъ и покачалъ головою, — это правда, я вѣдь еще ничего не рассказаль.

— Итакъ, значить, я пошелъ туда — вчера вечеромъ.

— Мариана Михайловича не было дома, онъ еще не пришелъ. Я сѣлъ читать. Это былъ «Сѣверный Вѣстникъ». Онъ лежалъ на столѣ. Его только что получили, и онъ былъ не разрѣзанъ. Я сталъ читать статью Воынскаго...

— Да, — сказалъ я, прерывая его, и засмѣялся (въ это самое мгновение я сказалъ самому себѣ: — Какъ ты уменъ, но будь насторожѣ, вѣдь теперь это очень важно):—Я читаль ее.

— Но Барханъ не слышалъ. Онъ все время стоялъ въ углу и говорилъ, словно въ пустое пространство:

— Подъ конецъ я утомился и легъ на диванъ — на диванъ въ спальнѣ — тамъ стоитъ диванъ возлѣ окна... лежишь лицомъ прямо противъ двери. Лампу, большую лампу, я поставилъ на туалетный столикъ. Я вѣроятно спалъ.

— Барханъ замолчалъ. Въ углу, гдѣ онъ стоялъ, его лицо было сѣро какъ камень... да, именно такъ изобразилъ Рѣпинъ «Ивана Грознаго», когда тотъ смотритъ въ лицо своему полузадушенному сыну.

— Ну, а дальше? — спросилъ я.

— Федоръ Алексѣевичъ досталь носовой платокъ и

обтеръ имъ свои длинные и худые пальцы, прежде чѣмъ отвѣтить:

— Когда я проснулся — но я не вѣрилъ себѣ, что проснулся... Иванъ Ивановичъ... Данте никогда не видѣлъ такого лица, какое я увидалъ — передо мною стоялъ Вальдгеймъ — прямо передо мною, у конца дивана, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ съ искривленнымъ ртомъ, видны были зубы, вся нижняя челюсть, настолько былъ искривленъ ротъ...

— Я хотѣлъ закричать, но не сдѣлалъ этого. Я сказалъ самому себѣ: «ты спишь», и все-таки видѣлъ Вальдгейма — это былъ онъ — Вальдгеймъ; пѣна бѣжала у него изъ раскрытаго рта...

— И, не будучи въ состояніи двинуться, поднять руку, я сказалъ себѣ:

«Маріанъ Михайловичъ сошелъ съ ума. Если ты не спишь, значитъ Маріанъ Михайловичъ сошелъ съ ума.

— Тутъ онъ внезапно — но я не закричалъ — схватываетъ лампу, поднимаетъ ее, хочетъ бросить ея въ меня и падаетъ...

— Барханъ вдругъ заговорилъ спокойнѣе.

— Онъ упалъ, Иванъ Ивановичъ, съ лампою въ рукѣ — она разбилась — упалъ ничкомъ, лицомъ прямо на полъ, прямо на полъ, — лицомъ, лицомъ внизъ — вотъ такъ (и въ ужасающемъ стремленіи къ подражанію, Федоръ Алексѣевичъ сдѣлалъ движеніе, словно самъ хотѣлъ упасть) — я вскочилъ и хотѣлъ позвать на помощь, но не сдѣлалъ этого (Ну, ну, — сказалъ я себѣ, — отнесись къ этому спокойно, Маріанъ Михайловичъ страдаетъ, вѣроятно, падучей болѣзью),

и я хотѣлъ поднять его, но не могъ... тутъ онъ самъ повернулъ свою голову, и я увидѣлъ его лицо... Иванъ Ивановичъ, лѣвый глазъ былъ закрытъ, и вѣко опустилось — только правый смотрѣлъ, весь налитый кровью, онъ неподвижно глядѣлъ на меня — этотъ одинъ глазъ...

— Я этого не выдержалъ. Я рѣшилъ во что бы то ни стало поднять его...

— Тутъ онъ внезапно бросился на меня, сталъ бороться со мною, навалился на меня и боролся со мною какъ помѣшанный, какъ безумный — боролся безмолвно, словно хотѣлъ бороться съ привидѣніемъ...

— Онъ лежалъ на мнѣ — на мнѣ... мы лежали возлѣ двери въ столовую... его пальцы обхватили мою шею, словно онъ хотѣлъ задушить меня или нѣтъ, нѣтъ, не меня, а привидѣніе, — потому что одинъ его глазъ, ужасный, налитый кровью глазъ видѣлъ привидѣніе...

— И вдругъ я сказалъ самому себѣ:

— Это ты его пугаешь. Но какъ было возможно, Иванъ Ивановичъ, чтобы я, я могъ такъ испугать Маріана Михайловича? Я, его лучший другъ — мы были друзьями дѣтства, знали другъ друга двадцать шесть лѣтъ — да, двадцать шесть лѣтъ — до настоящаго времени.

— Барханъ подошелъ ко мнѣ.

— Какъ это возможно? Какимъ образомъ это могло случиться? — сказалъ онъ и посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— Милый Федоръ Алексѣевичъ, — сказалъ я, не сводя съ него глазъ (но съ затылка у меня струился холодный потъ внизъ подъ рубашку): — вѣдь все это игра

вашихъ нервовъ. Успокойтесь. Вальдгеймъ умеръ вполне естественно — (Да, я произнесъ ихъ, эти слова: «вполне естественно»), — онъ умеръ отъ судорогъ.

— Да, отъ судорогъ, когда онъ меня увидѣлъ — при видѣ меня, — сказалъ Барханъ, продолжая смотрѣть мнѣ въ лицо, пока вдругъ не началъ снова ходить взадъ и впередъ, лихорадочно.

— Я знаю, это я его испугалъ. Когда я освободился, поднялъ его — его тѣло стало неподвижнымъ, совершенно неподвижнымъ, такимъ неподвижнымъ, словно онъ уже умеръ — я положилъ его на постель, я видѣлъ по его глазу, открытому, ужасному, выкатившемуся изъ орбиты глазу, который слѣдилъ за мною, что это я испугалъ его..

— Но почему, почему, Иванъ Ивановичъ, почему?

— Барханъ снова обратилъ свое лицо ко мнѣ.

— Онъ говорилъ? — спросилъ я (въ то же самое время я подумалъ: Такъ отчетливо говорить только при видѣніи).

— Нѣтъ, — сказалъ Барханъ и остановился посреди комнаты, — его языкъ онѣмѣлъ.. О, Иванъ Ивановичъ (и Барханъ закрылъ руками свое лицо), если бы онъ только заговорилъ...

— Я чуть не засмѣялся, да, я почувствовалъ нелѣпое, непреодолимое стремленіе смѣяться — надъ Барханомъ, надъ Вальдгеймомъ, да, надъ самимъ умершимъ... не знаю, было ли это отъ радости или отъ отчаянія...

— Онъ лежалъ, — продолжалъ Барханъ, устремивъ

взоръ на меня: — безмолвный, съ глазомъ, смотрящимъ на меня, безмолвный, а я сидѣлъ у его постели.

— Я хотѣлъ уйти и не дѣлалъ этого. Я сказалъ самому себѣ: «это ты его убиваешь», но я не уходилъ...

— Барханъ опять повернулся, и его голосъ звучалъ такъ устало, словно онъ странствовалъ цѣлую жизнь

— Иванъ Ивановичъ, — сказалъ онъ, — какъ можно стать убійцей противъ своей воли?

И въ тотъ же мигъ онъ добавилъ:

— Онъ умеръ въ пять часовъ.

... Стало тихо.

— Я сказалъ только самому себѣ — ничего другого я и не подумалъ: — Барханъ ничего не знаетъ. Никто ничего не знаетъ. Никто ничего и не узнаетъ. Ты спасень.

— А Бархану я сказалъ очень спокойно:

— Вамъ надо выпить чашку чаю, Барханъ.

— И я пошелъ въ свою спальню, принесъ чайникъ и налилъ чаю.

— Когда Федоръ Алексѣевичъ пилъ, онъ сказалъ:

— Мы должны извѣстить также и его родителей.

— Тутъ, вѣроятно, мое лицо передернулось («его родителей»), такъ какъ Барханъ сказалъ, посмотрѣвъ на меня:

— Да, развѣ это не ужасно?

— Я отвѣтилъ:

— Маріанъ Михайловичъ умеръ отъ удара, это, конечно, очень печально.

Барханъ повторилъ тѣмъ же тономъ:

— Мы должны извѣстить его родителей, — и подошелъ къ письменному столу:

— Нѣтъ, я не могу, — сказалъ онъ, и его рука упала внизъ вдоль тѣла, — Иванъ Ивановичъ, лучше вы.

— И я написалъ телеграмму — я никогда не писалъ такъ отчетливо въ теченіе всей моей жизни...

— Никогда.

— Пять лѣтъ мнѣ снились эти буквы, онѣ — кусочки, которые я долженъ собрать въ слова, и я не могу ихъ собрать: онѣ растутъ и обрушиваются на меня, обрушиваются какъ деревья, съ распростертыми вѣтвями, которыя ловятъ меня и колятъ. Или онѣ — животныя въ моихъ сновидѣньяхъ, раки, которые ползутъ впередъ, гигантскіе раки, которые ползутъ по моему ковру, таща свои хвосты, и хватаютъ меня за горло своими слизистыми клещами, своими отвратительными, холодными, какъ ледъ, клещами...

Иванъ Ивановичъ остановился. Капли пота текли по его вискамъ.

— Когда мы бодрствуемъ, мы въ состояніи защищаться, — сказалъ онъ: — почему же воля не можетъ подчинить себѣ и наши сны?

* *
* *

Иванъ Ивановичъ замолчалъ. Онъ сидѣлъ долго, не двигая своими протянутыми впередъ руками.

Я не зналъ, что мнѣ ему сказать.

Въ саду было совсѣмъ тихо. Тѣни кустовъ туи ста-

ли темнѣе, а два тополя стояли передъ нами среди ночи, неподвижные и прямые, какъ два меча — между тѣмъ какъ жужжаніе жуковъ вдали звучало, словно испуганные крики боящагося ночи звѣря.

Иванъ Ивановичъ снова заговорилъ, но совершенно другимъ голосомъ:

— Я уѣхалъ изъ Россіи, — сказалъ онъ, всматриваясь во тьму:

— Теперь я здѣсь — и никогда не вернусь на родину.

Я поднялся и взялъ этого русскаго за плечо:

— Пойдемте, Иванъ Ивановичъ.

— Пойдемте, войдемъ въ комнату и зажжемъ свѣтъ.

«Но ты вспомнишь меня».

Г-жъ Бертъ Васбуцкой.

Разсказъ о привидѣнiяхъ?

Но я никогда не видалъ привидѣнiй.

Вообще, ' никакихъ привидѣнiй не существуетъ.

Кто можетъ являться и кто можетъ приходиться съ того свѣта? Мертвые мертвы, и что прошло—то прошло. Гамлетъ никогда не видѣлъ тѣни своего отца, и только страхъ самого Макбета посадилъ духъ убитаго за столъ на пиру.

Привидѣнiя, тѣни.

Кто можетъ являться и кто можетъ приходиться съ того свѣта?

Мой другъ вынулъ однажды ночью, въ Парижѣ, на балу. — въ то время, когда всѣ танцовали вальсъ подъ звуки испанскаго оркестра, оркестра, одѣтаго въ ярко-желтое и красное, оркестра, чей шелкъ блѣстѣлъ не хуже, чѣмъ у гостей, — мой другъ вынулъ изъ-за своего высокаго воротника золотое сердечко, которое онъ носилъ на шеѣ, на цѣпочкѣ. Оно было усажено опалами. Подъ стекломъ находилось немного бѣлаго перла или бѣлаго порошка, столько, сколько мы беремъ въ дѣтской ложечкѣ противъ инфлюэнцы. — «Посмотри-

те», — сказалъ онъ: — «это та, которую я любилъ больше всего».

Щепотка бѣлой пыли, которую я могъ бы высыпать на мою перчатку и разбѣять однимъ единственнымъ дуновеніемъ между всѣми танцующими, и никто, никто даже не почувствовалъ бы этого.

«Это та, которую я любилъ больше всего».

Нѣсколько пылинокъ, пара бѣлыхъ хлопьевъ.

Но мой другъ закрылъ украшенное опалами золотое сердечко.

— Никто не знаетъ, — прошепталъ онъ, — какъ сильно мы любили другъ друга.

Играйте, испанскіе музыканты. Играйте весело и долго. Вашъ вальсъ вѣдь такой короткій и быстро приходитъ къ концу...

Что говоритъ Гамлетъ, считаясь съ наиболѣе возможной вѣроятностью? Что осталось отъ великаго Александра? Немного пыли, Гораціо, пыли столько, чтобы заткнуть ею щель въ бочкѣ.

Кто же будетъ являться и кто будетъ приходить съ того свѣта?

А все-таки, развѣ мертвые — мертвы? Совсѣмъ мертвы? настолько мертвы, что они, напримѣръ, не могутъ звать?

Да, не могутъ ли они звать? Ударомъ, ударомъ руки въ дверь или пальцемъ, такимъ худымъ, какъ у коршуна, — пальцемъ — въ наше окно?

Мой бѣдный братъ, которому было только двадцать лѣтъ и который умеръ такъ давно, вѣрилъ все-таки, что его звали, и онъ захворалъ, умеръ и послѣдовалъ за тою, которая его звала.

Это было, когда мама умерла. Мы, мой братъ и я, лежали каждый въ своей комнатѣ, но дверь между нашими спальнями была открыта. Мы не спали въ пустомъ домѣ. Безысходная скорбь юности взирала на насъ, когда мы оба лежали, не засыпая. Одинъ разъ я услышалъ, какъ мой братъ вздохнулъ — онъ, который говорилъ такъ рѣдко.

Затѣмъ стало совсѣмъ тихо.

— Ты спишь, Олуфъ? — спросилъ я, боясь темноты.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ. — А ты спалъ?

— Да.

И мы снова лежали, не засыпая.

Но вдругъ я вскочилъ: снаружи, въ окно, въ окно моего брата послышался одинъ ударъ, затѣмъ еще и еще — три рѣзкихъ, рѣшительныхъ удара, удара, какъ будто пальцемъ, худымъ пальцемъ, жесткимъ голымъ пальцемъ.

И снова стало тихо, а я дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Но я заговорилъ не сейчасъ же, и, когда я заговорилъ, я сказалъ только — и, не знаю почему, я не спросилъ объ ударахъ.

— Ты спишь, Олуфъ?

Мой братъ отвѣтилъ только, какъ раньше:

— Нѣтъ, — а ты теперь спалъ?

Онъ тоже не говорилъ объ ударахъ, о трехъ ударахъ. Слышалъ ли онъ ихъ? Да, они были слышны. Они звучали такъ: разъ и разъ и разъ, три удара — три удара пальцемъ, ногтемъ.

Олуфъ ихъ слышалъ, стучали въ его окно.

На слѣдующее утро онъ сказалъ старой дѣвѣ, уро-

женкѣ Альса¹⁾, которая носила его на рукахъ, когда онъ былъ маленькимъ.

— Марія, сегодня ночью мама звала меня...

И съ этого дня онъ захворалъ, онъ, такой молчаливый, съ испуганными глазами — такой далекій, какъ-то странно далекій отъ насъ остальныхъ, какъ-будто онъ ходилъ среди насъ, и все-таки былъ не среди насъ, а далеко, далеко — гдѣ-то тамъ.

А черезъ шесть мѣсяцевъ (да, какъ разъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этихъ ударовъ) мы проводили его туда, — на кладбище, туда, въ землю, положили въ гробъ, рядомъ съ мамою, рядомъ съ тою, которая звала его.

Но это суевѣріе, это невозможно, это противорѣчить всему, во что я вѣрю въ глубинѣ души, и о подобныхъ вещахъ не надо ни вспоминать, ни говорить, ни писать.

Къ чему это служить? Тотъ, который пишетъ, долженъ укрѣплять человѣческую мысль, а не запутывать ее.

Мертвые — мертвы; они — лишь пыль, столько пыли, сколько можно помѣстить въ золотомъ сердечкѣ, столько пыли, сколько можетъ набиться въ трещину. Что мертво, то мертво, и мертвые не могутъ звать.

И совѣмъ не могутъ показываться — показываться такими, какими они ходили и стояли, показываться такими, какими они были при жизни, показываться въ такомъ видѣ, какъ будто они живые?

¹⁾ Альс (Als) островъ въ Даніи (родина Г. Банга). *Переводчикъ.*

Появляться, чтобы посмотрѣть на насъ, показываться, чтобы напомнить о себѣ!

О, какое это безуміе, и какъ можетъ какой-нибудь человѣкъ думать объ этомъ...

Развѣ пылъ можетъ принять образъ? Развѣ можетъ то, чего нѣтъ, — быть? Разумъ смѣется надъ этимъ. Мертвые—мертвы. А тѣ, которые думаютъ, что видѣли ихъ, видѣли просто образъ, созданный ихъ собственнымъ мозгомъ подъ вліяніемъ болѣзни, созданный ихъ напряженными нервами; у нихъ была галлюцинація, они видѣли нѣкоторые изъ тѣхъ образовъ, которые, кто знаетъ какъ, поднимаются внезапно съ ядовитыхъ болотъ нашего сознанія, поднимаются, какъ пятнистые грибы, и обладаютъ лицами, какъ у наполовину съжившихся красныхъ водяныхъ...

Да, это галлюцинаціи, не что иное, не что иное, какъ галлюцинаціи.

Но тѣ, у которыхъ галлюцинаціи, должны итти къ доктору...

Или, можетъ быть, лучше оставить доктора въ покоѣ. Въ наши времена надо обращаться со своимъ врачомъ осторожно. Есть вещи, которыя лучше хранить про себя. Тотъ, который сказалъ бы все, могъ бы получить отъ своего домашняго врача совѣтъ отправиться въ клинику или куда-нибудь еще похуже...

...Итакъ, мертвые не показываются.

Какъ можетъ пылъ изъ золотого сердечка показываться?

А все-таки — —

Да, конечно, — я ужъ это сказалъ — я никогда не

видѣлъ никакихъ привидѣній. Тотъ образъ, который я видѣлъ два раза, образъ моего умершаго друга былъ, разумѣется, галлюцинаціей, ничѣмъ инымъ, какъ галлюцинаціей...

Но имѣются все-таки два обстоятельства, два особенныхъ обстоятельства въ этомъ дѣлѣ. Прежде всего: когда я видѣлъ этого умершаго друга, или нѣтъ, образъ его, мой мозгъ былъ, насколько человѣкъ можетъ контролировать мозгъ и въ особенности свой мозгъ (что, вѣроятно, труднѣе всего), вполне, абсолютно здоровъ. А во-вторыхъ: мой другъ угрожалъ мнѣ...

Онъ, какъ бы мнѣ выразиться, подготавливалъ меня...

Но не стоитъ вдаваться въ разсужденія.

Я хочу только рассказать, что случилось и какъ это случилось. Да, вотъ какъ.

Я зналъ моего друга - нѣмца съ его ранняго дѣтства. Я слѣдилъ также за страстью, которая однажды имъ овладѣла, съ самаго перваго мгновенія.

Къ сожалѣнію, я зналъ также и женщину, которую онъ любилъ — и я зналъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, зналъ слишкомъ хорошо, что она не была достойна его думъ...

И все-таки я молчалъ. Я не говорилъ ему ничего. Я молчалъ — изъ заботы о немъ, изъ заботы о ней — что я знаю? Можетъ быть, это было только изъ заботы о себѣ самомъ. Тѣ изъ нашихъ поступковъ, которые могли бы показаться самыми благородными, бываютъ временами втайнѣ самыми подлыми или самыми трусливыми...

Но въ тотъ день, когда мой другъ все узналъ, онъ пошелъ и застрѣлился. Это было ночью, и онъ пустилъ

себѣ пулю прямо въ сердце, сквозь ея портретъ, который онъ носилъ на своей груди.

Такого рода рѣшимость рѣдко бываетъ. Но она, видно, встрѣчается.

Когда я услышалъ о его смерти, у меня было такое чувство, словно я убилъ его, и (это было ужаснѣе всего) мнѣ пришлось узнать, что онъ дѣйствительно ушелъ отъ насъ съ гнѣвомъ противъ меня въ своемъ сердцѣ.

Ибо передъ смертью онъ написалъ мнѣ письмо. Въ немъ было сказано:

«Я ухожу, потому что двое мнѣ измѣнили», говорилось въ немъ: «она и ты. Но ты вспомнишь меня!»

«Ты вспомнишь меня».

Онъ былъ правъ. Онъ былъ правъ. Его жизнь и его смерть долго не покидали моихъ мыслей... Но время шло и медленно ступевало его образъ. Ибо живые должны заниматься живыми.

Наши умершіе друзья, о, ихъ тѣни сидятъ лишь какъ нищіе у края нашей дороги (дороги, по которой мы идемъ еще при жизни), и какъ часто мы бросаемъ мимолетной мыслью милостыню въ ихъ протянутыя руки?

Проходили недѣли, проходили мѣсяцы, въ которые я не дарилъ своему другу ни одной мысли.

Но вотъ... да, такъ это случилось. То, что я однажды ночью видѣлъ его... впрочемъ нѣтъ, дайте я расскажу по порядку.

Ну, конечно, это мой мозгъ плохо работалъ и былъ не въ порядкѣ — какъ разъ тогда, когда онъ казался вполне здоровымъ. Но тутъ было во всякомъ случаѣ

побочное обстоятельство, смутившее меня тогда и, признаюсь, продолжающее смущать меня еще теперь, когда я принуждаю себя думать об этомъ.

Я провелъ весь вечеръ въ чтеніи и, прежде чѣмъ пойти спать, игралъ съ маленькой хозяйской собаченкой. Я поужиналъ и былъ въ полномъ, ничѣмъ не нарушенномъ равновѣсіи. Когда я заснулъ, маленькая лампа, какъ всегда, горѣла возлѣ моей постели, на моемъ столикѣ.

И я спалъ совершенно спокойно, безъ сновидѣній, очень спокойно.

Но вдругъ я проснулся и почувствовалъ, что кто-то отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

Я повернулъ голову и сказалъ (совершенно беззаботно):

— Это вы, Андрей?

Андреемъ звали слугу, и я думалъ, что это былъ онъ.

Но у двери я никого не увидѣлъ, и никто мнѣ не отвѣтилъ.

И вдругъ — видитъ Богъ, одной секундой раньше я даже не думалъ сдѣлать этого — я повернулся въ постели, поднялъ голову, и вонъ тамъ, въ креслѣ, въ которомъ я обыкновенно сидѣлъ и читалъ, тамъ въ углу, прямо противъ меня — сидѣлъ онъ, мой другъ, который застрѣлился, онъ, о которомъ я не думалъ въ теченіе многихъ недѣль — сидѣлъ живой.

Въ сѣромъ мундирѣ, со своимъ безбородымъ, гладкимъ, печальнымъ лицомъ, неподвижный — онъ сидѣлъ

въ креслѣ и смотрѣлъ на носки своихъ собственныхъ ботинокъ, какъ это было въ его привычкѣ.

И я сказалъ громко, въ пространство, по направленію къ нему:

— Это вы, Арнольдъ — что вамъ нужно?

Мнѣ не было страшно. Мнѣ совсѣмъ не было страшно. Я видѣлъ только, что онъ сидѣлъ здѣсь, и я спросилъ.

Я продолжалъ смотрѣть на него, не чувствуя ничего похожаго на страхъ, пока онъ не исчезъ.

Онъ исчезъ? Онъ, онъ...

Конечно, нѣтъ. Это не былъ онъ. Нѣтъ, пока галлюцинація не прошла. Ибо, хотя я былъ въ совершенномъ равновѣсіи, я все же вѣроятно былъ боленъ... разстроены въ глубинѣ души; тамъ, въ «болотѣ», моя сознательная жизнь вдругъ разстроилась. Такого рода разстройство происходитъ въ нашемъ мозгу, и мы этого даже не подозрѣваемъ. Они однако существуютъ — и его образъ, образъ моего друга, созданіе моей фантазіи, явился отъ такого разстройства. О, конечно, конечно.

Мертвые — мертвы. Немного пыли, такъ мало, что она даже не покроетъ всей моей ладони — такая щепотка пыли не можетъ принять образъ и «явиться» и не можетъ напомнить о себѣ...

Но все-таки...

Вѣдь было же побочное обстоятельство и это побочное обстоятельство — —

Но, я уже сказалъ, дайте мнѣ' рассказать все обстоятельно!

Внезапная болѣзнь моего мозга была, вѣроятно, заразительна. Это окончательно установлено: воспаленное состояніе моего мозга передалось другому мозгу въ домѣ, такъ что и тотъ пересталъ правильно дѣйствовать и заболѣлъ въ то же самое время.

Вотъ въ этомъ-то...

Однако дальше.

Когда я утромъ сошелъ внизъ, хозяйка дома говорила со мной, хотя я никому не говорилъ ни слова о своей удивительной болѣзни ночью (о такихъ вещахъ не надо говорить ни со своимъ врачомъ, который, какъ сказано, можетъ не донять насъ, ни съ какими-либо другими обыкновенными людьми: они могутъ получить совсѣмъ превратное представление о правильномъ ходѣ вещей въ мірѣ):

— Какъ вы себя чувствуете? — спросила меня моя хозяйка утромъ, когда я пилъ свой чай, — я такъ безпокоилась за васъ. Я сидѣла вчера вечеромъ и ждала, пока уйдутъ послѣдніе гости; я сидѣла въ маленькой столовой и читала.

— Но вдругъ мнѣ, не знаю почему, стало какъ-то не по себѣ, я положила книгу и подумала:

«Перейди-ка лучше въ залъ къ гостямъ. Тогда они, можетъ быть, уйдутъ, и тебѣ можно будетъ пойти спать»...

— Вдругъ въ домѣ раздался шумъ, вѣтеръ пронесся по всему дому, всѣ двери раскрылись.

— А «Випсъ», — какъ это было непріятно, — выскочила изъ своей корзины и завыла... Она стояла и вы-

ла прямо передо мною, словно въ домѣ былъ покойникъ...

(«Покойникъ въ домѣ», повторилъ я самому себѣ, и корни моихъ волосъ вонзились въ кожу на моей головѣ словно ледяныя иглы).

— Я вся похолодѣла, — сказала моя хозяйка (и казалось, что она еще теперь чувствуетъ холодъ), хотя я не суевѣрна... Я подумала, что это очень странно — и вышла на дворъ, чтобы посмотрѣть, неужели сразу поднялся такой сильный вѣтеръ. Но оказалось, что было совершенно тихо. Ни малѣйшаго вѣтерка.

— Тутъ я сказала себѣ:

«Богъ знаетъ, можетъ быть, жилецъ заболѣлъ...»

— Я поднялась по лѣстницѣ — у меня дрожали колѣни, да, дрожали — и я стала прислушиваться у вашей двери. Но у васъ все было тихо, я снова сошла внизъ, и мнѣ стало весело...

— Все это, конечно, чепуха... (и она попыталась засмѣяться), иногда вѣдь этакія мысли приходятъ въ голову ночью... — сказала моя хозяйка.

Я спросилъ только:

— Приблизительно въ какое время вы подходили къ моей двери?

— Было какъ разъ сорокъ минутъ перваго, — сказала она, — я посмотрѣла на часы въ столовой, когда сошла внизъ.

Сорокъ минутъ перваго. Въ это мгновеніе, именно въ это мгновеніе, я видѣлъ его, моего друга, мертвеца — или нѣтъ, нѣтъ, образъ его... Я тоже посмотрѣлъ на часы: ровно безъ двадцати минутъ часъ...

Это было странно, очень странно, это не легко объяснить или совсѣмъ нельзя объяснить...

Но если даже какую-нибудь вещь нельзя объяснить, это еще не значить, что она должна насъ пугать.

Къ тому же, какая это, въ общемъ, смѣшная мысль: если онъ дѣйствительно хотѣлъ «напомнить» о себѣ, почему онъ долженъ былъ сдѣлать это въ тотъ день, когда я былъ такъ доволенъ и такъ спокоенъ — развѣ только онъ именно и хотѣлъ нарушить мой покой?

А это могло быть. Если онъ дѣйствительно приходилъ, онъ приходилъ не къ добру. То, что онъ написалъ, было угрозою. Я это хорошо понималъ въ тотъ разъ, когда онъ мнѣ угрожалъ.

Но если я буду продолжать копаться въ этой исторіи, кончится тѣмъ, что я повѣрю въ нее, что я повѣрю въ привидѣніе, это я-то.

Однако, правда то, что у меня никогда не было такого спокойнаго состоянія въ теченіе всей моей жизни, какъ тогда, когда я его видѣлъ въ первый разъ... и когда я видѣлъ его во второй разъ.

Вѣдь я видѣлъ его и во второй разъ.

Я его видѣлъ два раза. И въ томъ-то все дѣло, что... Нѣтъ, нѣтъ, не надо вдаваться въ разсужденія. Дайте же мнѣ, ради Бога, разсказать все по порядку.

Итакъ, я видѣлъ его и во второй разъ.

Я хочу сказать: его образъ.

Это было въ Парижѣ.

Я вернулся домой съ большого бала.

Одинъ знакомый отвезъ меня домой въ своемъ экипажѣ. Мы были очень веселы и говорили о самыхъ

невинныхъ вещахъ на бѣломъ свѣтѣ. Надо добавить, что мы ничего не пили. На парижскихъ балахъ ничего нельзя достать изъ напитковъ. Это, впрочемъ, всѣ знаютъ. На парижскихъ празднествахъ тѣ, кто хочетъ выпить, принуждены толкаться около буфетовъ и въ толкотнѣ съ трудомъ достаютъ себѣ стаканъ «мерсе».

Мой знакомый вышелъ изъ своего экипажа, и мы еще немного поболтали, стоя передъ моимъ домомъ, на тротуарѣ. Мы говорили, — впрочемъ, не помню, о чемъ мы говорили...

Наконецъ я позвонилъ швейцару, входная дверь открылась, и я пошелъ по передней, напѣвая, — я помню хорошо, что напѣвалъ вальсъ. Я вошелъ въ свою гостиную, сбросилъ свое пальто и все еще думалъ о немъ, о моемъ знакомомъ, и объ его лошадахъ — тутъ я повернулся — и вонъ тамъ, въ углу, въ креслѣ, лицомъ прямо ко мнѣ, сидѣлъ онъ — онъ, мой другъ-нѣмецъ, мой умершій другъ, тотъ, который застрѣлился...

Въ своемъ мундирѣ, устремивъ глаза на меня... прямо на мое лицо.

Да, теперь онъ ихъ поднималъ съ носковъ своихъ ботинокъ...

И безъ страха, безъ удивленія — словно его образъ былъ чѣмъ-то, чего я ожидалъ, я сказалъ:

— Это вы, Арнольдъ? Чего вамъ нужно?

Онъ не двигался, и, въ то время какъ я слышалъ шумъ удаляющагося экипажа моего знакомаго, снаружи, на улицѣ (я его ясно слышалъ), я продолжалъ смотрѣть на него, пока онъ не исчезъ.

Нѣтъ, нѣтъ, пока, значить, образъ его не исчезъ.

Хотя глаза, которые были устремлены прямо на меня, прямо на мое лицо, — я готовъ поклясться, — жили, не моей жизнью, но другою, жизнью, которая была сильнѣе жизни моихъ глазъ — они жили...

Да, въ этомъ я могъ бы дать мое честное слово и самъ готовъ умереть.

...Я не знаю, много ли времени прошло или прошло ли вообще сколько-нибудь времени, какъ вдругъ я вздрогнулъ; въ мои ставни постучали.

Кто тамъ?

Я отворилъ — признаюсь, мои руки дрожали, когда я это дѣлалъ — и увидѣлъ за окномъ лицо моего парижскаго знакомаго.

— Вы не больны? — закричалъ онъ въ окно.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, почему? — отвѣтилъ я, говоря очень спокойно.

(Какъ уже три раза было сказано: не надо открывать подобныя вещи кому-либо и во всякомъ случаѣ не своимъ друзьямъ. Такой другъ смотритъ участливо, когда ему рассказываешь, а когда онъ сходить съ вашей лѣстницы, онъ говоритъ самому себѣ: «вотъ теперь это настало. Ахъ, онъ бѣдняга — я вѣдь этого давно ожидалъ»).

— О, — сказалъ мой знакомый за окномъ, — значитъ это была только глупая мысль... Вдругъ, сидя въ экипажѣ, я сказалъ самому себѣ, что вы навѣрное заболѣли, — — — и велѣлъ кучеру повернуть.

— Ну, слава Богу; спокойной ночи.

И онъ снова вошелъ въ экипажъ и уѣхалъ...

Итакъ, болѣзнь моего мозга была заразительна: она

заразила, заразила, какъ и въ первый разъ, заразила этого относительно чужого человѣка, который сидѣлъ равнодушно въ своей коляскѣ.

Да, вотъ это именно и странно.

Но почему внезапная болѣзнь мозга не могла быть заразительна? Вѣдь это очень естественно. Это передача мысли (передача больной мысли) такая же, какъ и всякая другая.

Болѣзнь — только болѣзнь, которая заражаетъ.

Но все-таки, почему бы мнѣ не признаться въ этомъ, съ тѣхъ поръ какъ я говорилъ обо всемъ другомъ? Да, я сказалъ самому себѣ: если онъ «напомнить» мнѣ о себѣ въ третій разъ — не будетъ ли это, не будетъ ли это потому, что онъ, наконецъ, захочетъ дать мнѣ успокоеніе?

И третій разъ — станетъ послѣднимъ разомъ...

Можетъ быть, онъ въ послѣдній разъ позоветъ меня — поманить рукою (его рука была всегда блѣдной; даже тогда, когда онъ жилъ, она была блѣдна) и позоветъ?

А я послѣдую за нимъ и пойду съ нимъ, уйду съ нимъ прочь — уйду, какъ ушелъ мой братъ.

Сильнѣ всего.

Графу Морису Прозору.

Мы сидѣли въ «Зоологическомъ саду» передъ рестораномъ. Бѣлые цвѣты вдоль балюстрады свѣтились въ уходящемъ днѣ страннымъ и сильнымъ сіяніемъ — цвѣты приобрѣтаютъ фосфорическій блескъ передъ грозою, словно вспышки бѣлаго огня. Передъ нами, на большихъ прудахъ, беспокойные фламинго расправляли свои трепещущія ярко-красныя крылья, похожія на орхидеи, которыя поднялись надъ водою и качаются отъ порывовъ вѣтра. А крики коршуновъ — когда мы перегибались черезъ нашъ столъ, мы видѣли ихъ въ темныхъ клѣткахъ, точно трепетныя тѣни, которыя вытягиваютъ свои голыя страшныя шеи, — врѣзывались, какъ скрипъ бурава, въ грохотъ духового оркестра и заглушали его.

Франсуа Карвилль (боявшійся грозы, какъ женщина), безпрестанно проводя рукою, машинально и лихорадочно, по лбу, сказалъ:

— Что они играютъ?

— Саломею, — отвѣтилъ ему Раоло Братіану.

— Какъ блѣдны молніи, — сказалъ Фрэнсисъ Эвелингъ и придвинулъ свой зеленый бокалъ.

Блеснула еще молнія — какъ бѣлая полоса изъ-за

рѣдкой листвы березъ, и тигры съ разинутыми пастьями, при видѣ новой молніи, испустили рокочущую жалобу, выдра со своими слезящимися глазами, дрожа мокрымъ тѣломъ, уныло стонала, какъ ящерица, у которой появился бы голосъ.

— Что они играютъ? — сказалъ опять Франсуа Карвилль, продолжая шевелить своими руками.

— Это Саломея, — снова отвѣтилъ Раоло, выпуская дымъ отъ египетской сигаретки черезъ сжатія губы, словно хотѣлъ наполнить грозовой воздухъ свѣтло-голубыми сплетающимися змѣями.

— Какъ свѣтятся березы, — сказалъ Эвелингъ тихимъ голосомъ.

— Да, — сказалъ Раоло, а между тѣмъ завыванія львовъ слышались все громче изъ-за ихъ рѣшетокъ, съ тяжелымъ хрипомъ, словно дыханіе великана, котораго мучать кошмары.

— Березы — духи среди деревьевъ.

— Пойдемте!

Это воскликнулъ Франсуа и снова замолчалъ, въ то время какъ оглушительный ударъ раздался съ грохочущаго неба, какъ будто все прутья съ желѣзныхъ клѣтокъ съ трескомъ сломались и упали. И сразу изъ-за всехъ желѣзныхъ сѣтокъ, со всехъ прудовъ, съ полянокъ и лужъ и изъ-подъ тысячи навѣсовъ поднялся крикъ тысячи животныхъ, звѣрей, птицъ и пресмыкающихся, поднялся крикъ и разсыпался снова въ тысячи звуковъ, а слоны, дрожа, подняли трепещущіе хоботы и глухо ревѣли: концы ихъ поднятыхъ вверхъ бѣлыхъ клыковъ свѣтились подъ мелькающими молніями.

По прудамъ бѣгали фламинго, хлопая безсильными крыльями, а испуганные коршуны наклоняли голыя головы и влачили свои тѣла по песку въ клѣткахъ.

— Сядьте, — сказалъ Раоло рѣзко, и, между тѣмъ какъ музыка, съ ея оглушительными звуками духовыхъ инструментовъ, продолжалась, онъ произнесъ:

— Слушайте же Саломею.

При новой молніи сотни совъ вдругъ распростерли свои безшумныя крылья и запищали какъ крысы во время чумы, а королевскій орелъ упалъ съ верха клѣтки, — упалъ, потому что крылья его не держали, упалъ, какъ мертвое тѣло.

Вдали кричалъ страусъ, какъ собака, которая воевъ, а «левъ Менелика» поднялся въ своей клѣткѣ, пораженный страхомъ, вися на прутьяхъ — ярко-красный, словно истекающій кровью.

Мы все молчали.

Мы слышали нѣжное всхлипываніе оленей, когда музыка прекратилась.

— Идемте, войдемъ въ ресторанъ, — сказалъ Эвелинъ, — начинается дождь.

Первая капля упала на столъ, и мы встали.

— Войдите, Карвилль, — сказалъ я изъ двери.

— Войдите, Карвилль, — повторилъ я, и онъ вошелъ.

Только Раоло Братіану остановился передъ бѣлой изгородью и подставилъ подъ дождь свое поднятое вверхъ лицо, между тѣмъ какъ стоны львовъ во внезапно наставшей тишинѣ замирали какъ протяжные вздохи.

Мы сѣли въ углу и заказали ужинъ; его подали,

но мы не ѣли, забыли кушанья на тарелкахъ, — Франсуа Карвилль, который сидѣлъ въ самомъ углу, согнувъ свое гибкое тѣло почти въ клубокъ, началъ говорить о Цейлонѣ въ странномъ возбужденіи (мы всѣ были необыкновенно возбуждены, словно стонъ и тѣни всѣхъ этихъ потрясенныхъ страхомъ звѣрей вызвали наружу всѣ неразгаданныя тайны и воспоминанія, которыхъ боишься, и всѣ образы минувшаго съ жадными губами; они вызывали ихъ изъ болотъ, гдѣ они спятъ, и они поползли въ нашемъ сознаниі, какъ змѣи ползутъ по высохшему руслу рѣки, и возбуждали желаніе говорить); Франсуа Карвилль началъ говорить о Цейлонѣ и объ Индіи, о мірѣ буддистовъ и факировъ, заклинателей, которые погребали себя заживо.

Ихъ воля, — сказалъ онъ (и бѣлыя руки, которыми онъ сильнѣе сжалъ свое колѣно, казались еще бѣлѣе), — ихъ воля убиваетъ ихъ собственное тѣло, убиваетъ его, такъ что оно становится недвижимымъ и холоднымъ. И они не нуждаются ни въ воздухѣ, ни въ пищѣ, не нуждаются въ солнечномъ свѣтѣ.

— Да, да, я это видѣлъ, — обратился онъ вдругъ къ Раоло.

— Но я вамъ вѣрю, — отвѣтилъ Братіану и улыбнулся, между тѣмъ какъ сѣверянинъ повернулъ свое смуглое лицо и сталъ упорно смотрѣть на Франсуа Карвилля.

А Франсуа Карвилль продолжалъ свой рассказъ:

— Я видѣлъ, ихъ погребали и они были какъ мертвые — мертвые, а вѣдь они жили.

Сѣверянинъ произнесъ:

— Воля сильна. Она можетъ убивать.

— Воля умирающихъ сильна, — сказалъ Эвелинъ (онъ тоже говорилъ со странной поспѣшностью, точно слова произносились имъ, собственно говоря, безъ всякаго желанія ихъ сказать и противъ его воли).

— Этимъ объясняется вся исторія съ привидѣнiями.

— Исторія съ привидѣнiями, — сказалъ Раоло, — что вы подѣ этимъ подразумѣваете?

— Да вотъ, — отвѣтилъ Эвелинъ, сидя почти въ такомъ же положенiи, какъ раньше Карвилль, — предсказанiя; предсказанiя, напримѣръ, — они могутъ быть созданы волею умирающаго, его мыслью. Сила мысли возрастаетъ, прежде чѣмъ исчезнуть.

Онъ помолчалъ мгновенеiе, а затѣмъ продолжалъ говорить тѣмъ же тономъ:

— Моя мать, умирая, сообщила другимъ свою мысль — преодолѣла разстоянiе — три мили, — на разстоянiи трехъ миль она сообщила своимъ друзьямъ...

— Они видѣли ее? — спросилъ Карвилль, и его голосъ звучалъ такъ, какъ будто въ ярко-освѣщенномъ ресторанѣ было совсѣмъ темно.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Эвелинъ, — вотъ это и удивительно... Но я часто думаю, что таинственныя волны, которыми являются мысли, — таинственныя нити, которыми являются наши мысли, сплетаются по дорогѣ съ другими волнами и другими нитями и затѣмъ, подкрѣпленныя, онѣ приближаются къ своей цѣли, къ тому, о комъ думали, доносятся все ближе и ближе...

— Однако, собственно говоря, — сказалъ Эвелинъ (и его глаза смотрѣли отсутствующимъ взглядомъ

вверхъ, на электрическую люстру) — это совсѣмъ не относится къ дѣлу; но только я думалъ объ этомъ...

— Потому что мысли моей матери передались очень явственно въ мелодіи.

— Такъ рассказывайте же, — сказалъ Раоло и стукнулъ своимъ стаканомъ по столу.

Эвелинъ сказалъ:

— Рассказывать придется немного. Только вотъ что. Когда моя мать умерла, у ея кровати стоялъ домашній органъ, маленькій домашній органъ возлѣ самой постели, и, передъ тѣмъ какъ она умерла, за нѣсколько минутъ до этого, она попросила мою сестру сыграть псаломъ, псаломъ, который она всегда любила... Я сидѣлъ у постели, держа ея руку въ моихъ рукахъ. Казалось, что холодъ стекалъ внизъ съ плеча по ея цѣпнѣющей рукѣ. Затѣмъ она пошевелила еле замѣтно своими пальцами и хотѣла открыть глаза — но они ослѣпли...

— Чего ты хочешь?

— Чего ты хочешь?

Прошептала я у самага ея рта.

— Передай привѣтъ на Рошъ Гилль, — прошептала она, хотѣла поднять свою руку, но уже не могла.

— На Рошъ Гилль жили наши лучшіе друзья. Это было въ трехъ миляхъ отъ насъ... они всѣ сидѣли за завтракомъ. Они говорили о безразличныхъ вещахъ — о вѣтрѣ, о погодѣ. И вдругъ они всѣ сразу слышали три, четыре звука, высокихъ, полныхъ звука, — это были звуки органа, которые прозвенѣли, пронеслись по комнатѣ — звуки псалма... прозвучали и замерли...

...Тутъ хозяйка дома сказала:

— «Mrs Эвелинъ умерла»...

— Они узнали, что она умерла.

Эвелинъ снова замолчалъ, и никто изъ насъ не произнесъ ни слова, прежде чѣмъ онъ опять не сказалъ:

— Ей удалось передать имъ привѣтъ: она сообщила имъ свою послѣднюю мысль при посредствѣ звуковъ.

Франсуа Карвилль кивнулъ; Эвелинъ на мгновеніе закрылъ свои глаза:

— Какъ много существуетъ вещей, которыхъ мы не знаемъ, — сказалъ онъ.

Сѣверянинъ смотрѣлъ передъ собой все тѣмъ же неподвижнымъ взоромъ:

— Да, воля человѣка сильна, — сказалъ онъ.

А Раоло Братіану сказалъ:

— Не надо чувствовать приближенія смерти, чтобы умѣть «являться»...

— Что вы этимъ хотите сказать? — спросилъ Франсуа Карвилль со странно-робкимъ движеніемъ, словно онъ боялся новой тайны.

Раоло Братіану отвѣтилъ:

— Я хочу сказать, что я имѣлъ одного друга! — теперь онъ умеръ, годъ тому назадъ, онъ дожилъ только до двадцати семи лѣтъ, — онъ могъ, когда хотѣлъ, показываться своимъ друзьямъ...

Я засмѣялся.

— Ну, Раоло, у румынъ могучая фантазія...

— Онъ могъ показываться, — повторилъ Раоло и повернулся ко мнѣ: — когда онъ напрягалъ всѣ свои силы и сидѣлъ скорчившись — такъ онъ долженъ былъ

сидѣть — и смотрѣлъ прямо, сосредоточенно въ пространство, какъ будто въ лицо тому, про кого онъ думалъ — когда онъ такъ сидѣлъ, онъ могъ являться тому, о комъ онъ думалъ. Я самъ проснулся, проснулся среди ночи, и когда я открылъ глаза, онъ стоялъ передъ моей постелью, у моихъ ногъ — живой, живой, точь-въ-точь такой, какимъ я его всегда видѣлъ...

— А на слѣдующій день, когда мы встрѣтились въ кафѣ, онъ сказалъ мнѣ, смѣясь во всю глотку:

— Что, видѣлъ ты меня вчера ночью? Я думалъ о тебѣ.

Раоло Братіану помолчалъ мгновеніе, а потомъ сказалъ слегка измѣнившимся голосомъ:

— Но онъ могъ заставлять свой образъ являться только передъ своими друзьями. Съ чужими это не удавалось.

Мы всѣ молчали, пока Франсуа Карвилль вдругъ не сказалъ своимъ тихимъ голосомъ (одно небо знаетъ, какія мысли привели его къ этому):

— Какъ онъ умеръ?

— Какъ онъ умеръ? — спросилъ Раоло удивленно.

— Онъ упалъ на свой топоръ.

— Посмотрите, — сказалъ Карвилль, вздрогнувъ: — молнія опять сверкаетъ.

— Да.

Мы всѣ посмотрѣли въ окно, гдѣ двѣ бѣлыхъ молніи, а затѣмъ еще одна мелькнули изъ-за березъ, между тѣмъ какъ фламинго, хлопая крыльями, бѣгали по пруду — сіяя, съ вытянутыми шеями, какъ блѣдныя привидѣнія птицъ...

— Слушайте, какъ совы поютъ, — сказалъ Братіану и снова улыбнулся.

Коршуны кричали, покачивая свои голыя шеи, разѣвая клювы по тому направленію, гдѣ сверкали молніи, въ то время какъ совы, неподвижныя, съ широко раскрытыми желтыми глазами, тихо выли.

— Пойдемте домой, — сказалъ Карвилль. — Зачѣмъ мы сюда пришли?

Раоло Братіану засмѣялся:

— Чтобы смотрѣть, — сказалъ онъ.

Но житель сѣвера, конечно, ничего не слышалъ и былъ всецѣло поглощенъ своей собственной мыслью.

Онъ сказалъ, смотря все время передъ собою:

— Да, воля сильна. Она можетъ убить.

Раоло Братіану отвѣтилъ:

— Вы уже во второй разъ это говорите.

Онъ засмѣялся.

— Вы произносите это какъ припѣвъ — припѣвъ къ балладѣ.

Въ глазахъ сѣверянина мелькнулъ огонекъ.

— Можетъ быть, — сказалъ онъ, — ибо моя воля стала убійцей.

Мы всѣ повернулись къ жителю сѣвера.

— Что вы говорите? — сказалъ Карвилль.

Сѣверянинъ отвѣтилъ, не двигаясь:

— Моя воля однажды побѣдила и убила. И воспоминаніе объ этомъ является самымъ невыносимымъ воспоминаніемъ въ моей жизни.

— Такъ какъ убійство было обдуманное.

— Послушайте, — сказалъ Эвелинъ и сдѣлалъ дви-

женіе, какъ будто собирался схватить сѣверянина за руку, между тѣмъ какъ Карвилль, забившись въ свой уголъ, смотрѣлъ сѣверянину въ лицо, а Раоло, прищуривъ глаза, улыбался, глядя на сплетающіяся змѣйки дыма отъ своей папиросы.

Сѣверянинъ сказалъ:

— Да, я сознавалъ, я хотѣлъ убить, и я убилъ...

Раоло Братіану продолжалъ улыбаться голубымъ змѣйкамъ:

— Ну, милый другъ, это такого рода вещи, которыя всегда выдумываешь и представляешь самому себѣ по ночамъ, когда не спишь.

Сѣверянинъ подвинулся. Наклонившись надъ столомъ, онъ подперъ обѣими руками голову:

— Вы сами можете судить, — сказалъ онъ. — Но моя исторія длинная.

Я повернулся лицомъ къ окнамъ. Молніи все еще непрерывно сверкали надъ деревьями, а дождь шелъ такой сильный и частый, что закрылъ за окнами все, какъ стѣной.

Сѣверянинъ, который сидѣлъ въ томъ же самомъ положеніи, опершись подбородкомъ на сжатые руки (я никогда раньше не замѣчалъ, что въ его рукахъ была такая большая сила), сказалъ:

— Это было въ Парижѣ. Въ этотъ годъ мы ставили въ театрахъ очень много сѣверныхъ пьесъ. Я, нѣкоторымъ образомъ, руководилъ постановкой. Отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ тяжелая. Я отвѣчалъ передъ всѣми, а за спиною у меня не было никого, кромѣ тѣхъ, которые напали бы на меня, если бы я ошибся. Я го-

ворю это не для того, чтобы возвеличить сдѣланное мною, а для того, чтобы вы могли понять мое настроеніе и представить себѣ всѣ обстоятельства, — обстоятельства, при которыхъ я (сѣверянинъ помолчалъ секунду), при которыхъ я, значить, дѣйствовалъ.

— Я долженъ былъ всѣхъ защищать, а чтобы защитить меня, если бы я споткнулся, не было никого. Такую, значить, было положеніе.

— Кромѣ того, средства защиты были плохія. Если пьесы были самыя лучшія, зато артисты были неопытны и молоды. Театръ былъ бѣдный. Публика безпокойная и недовѣрчивая.

— Такъ обстояло дѣло.

Сѣверянинъ помолчалъ мгновеніе, и я сказалъ:

— Я кое-что слышалъ объ этомъ.

Житель сѣвера перемѣнилъ положеніе и обнялъ руками колѣни:

— И вотъ, намъ надо было ставить «Свыше силъ».

— Это была самая трудная изъ всѣхъ нашихъ пьесъ, и она могла принести величайшую побѣду. Изсохшія чувства сильнѣе всего жаждутъ дождя, а невѣріе сильнѣе всего томится по чуду.

— Но какъ найти артистовъ? Я уже привыкъ вводить ихъ въ представленія другого народа. Но здѣсь ихъ надо было ввести въ совершенно другой міръ. Ну, подъ конецъ намъ удалось ихъ собрать. Только Эліаса у насъ не было. Вы его помните? Это сынъ Санга. Онъ, «чи одежды жгли его», онъ, сильнѣе всѣхъ жаждущій, и изъ всѣхъ, лишенныхъ вѣры, самый вѣрующій. Да, да. Вы помните его, это онъ во второй части взры-

васть убѣжище капитала, какъ фанатическій вѣрующій, какимъ онъ сталъ. Онъ, можетъ быть, самое важное лицо въ драмѣ. Во всякомъ случаѣ, самое опасное. Это я зналъ, и его у насъ не было. Мы перепробовали десять, двадцать учениковъ театральной школы. Они были невозможны. Мы перепробовали десять, двадцать любителей изъ Парижа, его предмѣстій и изъ Версаля. Они были также невозможны и не понимали ни звука. А вѣдь намъ пришлось бы отказаться, отказаться отъ всего, если бы мы не нашли Эліаса.

Житель сѣвера помолчалъ немного, словно для того, чтобы перевести духъ.

— И вотъ однажды директоръ сказалъ, закусивъ свои тонкія губы:

— Намъ надо попробовать Кранжье.

— Кто такой Кранжье? — спросилъ я.

— Это ученикъ, — отвѣтилъ директоръ, — но ему, видно, ужъ придется играть эту роль.

— Но почему мы до сихъ поръ его не пробовали?

— Потому что онъ невозможенъ, — и директоръ топнулъ своей длинной ногою, какъ всегда, когда все дѣло готово было рухнуть.

— Онъ невозможенъ. Но вамъ ужъ, видно, придется его обучить. У него подходящая фігура.

— Сколько ему лѣтъ? — спросилъ я.

— Около двадцати одного — двадцати двухъ, кто его знаетъ.

— И онъ, конечно, никогда не выступалъ на сценѣ? — замѣтилъ я.

Директоръ засмѣялся.

— Нѣтъ, но вы завтра сами увидите.

— На слѣдующее утро, когда я вошелъ въ контору, дирекціи, у двери стоялъ молодой человѣкъ. Онъ стоялъ возлѣ самой двери. Я подумалъ, что это посыльный отъ какого-нибудь учрежденія, и обратилъ вниманіе лишь на то, что онъ былъ необычайно худъ. Я сѣлъ читать письма, пришелъ директоръ, а посыльный все стоялъ...

— А, съ добрымъ утромъ, — сказалъ директоръ, — и (я помню хорошо) онъ сказалъ это, какъ человѣкъ, который смущенъ и стѣсняется, прежде чѣмъ указалъ рукою по направленію къ двери, къ посыльному:

— Да, — сказалъ онъ:— итакъ, вотъ г. Кранжье.

Я повернулся:

Это — это былъ г-нъ Кранжье, это былъ Эліасъ.

Посыльный былъ Эліасъ.

Я хотѣлъ что-нибудь сказать, но остановился. Бѣдный, какой испуганный видъ былъ у него. У него были очень большіе глаза (онъ голодаетъ, — сказалъ я самому себѣ), и его шея была тонка, какъ у птицы или у старика. Нѣтъ, я еще никогда не видалъ такихъ испуганныхъ глазъ и такихъ рукъ...

— Это г-нъ Кранжье? — сказалъ я только. А между тѣмъ посыльный продолжалъ мять свою шляпу, которая, я увѣренъ, просвѣчивала насквозь, и директоръ сказалъ:

— Вы, значить, поговорите теперь съ Кранжье, милѣйшій. Роль онъ знаетъ.

Директоръ ушелъ, а мы оба остались одни, и я попросилъ этого человѣка сѣсть. (Да, я рассказываю очень

обстоятельно, съ самаго начала, обстоятельно, чтобы вы вообще могли понять все, понять, кто—кто былъ тотъ человѣкъ, котораго я убилъ). Онъ сѣлъ прямо противъ меня, на самомъ краю стула, (Да, это—голодные глаза, — сказалъ я снова самому себѣ), и я спросилъ его:

— Вы, значитъ, никогда раньше не выступали на сценѣ?

— Выступалъ.

— Гдѣ?

— Въ провинціи.

— Гдѣ въ провинціи?

— Въ разныхъ обществахъ.

Казалось, что онъ дрожалъ при каждомъ словѣ, дрожалъ такъ, что слова становились совсѣмъ не словами, а какимъ-то рокотаньемъ, вырывающимся изъ его тонкаго горла.

И вдругъ я сказалъ, охваченный состраданіемъ къ этому бѣднягѣ, который сидѣлъ и все время мялъ свое подобіе шляпы (да... это было состраданіе, состраданіе овладѣло мною съ самаго начала и продолжало толкать меня на поступки, шагъ за шагомъ, хотя я зналъ... зналъ, чѣмъ это кончится), я сказалъ вдругъ очень любезно:

— Вы только будьте спокойны и не бойтесь, г-нъ Кранжъе. Мы отправимся въ залу для репетицій и посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло.

— Да, спасибо, — сказалъ онъ и всталъ какъ автоматъ.

— Вы пойдете? — спросилъ я, стоя уже у двери.

— Да, — произнесъ онъ и продолжалъ стоять.

— Вдругъ онъ сказалъ, и я невольно повернулся:

— Вы понимаете, вѣдь это было бы для меня необыкновеннымъ счастьемъ.

— Да, да, — сказалъ я и снова подумалъ: «Господи Боже, какъ этотъ человѣкъ голодалъ», — теперь идемте.

— Мы попробовали. Онъ былъ невозможенъ. Но онъ понялъ Эліаса. Онъ, навѣрное, томился по хлѣбу точно такъ же, какъ Эліасъ по чуду. Но при каждомъ словѣ, которое онъ произносилъ, онъ взглядывалъ на меня такъ боязливо, словно думалъ, что ему отрубятъ голову, и каждое предложеніе вылетало изъ его усть съ такимъ трескомъ, съ какимъ затонувшая лодка удаляется о камни.

— Я сказалъ самому себѣ: «у этого человѣка талантъ — и онъ никогда не будетъ актеромъ. Онъ — Эліасъ — и поразительно смѣшонъ».

— Въ то же время онъ продолжалъ играть — первое дѣйствіе, второе дѣйствіе, всю роль — какъ задыхающійся, отчаявшійся пловецъ, который сквозь бушующій бурунь хочетъ добраться до берега. Онъ не сводилъ съ меня глазъ, пока не остановился, и сталъ ожидать, вонзивъ свои худые пальцы въ ладони.

— Да, да, — сказалъ я; — вы можете получить эту роль. Мы попробуемъ. — (И въ душѣ я сказалъ: онъ — настоящій Эліасъ и все-таки испортитъ все дѣло); тутъ я вдругъ почувствовалъ, что онъ стиснулъ мою руку своей костлявой рукой:

— О, благодарю, да вознаградитъ васъ небо за это, — сказалъ онъ и продолжалъ сжимать мою руку.

И я сказалъ самому себѣ, да, я сказалъ это — по-

чему и какъ это было возможно? — но сказалъ, словно въ шутку самому себѣ, вѣроятно въ шутку:

— Если бъ ты сказалъ «нѣтъ», — ты убилъ бы его.

— Убилъ бы его.

Сѣверянинъ на мгновеніе поднялъ руку съ колѣнъ и перевелъ свои глаза на наши лица.

— Убилъ бы его. Значить, я зналъ это еще тогда. Зналъ еще тогда, при нашей первой встрѣчѣ, все, что произойдетъ. Или я былъ, по крайней мѣрѣ, предупрежденъ — предупрежденъ какъ бы сигнальнымъ флагомъ, который былъ поднятъ въ моемъ сознаніи — знакомъ опасности на пути, — и я не обратилъ вниманія на этотъ знакъ.

Онъ помолчалъ минуту.

А затѣмъ, какъ человѣкъ, который послѣ отдыха снова пускается въ путь медленными шагами, потому что до конца пути еще далеко, онъ сталъ продолжать:

— Но рассказъ длиненъ.

— Онъ ушелъ, этотъ человѣкъ, и вошелъ директоръ.

— Онъ сказалъ только: — «ну, каковъ онъ былъ?

Былъ, вѣроятно, невозможенъ — да?»

— Директоръ остановился и шаркалъ ногами по полу. (Да, это было удивительно — онъ тоже былъ особенно безпокоенъ въ этотъ день, словно и онъ тоже, — да, и онъ тоже чувствовалъ свои руки въ колесѣ):

— Ну, что же дальше?

— Попробуемъ съ нимъ, — сказалъ я.

— И вдругъ директоръ засмѣялся.

— Ну что жъ, чортъ возьми, мы вѣдь отвѣтственны, — сказалъ онъ.

— Я засмѣялся или хотѣлъ засмѣяться:

— Но, — замѣтилъ я, — во время представленій вы дайте ему пожалуйста что-нибудь поѣсть: этотъ человекъ слишкомъ долго голодалъ.

— Мы пошли на репетицію. Я не знаю самъ, почему я цѣлый день былъ такъ разсѣянъ или имѣлъ такой разсѣянный видъ. Братъ сказалъ мнѣ два раза:

— Правильно это? — словно онъ замѣтилъ, что я слушалъ только наполовину. И — теперь я вспомнилъ это хорошо — я прекратилъ репетицію гораздо раньше обыкновеннаго.

— Когда она кончилась, Братъ сказалъ, въ то время какъ всѣ артисты были еще въ сборѣ:

— Мы нашли Эліаса?

— Да, — сказалъ директоръ.

— Да и пора ужъ, — а кто онъ такой?

— Директоръ помедлилъ мгновение:

— Это нѣкій г-нъ Кранжъе, — отвѣтилъ онъ.

— Что такое — (это крикнула Ракель) — Кранжъе — это невозможно — онъ, надъ которымъ смѣялась вся театральная школа...

— И они начали смѣяться, всѣ хоромъ, а одинъ воскликнулъ:

— Кранжъе, это тотъ, который забиваетъ гвозди въ стѣны...

— Это было вѣрно, это было вѣрно. Во время репетиціи онъ безпрестанно махалъ кулаками передъ своими плечами, словно хотѣлъ обѣими руками забивать гвозди крѣпко въ стѣну.

— Артисты продолжали смѣяться, когда директоръ сказалъ:

— Завѣдующій постановкой выбралъ его.

— Я его не выбиралъ, — я сказалъ только, что попробую его; я самъ сказалъ, что онъ невозможенъ. Но теперь, когда эти люди стали смѣяться, я вдругъ сказалъ, какъ человѣкъ, у котораго власть въ рукахъ: — Да, я такъ поступилъ и буду надѣяться, что поступилъ правильно, выбравъ его.

— И я ушелъ.

— Когда я вышелъ на улицу, я сталъ думать о другихъ вещахъ. Какъ вдругъ — вы знаете, это иногда случается — мои взоры падаютъ на другой тротуаръ: было прямо невѣроятно, какъ шелъ вонъ тотъ человѣкъ, шелъ и поднималъ свои ноги слишкомъ высоко — высоко въ воздухъ. Онъ шелъ, какъ шло бы его тѣло безъ души, да, какъ шло бы его тѣло, если бы душа улетѣла изъ него, а тѣло продолжало бы идти. Да, это было очень смѣшно то, что я видѣлъ... Это было...

— Тутъ я увидѣлъ, что этотъ человѣкъ былъ Кранжъе.

— Я увидѣлъ, что онъ переходитъ ко мнѣ — я, между тѣмъ, продолжалъ смотрѣть на его ноги. Но вдругъ онъ пошелъ иначе. Ну, слава Богу, подумалъ я: онъ, значить, можетъ ходить, какъ человѣкъ.

— Я хотѣлъ только — сказалъ онъ, — спросить васъ... спросить васъ, окончательно ли уже рѣшено, что я буду играть эту роль?

— Я взглянулъ на него, а затѣмъ на его глаза:

— Да, — отвѣтилъ я, — разумѣется, это окончательно рѣшено.

— И этотъ человѣкъ опять порывисто дагнулся, какъ раньше, какъ въ конторѣ, схватилъ мою руку и стиснулъ мои пальцы, а затѣмъ побѣждалъ, не сказавъ ни слова, по улицѣ.

— Я продолжалъ смотрѣть на него, а онъ бѣжалъ, высоко поднимая колѣни. Одинъ врачъ-психіатръ сказалъ мнѣ когда-то, что такая походка — признакъ извѣстнаго рода помѣшательства или предвѣстникъ его.

— Да, — сказалъ я самому себѣ, — этотъ человѣкъ полусумасшедшій, и ему-то ты назначилъ играть Эліаса...

— Когда я пришелъ домой, тамъ лежало письмо для меня. Оно было отъ издателя сѣверныхъ поэтовъ. Онъ слышалъ о трудностяхъ, которыя предстояли и угрожали постановкѣ.

«Но, — писалъ онъ, — отказъ теперь отъ чего-нибудь былъ бы равносильнъ отказу отъ всего. Я, по крайней мѣрѣ, не взялъ бы на себя такой отвѣтственности».

— Я прочелъ письмо два раза, и я еще теперь вижу каждую изъ его буквъ такъ ясно, какъ если бы письмо лежало передо мною здѣсь, на скатерти. Затѣмъ я сѣлъ за столъ и отвѣтилъ: «Препятствія, о которыхъ вы слышали, къ счастью, всѣ устранены. Пьеса пойдетъ съ тѣмъ распредѣленіемъ ролей, которое я лично установилъ, и въ срокъ, который съ самаго начала былъ опредѣленъ».

— И когда я писалъ, я зналъ, что тѣмъ самымъ окончательно скрѣплю свою связь съ г-номъ Кранъже.

«Значить это рѣшено, — сказалъ я самому себѣ, — рѣшено, что бы потомъ ни случилось».

— Начались репетиціи, репетиціи у меня съ нимъ.

Я не осмѣлился заставить его репетировать вмѣстѣ съ другими. Произносить роль онъ могъ. Когда я смотрѣлъ на него неподвижно, не сводя съ него гдазъ, онъ говорилъ правильно и спокойно. Говорите теперь медленно, — приказывалъ я и смотрѣлъ въ его зрачки — и онъ не заикался и не шепелявилъ, а говорилъ какъ Эліасъ, какъ тотъ, который хотѣлъ бы отдать десять жизней—лишь бы вѣрить, и который не можетъ вѣрить.

— И я говорилъ самому себѣ: Дѣло идетъ на ладъ. Онъ будетъ Эліасомъ.

— Но вдругъ, въ то время какъ онъ говорилъ, на него напала пляска св. Витта: чужая воля, которая не была ни его, ни моею, работала въ немъ такъ, что онъ дрожалъ всѣми членами и плясалъ своими безумными ногами.

— Тише, овладѣйте собою! — кричалъ я, а онъ смотрѣлъ испуганно, какъ человѣкъ, чьи глаза скоро должны ослѣпнуть; онъ продолжалъ смотрѣть на меня и не могъ овладѣть своимъ мятежнымъ тѣломъ автомата, которое трепетало всѣми членами.

— Да прекратите же! — кричалъ я; — остановитесь!

— И блѣдный, какъ мертвецъ, прислонившись къ стѣнѣ, онъ стоялъ и продолжалъ размахивать передъ собою вытянутыми руками — человѣкъ съ гвоздями.

— Опустите руки! — кричалъ я внѣ себя (нѣтъ, нѣтъ, дѣло не поидетъ — дѣло никакъ не поидетъ),

и его руки падали внизъ, словно внезапно разбитыя параличомъ.

— Сядьте, — говорилъ я и принуждалъ себя къ спокойствію. — Садитесь и говорите сидя.

— Онъ садился въ кресло, все еще дрожа.

— Подождите минутки двѣ, — говорилъ я, и онъ ждалъ, не сводя съ меня глазъ, словно смотрѣлъ на блестящую жемчужину.

— Ну, ладно, говорите теперь.

— Я наклонялся къ нему, напряженно опираясь обѣими руками на края ручекъ кресла.

— Ну.

— Онъ говорилъ заикаясь.

— Скрестите ваши руки.

— Онъ складывалъ руки накрестъ.

— Ну, говорите теперь.

— Хорошо.

— И онъ говорилъ, не заикаясь, не дрожа — какъ слѣдовало...

Вдругъ Карвилль, съ синевато-блѣднымъ лицомъ, воскликнулъ:

— Вы должны были убить его!

Сѣверянинъ медленно повернулъ свою голову.

— Да, — сказалъ онъ, — я убилъ его.

Мы всѣ молчали. Даже Раоло Братіану прислонился затылкомъ къ стѣнѣ, и дрожь пробѣгала по его поднятому вверхъ лицу съ опущенными вѣками.

Сѣверянинъ снова усѣлся, подперевъ подбородокъ своей рукою:

— Кранжъ сидѣлъ въ креслѣ цѣлый часъ, я не отходилъ отъ него, продолжая на него смотрѣть.

— Подъ конецъ онъ совсѣмъ успокоился.

— Теперь встаньте, — сказалъ я, въ то время какъ онъ произносилъ фразу, и онъ всталъ, продолжая говорить, ходилъ и говорилъ, велъ роль Эліаса совершенно спокойно.

— Слава Богу, — сказалъ я самому себѣ.

— Ты терзаешь его, но дѣло налаживается.

Сѣверянинъ порывисто повернулъ свое лицо и сказалъ Карвиллю:

— Да, я говорилъ такъ самому себѣ! Ты терзаешь его, но дѣло налаживается, — такъ говорилъ я беззаботно. Или только дѣлалъ видъ, что онъ меня не забываетъ, потому что хотѣлъ, чтобы дѣло наладилось.

— Ибо прежде всего надо было побѣдить. Это я зналъ и этого хотѣлъ.

Раоло Братіану сказалъ въ пространство, не шевелясь:

— Рассказывайте дальше.

И сѣверянинъ продолжалъ, словно не будучи въ состояніи оторваться отъ своей собственной мысли.

— И все-таки, каждый разъ въ теченіе этихъ лѣтъ, когда я спокойно и обстоятельно продумывалъ все это, я приходилъ къ такому заключенію: «Я поступалъ такъ изъ состраданія». Я поступалъ (я не лгу) изъ сочувствія. Но по какимъ побужденіямъ мы вообще поступаемъ или знаемъ ли мы, люди, что-нибудь о томъ, что насъ побуждаетъ? А если бы мы знали наши побужденія къ поступкамъ, не ужаснули ли бы насъ эти

«движуція пружины» пастолько, что мы потеряли бы силу и мужество дѣйствовать? И все-таки то, что я дѣлалъ, я дѣлалъ изъ состраданія. Я могу это доказать. Однажды я прервалъ репетицію, бросилъ вдругъ свою палку на полъ и сказалъ:

— Не годится. Вы можете итти... — и повернулся. Кранжье стоялъ въ углу, испуганный, словно прижатый къ двери, какъ человѣкъ, котораго ударили въ бокъ кулакомъ.

— Что съ вами? — сказалъ я.

— Ничего, — отвѣтилъ онъ и оправился, но его глаза были какъ у собаки, которую засѣкли кнутомъ до смерти.

— И, немного погодя, онъ сказалъ тонкимъ голоскомъ — о, едва ли это былъ человѣческой голосъ:

— Итакъ... она значить отнята у меня?

— А я отвѣтилъ, испугавшись этого лица, этого безсилія, этого голода:

— Нѣтъ, нѣтъ, Кранжье.. Но вы вѣдь не можете.

— Сумѣю, — отвѣтилъ онъ и кивнулъ какъ десятилѣтній ребенокъ (онъ всегда такъ кивалъ).

— Если вы только не утомитесь.

— И я сказалъ очень мягко, побѣжденный его вѣрою, его нуждою, кто знаетъ чѣмъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы вѣдь хорошо знаете, я не утомлюсь.

— Но ѣдите ли вы что-нибудь, Кранжье?

— Да, благодарю васъ, — отвѣтилъ онъ и кивнулъ со счастливымъ выраженіемъ лица, — да, благодарю васъ.

— Ну, — сказалъ я, — идите домой, закусите и приходите завтра утромъ.

Сѣверянинъ опять замолчалъ. Но, немного спустя, онъ продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Послѣ каждой репетиціи артисты собирались, и ихъ кривыя улыбки подстерегали меня, они спрашивали участливо, словно освѣдомлялись о близкомъ родственникѣ, который былъ при смерти и послѣ котораго имъ должно было остаться наслѣдство: какъ идетъ дѣло съ человѣкомъ съ гвоздями?

— Спасибо, — говорилъ я, — дѣло идетъ превосходно.

— И я поклялся въ душѣ, что они не будутъ правы и не побѣдятъ.

— Впрочемъ — дѣло шло. Дѣло шло такъ хорошо, что я однажды осмѣлился показать, каковы были успѣхи. Я спросилъ Братта, не пожелаетъ ли онъ видѣть Кранжье. Настало утро. Кранжье не зналъ, что кто-нибудь его увидитъ. Когда Браттъ вошелъ, я сказалъ ему:

— Ну, давайте репетировать. Сегодня у васъ публика, Кранжье. Слѣдите за собою.

— Кранжье вздрогнулъ, словно все его тѣло скорчилось, нѣтъ, словно его сердце сжалось и превратилось въ маленькій комочекъ, съ кулакъ величиною. Вся кровь прихлынула къ его лицу — въ первый разъ я увидѣлъ, что у него была кровь...

— Начинайте, — сказалъ я (и самъ не зналъ, что такъ увѣренно, какъ говорилъ я, произнося слова прямо ему въ лицо, что такъ говорить гипнотизеръ сво-

ему. медиуму, когда сеансъ надо провести во что бы то ни стало), между тѣмъ какъ Братъ сѣлъ у стѣны, нагнувъ впередъ туловище, какъ спортсменъ во время скачекъ на трибунѣ.

Сѣверянинъ поднесъ обѣ руки къ своему лицу и потеръ свои виски кончиками сложенныхъ пальцевъ два раза.

— Дѣло шло. Онъ игралъ очень хорошо. Сцена съ отцомъ прошла. Первое дѣйствіе прошло... Онъ стоялъ и двигался, говорилъ и дѣйствовалъ, какъ надо было — насколько онъ былъ въ состояніи дѣйствовать, расхаживая во снѣ. Ибо онъ расхаживалъ во снѣ.

— Онъ ходитъ во снѣ, — сказалъ я самому себѣ.

— И охваченный ужаснымъ страхомъ, страхомъ передъ чѣмъ-то невозможнымъ или неестественнымъ, страхомъ, который парализовалъ мой языкъ, такъ что я едва могъ говорить (а вѣдь я подавалъ реплики и дѣлалъ это беззвучно, а онъ и не замѣчалъ этого), я сказалъ самому себѣ: «Ты долженъ разбудить его, ты долженъ постараться его разбудить.. Хотя бы отъ этого зависѣла его жизнь, ты долженъ постараться разбудить его...

— Между тѣмъ онъ продолжалъ говорить и давать отвѣты и ходить, какъ ходить и двигается лунатикъ.

— А я успокаивалъ самого себя: — Да, этотъ чело-вѣкъ ходитъ во снѣ, но, можетъ быть, никто этого не замѣтитъ. Вѣдь играетъ онъ превосходно. Не надо его будить. Будить его — грѣхъ.

— Но его глаза продолжали пугать меня.

— Его глаза не знали, что онъ говорилъ. Казалось, что они еще глубже ушли въ свои впадины и горѣли въ нихъ, какъ въ двухъ маленькихъ печахъ—горѣли въ своихъ впадинахъ, а я говорилъ самому себѣ: «Хоть бы Браттъ не видѣлъ его глазъ».

— Но онъ ихъ, конечно, видѣлъ.

— Потому что, когда кончилась репетиція (я не взглянулъ на Кранжье, когда все кончилось, я не хотѣлъ смотрѣть на него), и мы вошли въ контору и пробыли тамъ нѣкоторое время, Браттъ вдругъ сказалъ:

— Да, значитъ дѣло пойдетъ. Если только вы раньше не убьете этого человѣка.

— Я засмѣялся.

— Раньше — нѣтъ, — сказалъ я.

— Но игра,—сказалъ Браттъ,—конечно, превосходна. И найти кого-нибудь другого невозможно.

— Да, не правда ли, это будетъ невозможно?—сказалъ я и посмотрѣлъ Братту прямо въ лицо, какъ человѣкъ, который хочет и долженъ быть правъ и имѣть поддержку:—кромѣ того, отнять у него роль было бы грѣшно...

— Я повторилъ эти слова, какъ разъ тѣ слова, которыя я раньше говорилъ самому себѣ: — что «будетъ грѣшно», — и Браттъ отвѣтилъ (но онъ не глядѣлъ на меня, онъ смотрѣлъ въ окно, на сѣрую стѣну):

— Да, это, конечно, будетъ грѣшно.

— Да, — сказалъ я, — во всякомъ случаѣ я не возьму на себя такую отвѣтственность, — и я ударилъ въ ладоши.

— Репетиція починається, — сказавъ я.

— И мы репетировали вмѣстѣ съ Кранжѣ.

— Канатный плясунъ испытываетъ такія ощущенія или такъ мало ощущеній, какъ я во время этой репетиціи.

Сѣверянинъ протянулъ руку къ своему стакану.

— Вина больше нѣтъ? — спросилъ онъ.

— Есть, — отвѣтилъ Раоло и налилъ ему въ стаканъ.

Сѣверянинъ выпилъ.

— Мы прорепетировали все первое дѣйствіе, но я прекратилъ репетицію на томъ мѣстѣ, гдѣ скала начинаетъ падать, потому что Кранжѣ еще не выучилъ «крика». Во время репетиціи за кулисами было совѣмъ тихо (вдругъ я сказалъ, стоя посреди каната, я сказалъ самому себѣ: какъ они крадутся, точно звѣри на аренѣ за желѣзной рѣшеткой). Когда все кончилось, было тоже тихо: «Да, репетиція кончена», — повторилъ я; никто изъ участниковъ не говорилъ, когда расходились... Кранжѣ побѣдилъ...

Войдя въ контору, я сказалъ директору, который тамъ находился:

— Нѣтъ, зачѣмъ, собственно, отнимать у него роль?

— Роль, у кого? — спросилъ директоръ.

— У Кранжѣ, думаю я.

— Но, милѣйшій, вы съ ума сошли? Кто говорить о томъ, чтобы отобрать у него роль? Мы просто восхищены... Прямо-таки невѣроятно, что вы сдѣлали съ этимъ человѣкомъ.

— И вдругъ, чтобы выставить свое значеніе, онъ добавилъ:

-- Но я вѣдь зналъ это, когда я далъ ему роль. Я сказалъ себѣ самому: это подходящая роль для Кранжѣе. Кранжѣе. словно созданъ для нея.

— И вдругъ, развеселившись, сіяя, онъ отворилъ дверь и крикнулъ въ переднюю: «Кранжѣе, Кранжѣе, вы здѣсь — войдите.

— Но когда Кранжѣе вошелъ, директоръ отступилъ назадъ:

— Что съ вами? — сказалъ онъ (такой видъ былъ у этого человѣка)...

— Ничего, — отвѣтилъ тотъ.

— Вы великолѣпно сыграли — но что съ вами? Вы больны? Вы должны теперь поѣсть — поѣсть, какъ слѣдуетъ...

— Да.

— Въ будущемъ, — сказалъ директоръ (и я хорошо замѣтилъ, что онъ вдругъ снова началъ беспокоиться, зашевелилъ своими ногами и сталъ смотрѣть въ окно, на стѣну)... — въ будущемъ у васъ, конечно, будутъ средства, чтобы наѣдаться досыта...

— Да, у васъ будутъ средства, милый Кранжѣе -- сказалъ я и вдругъ добавилъ: — и за это вы должны благодарить директора...

— Директоръ обернулся и сдѣлалъ движеніе своими руками:

-- О нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ онъ, — г-нъ Кранжѣе -- вашъ. И г-нъ Кранжѣе это тоже хорошо знаетъ.

— Кранжѣе посмотрѣлъ мнѣ въ лицо:

— Да, — сказалъ онъ только и склонилъ свою голову.

— И, глядя на это лицо, я сказалъ (запомните, что я это сказалъ), я сказалъ поспѣшно:

— Но, Кранжѣ, если вы думаете, если вы сами думаете, что не можете....

— Но, милый другъ, — сказалъ директоръ: — это онъ-то не можетъ? Мы вѣдь видѣли, что онъ можетъ.

— Ну, до свиданья, Кранжѣ, — сказалъ онъ и протянулъ свою руку, — вы можете получить въ кассѣ пятьдесятъ ффранковъ.

— Я сказалъ самому себѣ, когда взглянулъ на поднятые вверхъ глаза Кранжѣ: — Да, онъ, значить, будетъ, играть. Ты не доставишь ему огорченія... ты позволишь ему играть.

— Но когда дверь закрылась, директоръ сказалъ (по какой ассоціаціи идей? Неужели онъ дѣйствительно угадалъ всѣ мои мысли?):

— Видите ли, милый другъ, рискъ бывасть во всемъ... — и онъ началъ говорить объ одномъ первомъ представленіи въ Амбигю...

Сѣверянинъ замолчалъ...

Офиціанты открыли всѣ двери зала: хотя дождь все еще шелъ, но воздухъ былъ такъ же душень.

Фрэнсисъ Эвелинъ повернулъ голову и сказалъ:

— Гроза будетъ продолжаться всю ночь.

— Да, — отвѣтилъ я, такъ какъ никто другою не хотѣлъ говорить.

Сѣверянинъ смотрѣлъ передъ собою, и когда онъ снова сталъ рассказывать, то говорилъ рѣзкимъ голосомъ и медленно, словно читалъ докладъ или какъ челоуѣкъ, который заноситъ что-нибудь въ протоколъ:

— Мы продолжали репетировать. Утромъ я постоянно репетировалъ съ однимъ Кранжье... Я, наконецъ, научился, какимъ способомъ достигать того, чтобы дѣло подвигалось впередъ скорѣе. Я заставлялъ его становиться рядомъ со мною, бралъ его за руку:

— Говорите теперь, — приказывалъ я.

— И онъ произносилъ слова роли, между тѣмъ какъ его тѣло дрожало, и мы все время стояли плечомъ къ плечу.

— Выходило великолѣпно.

— Оставался только «крикъ». Онъ не могъ научиться этому крику. Онъ кричалъ (а онъ долженъ кричать отъ страха) такъ, что крысы могли бы засмѣяться. Подъ конецъ я нашелъ выходъ. Въ залѣ для репетицій стоялъ большой шкафъ, — одному небу извѣстно, какъ онъ сюда попалъ. Онъ былъ большихъ размѣровъ, былъ выкрашенъ въ черный цвѣтъ и имѣлъ видъ стараго гроба, приставленнаго къ стѣнѣ.

— Однажды я оторилъ дверцу шкапа:

— Войдите въ шкафъ, — сказалъ я.

— Кранжье не двигался съ мѣста.

— Войдите въ шкафъ, — повторилъ я, но вдругъ я добавилъ — о, какъ я уже научился лицемѣрить и выпутываться изъ затрудненій:

— Я хочу сказать, если вы не боитесь.

— Только если вы не боитесь, — сказалъ я еще разъ, держась за дверцу шкапа, и я былъ увѣренъ, я готовъ былъ ручаться своей головой, что онъ смертельно боится темноты.

— Нѣтъ, я не боюсь, — отвѣтилъ онъ и поднялъ но-

ги.... да, поднялъ ихъ, слишкомъ высоко, точь въ точь, какъ въ тотъ день на улицѣ — и онъ вошелъ въ шкафъ, а я закрылъ дверь.

— Кричите, — приказалъ я.

— Онъ крикнулъ.

— Еще разъ...

— Онъ опять крикнулъ.

— Громче....

— Хорошо.

— Еще разъ...

— Такъ онъ, наконецъ, научился кричать отъ страха передъ мракомъ.

Сѣверянинъ медленно кивнулъ и, опустивъ внизъ углы рта, сказалъ:

— Человѣка можно всему научить.

И вдругъ, осмотрѣвъ насъ одного за другимъ, онъ спросилъ:

— Хотите слушать дальше?

Никто изъ насъ не отвѣтилъ. Карвилль закрылъ лицо руками.

— И вотъ, — сѣверянинъ снова сидѣлъ, какъ раньше, опершись подбородкомъ на руки — наконецъ настало время перваго представленія. Я прихожу по вечерамъ всегда рано, когда еще никого нѣтъ, когда темно, и никто не можетъ видѣть моего лица. Только рабочіе въ машинномъ отдѣленіи пробираются по помѣщеніямъ, безшумно ступая своими ногами, какъ тѣни. Они перешептываются, но вдругъ цѣлый потокъ словъ вылетаетъ изъ ихъ ртовъ, какъ грязный фонтанъ,

затѣмъ они снова умолкаютъ и продолжаютъ скользить по полу.

— Въ этотъ вечеръ я тоже пришелъ рано, и артисты, которые не узнавали меня въ темнотѣ, проходили мимо меня, не кланяясь, замкнувшись въ самихъ себя, каждый со своимъ страхомъ, — а я расхаживалъ взадъ и впередъ по сценѣ.

— Я продолжалъ бродить взадъ и впередъ, когда въ углу, тамъ, гдѣ должны были стоять декорации, въ углу, въ темнотѣ наткнулся на человѣка и схватилъ его за руку.

— Кто это? — сказалъ я и вздрогнулъ: рука была такъ холодна, что сквозь тонкую матерію казалась кускомъ желѣза.

— Это я, Кранжѣ, — произнесли уста, которыя едва раскрылись.

— Я отвѣтилъ только:

— Вамъ уже пора одѣваться.

— Да, — послышался голосъ: — но я хотѣлъ только видѣть васъ.

— Теперь уже пора, — сказалъ я и буквально отбросилъ его руку отъ себя (было ли это изъ стремленія въ самый послѣдній моментъ убѣжать отъ него, отбросить его въ сторону, какъ такую вещь, которая меня не касается и не должна касаться?):

— Теперь уже пора вамъ полагаться на самого себя.

Кранжѣ все еще стоялъ въ темнотѣ:

— Да, — сказалъ онъ совсѣмъ тихо.

— И онъ ушелъ.

— Этотъ человѣкъ сведетъ меня съ ума, — сказалъ я самому себѣ. И я снова овладѣлъ выраженіемъ своего лица и поздоровался съ завѣдующимъ освѣщеніемъ, который началъ работать за своимъ столомъ, съ машинистомъ и режиссеромъ. На первыхъ представленіяхъ ни у кого изъ нихъ не бываетъ блеска въ глазахъ. Они похожи на круглые, мертвые, стеклянные шарики, ихъ глаза.

— Да, — сказалъ режиссеръ, и рука, которую онъ мнѣ протянулъ, была холодна и влажна какъ рыба; — все вѣдь будетъ зависѣть отъ г-на Кранжье.

— Вы думаете?—отвѣтилъ я (мнѣ, значить, нельзя было отдохнуть отъ Кранжье) и въ то же мгновеніе я сказалъ самому себѣ: — А ты-то довелъ этого человѣка до отчаянія.

— Я говорилъ съ декораторомъ, который рассказывалъ про свои скалы на заднемъ планѣ. Онѣ были похожи на три «сахарныя головы» въ Шпицбергенѣ. И со сценаріусомъ, который безпрестанно то вбѣгалъ, то выбѣгалъ, размахивая руками, и хвалилъ какую-то невозможную мебель, имѣвшую такой видъ, точно онъ взялъ ее у патагонійскихъ дикарей.

— Развѣ не такъ, сударь, развѣ это не норвежская обстановка, — говорилъ онъ: — это не настоящая норвежская обстановка?

— Я сказалъ самому себѣ:

— Ты долженъ прежде всего успокоить Кранжье, — и я повернулся возлѣ самага директора (который былъ одѣтъ по-парадному, чтобы выходить на вызовы) и пошелъ по коридору между комнатами артистовъ.

— Вы здѣсь, Кранжье? — закричалъ я передъ его дверью.

— Да, — отвѣтилъ онъ.

— Я вошелъ въ комнату, онъ сидѣлъ передъ своимъ зеркаломъ. Верхняя часть его туловища была обнажена. Его плечи были похожи на двѣ обрубленныя палки.

— Я подошелъ къ нему:

— Ну, — сказалъ я необыкновенно ласковымъ голосомъ, — какъ идетъ дѣло?

— Спасибо.

— Вы очень боитесь?

— Да.

— Марсель, — сказалъ я (откуда я узналъ, что его зовутъ Марсель — ну, я вѣроятно слышалъ гдѣ-нибудь):

— Милый Марсель! — сказалъ я и принудилъ себя положить руку ему на голову (его волосы были очень рѣдки и, казалось, не росли на его головѣ, а были только приклеены къ ней):

— Вы не должны теперь бояться, ни въ коемъ случаѣ, слышите?

— Да, — прошепталъ онъ, и я почувствовалъ подъ своей рукою толчки по его тѣлу, какъ у ребенка, который хочетъ плакать.

— Вѣдь вчера на генеральной репетиціи вышло такъ хорошо, — сказалъ я.

— Да, спасибо, — прошепталъ онъ, какъ раньше.

— Теперь все дѣло въ томъ, чтобъ имѣть смѣлость, — сказалъ я, продолжая гладить его волосы и

чувствуя, что онъ становится спокойнѣе подѣ моею рукой.

— Только имѣть смѣлость, — сказала я (и думалъ:— Ты умно поступаешь. Ты обращаешься съ нимъ совсѣмъ, какъ магнетизеръ).

— Спасибо, — прошепталъ онъ и поднялъ свои глаза на меня, когда я пересталъ гладить его по головѣ.

— А теперь мнѣ надо идти, — сказала я и пошелъ къ двери; въ ту же минуту Кранжѣе повернулъ голову.

— Гдѣ вы будете стоять? — спросилъ онъ со внезапно расширенными глазами.

— Я буду стоять въ первой кулисѣ, — отвѣтила я, — вы только не бойтесь.

— Я закрылъ дверь, и въ то время какъ шелъ, я размышлялъ и сталъ совершенно спокоенъ: да, я владѣю имъ, какъ магнетизеръ. Когда я, значить, стану въ кулисѣ, дѣло навѣрное пойдетъ хорошо. А послѣ — пусть будетъ, что будетъ. Что неизбежно, то неизбежно. Вѣдь я одинъ несу отвѣтственность передъ всѣми ими и я долженъ взять на себя отвѣтственность — ради всѣхъ.

— И съ этого самаго мгновенья я зналъ, что убью Кранжѣе. Убью его, вынужденный необходимостью.

Франсуа Карвилль сдѣлалъ своими руками движеніе по столу, которое сѣверянинъ увидѣлъ.

Но онъ продолжалъ.

— Это было такъ. Съ того момента, какъ я почувствовалъ его голову подѣ моею рукой, я зналъ, что убью этого человѣка, и я уже (настолько, значить,

я въ своемъ сознаніи, тамъ, гдѣ рождаются мысли и гдѣ темно, обдумалъ эту мысль и свыкъся съ ней) имѣлъ наготовѣ всѣ доводы, всѣ доводы, почему я долженъ это сдѣлать.

— Но я сталъ спокоенъ. Никогда, съ тѣхъ поръ какъ мои глаза стали смотрѣть другимъ людямъ въ лицо, я не былъ такъ спокоенъ.

— Когда я поднялся на сцену, все было въ порядкѣ. Директоръ подошелъ ко мнѣ, въ то время какъ я расхаживалъ повсюду и отдавалъ послѣднія приказанія.

— Сегодня вечеромъ очень жарко, — сказалъ онъ.

— Да, — отвѣтилъ я.

— Онъ подошелъ къ занавѣсу. Мы слышали изъ-за него жужжаніе въ залѣ. Это было словно жужжаніе вѣтра между дюнь...

— Директоръ смотрѣлъ черезъ маленькое отверстіе.

— Дюма здѣсь, — сказалъ онъ.

— И Анри Бекъ.

— И Сара...

— Его глаза осматривали ложи.

— И Режанъ.

— Съ Порторишъ.

— Это звучало такъ, точно онъ при каждомъ имени забивалъ, задыхаясь, гвоздь въ знамя.

— Но вѣдь это же хорошо, — сказалъ я, и вдругъ мои ноги задрожали, между тѣмъ какъ лицо оставалось спокойнымъ.

— Директоръ отвернулся отъ занавѣса.

— Гдѣ вы будете стоять сегодня вечеромъ?

- Здѣсь, — отвѣтилъ я и указалъ на кулису.
- Директоръ засмѣялся.
- Здѣсь мы можете слѣдить за Кранжъе, — сказалъ онъ и спросилъ:
- Можно дать звонокъ?
- Да...
- Режиссеръ вышелъ впередъ, и электрическіе звонки зазвучали. Ганна и фру Сангъ вошли. Фру Сангъ попросила меня помочь ей привести въ порядокъ ея постель.
- Хорошо, фру — отвѣтилъ я и opravилъ одѣяло.
- Она легла и спросила голосомъ, который звучалъ такъ, словно зубы въ ея деснахъ стучали:
- Я лежу какъ слѣдуетъ?
- Вы лежите превосходно, фру.
- Она откинула голову на подушки.
- Я никогда такъ не боялась, — сказала она.
- Вамъ бояться нечего, — сказалъ я и вдругъ добавилъ неожиданно:
- Вѣдь не вамъ придется умереть.
- Сѣверянинъ покрутилъ три кольца на своемъ мизинцѣ и кивнулъ:
- Не вамъ придется умереть — я сказалъ эти слова, а говорить ихъ совсѣмъ не хотѣлъ. Я, значитъ, рѣшилъ, что я возьму это на себя, что я во что бы то ни стало возьму это преступленіе на себя, и я уже зашелъ такъ далеко, что долженъ былъ выдавать себя и говорить объ этомъ. Но фру Сангъ словно проснулась отъ своего страха, лежала на постели и смотрѣла неподвижно на меня, потомъ перемѣнила выраженіе ли-

ца и, вѣроятно, подумала про себя:—Ну, онъ, значить, въ самомъ дѣлѣ сумасброднѣе всѣхъ остальныхъ насъ...

— Только говорите громче, — сказалъ я и опять услышалъ звонокъ режиссера:

— Все на мѣстѣ?

— Да, сударь.

— Я окинулъ взоромъ кулисы. Да, Кранжѣ стоялъ въ первой кулисѣ, нагнувъ впередъ голову и уставившись на меня своими неподвижными глазами. О, если бы я только могъ вдохнуть жизнь въ его глаза:

— Хорошо, занавѣсь.

— Занавѣсь задрожалъ на мгновенье подъ кнопкой режиссера (вы помните этотъ звукъ?)... затѣмъ поднялся; какъ вдругъ кто-то схватилъ меня за руку. Тише! — сказалъ я и подумалъ, что это Кранжѣ. Но это оказался директоръ. Я не знаю, гдѣ я долженъ находиться, — сказалъ онъ, и я увидѣлъ жемчужины пота, которыя размѣстились вѣнкомъ вокругъ его бровей. Тише, — повторилъ я, и онъ ушелъ. На сценѣ начали говорить. Я слышалъ и не слышалъ — да, я слышалъ ихъ откашливаніе въ залѣ.

— Они откашливаются, — сказалъ режиссеръ, а я самъ не зналъ, какъ началъ ходить взадъ и впередъ.

— Они сейчасъ перестанутъ, — отвѣтилъ я и самъ не сознавалъ, что подвинулся снова къ Кранжѣ, туда, гдѣ онъ стоялъ, между тѣмъ какъ фру Сангъ на сценѣ все говорила и говорила.

— Они кашляютъ, — сказалъ я.

— Неужели? — отвѣтилъ Кранжѣ, вздрогнулъ и, смотря неподвижно на мое лицо, сказалъ: — Да. — И въ

ту секунду, когда онъ это произнесъ, я сказалъ самому себѣ — ничего не слыша изъ того, что происходило на сценѣ: У Кранжье глаза, какъ у помѣшаннаго.

— Мысли покидаютъ его. У него глаза, какъ у помѣшаннаго.

— Вдругъ я услышалъ голосъ режиссера, позади себя — онъ задыхался:

— Слышите, они утихли.

— И я сразу услышалъ тишину въ залѣ, Сангъ былъ на сценѣ, Сангъ говорилъ, какъ надо было, въ залѣ было тихо — а я продолжалъ дѣлать то, что давно уже дѣлалъ (теперь я увидѣлъ, что дѣлалъ это давно): проводить ладонью съ растопыренными пальцами вверхъ и внизъ по спинѣ Кранжье, вверхъ и внизъ по его спинному хребту. На разстояніи вершка отъ его спинного хребта.

— Слышите, они утихли.

Это говорилъ директоръ.

— Да, они утихли, — повторилъ режиссеръ и, стоя близко другъ около друга, оба эти господина имѣли такой видъ, словно ихъ лица всасывали вниманіе зала.

— Ганна вышла, чтобы привести дѣтей.

— Теперь вашъ выходъ, Кранжье, — сказалъ директоръ.

— Да, — отвѣтилъ Кранжье, и моя рука быстро скользнула по его головѣ.

— На сценѣ продолжали говорить, въ залѣ слушали все напряженнѣе и напряженнѣе. Сангъ вышелъ, и Ганна снова вошла.

— Скорѣе, скорѣе! — закричалъ я ей велѣдъ, въ то время какъ раздавались рукоплесканія.

— Ну, ну!

— Я схватилъ Кранжье за руку, повыше запястья, и стиснулъ ее, какъ стискиваютъ шею, когда хотятъ задушить:

— Ну, ну!

— Да, — отвѣтилъ онъ, и его глаза ожили.

— Шепните мнѣ.

— Да, — отвѣтилъ я, выпустилъ его руку, наклонился впередъ и шепнулъ ему прямо въ ухо: «мама, мама» — это его первые слова.

— Спасибо, спасибо.

— Ну!

— Вбѣгайте на сцену, — осторожниѣе на порогѣ.

— Онъ былъ на сценѣ и прокричалъ свое: «мама, мама»!

— Хорошо, — отвѣтилъ я и прислонился къ столбу, у котораго стоялъ.

— Удалось, — сказали директоръ и режиссеръ сразу, а оба машиниста вдругъ вышли совсѣмъ изъ-за кулисъ, такъ что ихъ можно было видѣть изъ зала.

— Но вдругъ я сошелъ со своего мѣста и продвинулся между ними впередъ.

— Какъ онъ говорилъ? Какъ звучалъ его голосъ...

— Какъ онъ однако звучалъ?

— О, чортъ его возьми... какъ граммофонъ...

— Всѣ, даже машинисты, стояли, напряженно прислушиваясь.

— Какъ Кранжѣ говорить, — прошепталъ директоръ.

— Тутъ я обернулся и сказалъ громко (а самъ въ это время чувствовалъ, что верхняя часть моего позвоночнаго столба дрожала):

— Онъ говоритъ вполнѣ¹ правильно, — сказалъ я.

— Да, почти, — отвѣтилъ директоръ, который сталъ блѣденъ, какъ кусокъ фаянса.

— Я не шевелился:

— Уйдите, чтобъ онъ могъ меня видѣть, — сказалъ я.

— Кранжѣ поднялся съ постели матери... между тѣмъ какъ шумъ — или слабѣе, чѣмъ шумъ: звукъ отъ движенія — донесся изъ залы.

— Уйдите, — повторилъ я.

— Кранжѣ повернулся... посмотрѣлъ на меня, на то мѣсто, гдѣ я стоялъ, и сталъ говорить правильно. Но глаза, глаза... я, видно, не могъ овладѣть его глазами.

— Я долженъ, — сказалъ я самому себѣ, я долженъ пріобрѣсти власть надъ его глазами.

— И, собравъ всю свою волю, всю нервную силу въ своихъ рукахъ, я протянулъ ихъ впередъ, смотря на лицо Кранжѣ, между тѣмъ какъ все мое тѣло дрожало.

— Режиссеръ не ушелъ. Онъ стоялъ позади меня, словно хотѣлъ слѣдить за мною (онъ этого и хотѣлъ, я въ этомъ увѣренъ, онъ и Братъ, они оба знали, что происходило, что я дѣлалъ съ Кранжѣ). Вдругъ онъ сказалъ:

— Вы лишаете жизни этого человѣка. Но дѣло идетъ.

— Я долженъ, я долженъ, — говорилъ я самому себѣ, впившись глазами въ глаза Кранжѣе, который говорилъ, какъ надо было, между тѣмъ какъ въ залѣ опять стало тихо... тихо, тихо, пока не раздались рукоплесканія....

— Сцена кончилась, и Сангъ ушелъ въ церковь.

— Скала должна была сдвинуться — скалу изображала огромная занавѣска, доски которой съ трескомъ обрушивались въ кулисы. Все дѣйствіе зависѣло отъ скалы, и я долженъ былъ побѣждать къ занавѣскѣ. Я долженъ былъ также кивнуть Кранжѣе, когда ему надо закричать — сверху съ подмостковъ, на которыхъ онъ стоялъ, онъ долженъ былъ закричать: «Отецъ, отецъ»... сначала въ страхѣ, затѣмъ въ сомнѣніи и наконецъ въ восторгѣ.

— Я побѣждалъ. Занавѣска упала. Тутъ я кивнулъ, и онъ закричалъ.

— Удалось. Кранжѣе, какъ вихрь, пронесся мимо меня на сцену и закричалъ:

— Отецъ, отецъ!

— Я слушалъ и слушалъ; звукъ граммофона — совсѣмъ, какъ граммофонъ. И быстрѣ мысли я перебѣжалъ къ кулисѣ и увидѣлъ, что Кранжѣе.... поднявъ руку «забивалъ гвозди» у постели своей матери.

Съверянинъ засмѣялся отрывисто и быстро:

— Но занавѣска насъ спасла, зрители такъ неистово кричали «браво», словно бушевалъ ураганъ...

— Поднимайте занавѣсъ? — кричалъ директоръ, и

занавѣсъ то поднимался, то опускался, то опять поднимался.

— Поднимайте, поднимайте, — кричалъ онъ и поцѣловалъ меня вдругъ въ обѣ щеки — затѣмъ еще разъ, а затѣмъ внезапно закричалъ изъ кулисы, гдѣ мы стояли, на сцену:

— Выходите, выходите же! — закричалъ онъ Кранжѣ. И я увидѣлъ, что этотъ человѣкъ, который стоялъ на сценѣ, въ толпѣ остальныхъ, рядомъ съ Рахиль, у постели матери, что онъ согнулъ свою спину, съежился, какъ отъ удара бичомъ, и, вытянувъ впередъ руки, какъ слѣпой — вышелъ.

— Кранжѣ, Кранжѣ! — закричалъ я, но онъ не слышалъ.

— Поднимайте занавѣсъ! — кричалъ директоръ.

— Занавѣсъ поднялся, и рукоплесканія усилились.

— Идите, идите! — кричалъ директоръ и, почти прыгая отъ радости, онъ сказалъ и засмѣялся:

— Да, милый, если бы мы только могли вычеркнуть первую сцену.

— Первая сцена во второмъ дѣйствіи принадлежала Кранжѣ. — Онъ начинаетъ дѣйствіе — онъ одинъ на сценѣ, когда начинаетъ дѣйствіе.

— Я вонзилъ ноготь своего указательнаго пальца въ большой палецъ, но сказалъ ему спокойно:

— Почему? — между тѣмъ какъ онъ продолжалъ смѣяться.

— Ну, авгуры имѣютъ право улыбаться, — сказалъ онъ и отворилъ желѣзную дверь, ведущую на лѣстницу, гдѣ пара толстыхъ рукъ обвилась вокругъ его шеи,

и прозвучали два театральныхъ поцѣлуя въ щеку:— «Милый другъ, милый другъ, какая побѣда»... — Это была Бланшъ Пирсонъ, красная, подъ цѣлымъ слоемъ пудры, зятанутая въ корсетъ, чтобы изображать Розу (въ своемъ атласѣ она была похожа на бочку съ карнавала); она раздавала объятія направо и налево, между тѣмъ какъ крохотный мужчина, вотъ такой величины, суетился около ея юбокъ, какъ веселая собачонка, протягивавшая заднюю лапку между ея кружевъ.

— «Oh, c'est beau — très cher — c'est étrange».

— Мы не могли пробраться впередъ. Вся лѣстница кишѣла людьми: дамы со шлейфами въ рукахъ толкали другъ друга, а кавалеры, вверху и внизу, кричали черезъ ихъ плечи, размахивая своими складными цилиндрами; чуждые, бьернсоновскія имена, Сангъ и Браттъ, прорѣзывали протяжный шумъ, какъ пушечные выстрѣлы въ воздухъ, — и одно слово звучало, одно слово звучало, одно слово надъ всѣми, одно слово изъ сотенъ усть, точно оно, это одно, единственное слово выражало и ихъ удивленіе, и восторгъ, и восхищеніе:

— Etrange, étrange, — звучало изъ всѣхъ усть, и вдругъ я увидѣлъ Режанъ, Габріэль Режанъ посреди лѣстницы: декольтированная, съ трепещущими ноздрями, разгоряченная, какъ наѣздникъ на скачкахъ, который слышитъ звонокъ судьи, она непрерывно проводила сверкающими пальцами по своимъ рыжимъ волосамъ; я увидѣлъ двухъ японцевъ, съ раскрытыми отъ изумленія ртами, круглыми, точно пасть рыбы-прилипалы: они стояли, обвѣваемые юбками, въ своихъ чер-

ныхъ рединготахъ, какъ два восклицательныхъ знака, среди всей этой сутолоки, — какъ вдругъ Робертъ Рюмберъ схватилъ меня за руку своей дрожащей лѣвой рукой:

— «Etrange, étrange».

— Робертъ Рюмберъ приблизилъ свой ротъ къ моему уху:

— Пойдемъ, пойдемъ, это побѣда, — прошепталъ онъ и поспѣшно добавилъ: — но много ли ему еще говорить?

— Кому? (я зналъ, кого онъ подразумѣвалъ).

— Ему — Эліасу — онъ сумасшедшій.

— Кранжье?

— И художникъ, — я забылъ его имя, тотъ, который расписывалъ новыя оконныя стекла въ церкви въ Реймсѣ, — онъ услышалъ это, обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Да, милый другъ. Безуміе глядитъ изъ его глазъ.

— Да, — прошепталъ Рюмберъ, не выпуская моей руки: — этотъ Кранжье — сумасшедшій. Я бы его убилъ.

— Тутъ я сказалъ — какъ я осмѣлился? Я этого не знаю. Но я, видно, осмѣлился. Я рѣшился на рискованный ходъ и сказалъ:

— Мнѣ кажется, что г-нъ Кранжье лучше всѣхъ.

— Лучше всѣхъ... — Робертъ оборвалъ разговоръ, а я прижалъ свой складной цилиндръ къ ногѣ такъ, что его пружины согнулись, какъ пруть, и сказалъ еще разъ, и громче, — такъ громко, чтобы это было слышно до самой стѣны и заглушило всѣ голоса:

— Да, по-моему, г-нъ Кранжъе несомнѣнно лучше всѣхъ.

— Всѣ услышали это, и на секунду наступила тишина, между тѣмъ какъ двадцать-тридцать лицъ повернулось ко мнѣ, — а я продолжалъ сжимать свою шляпу, и смотрѣлъ то на одно, то на другое лицо... О, я никогда не забуду этихъ лицъ. (И я сказалъ самому себѣ: Неужели тебѣ удастся? Неужели ты сумѣешь смутить здравый разумъ?).

— И я снова громко повторилъ:

— Да, г-нъ Кранжъе подходитъ къ скандинавскимъ воззрѣнιάмъ ближе всѣхъ:

— Куда ты направляешься? — сказалъ Рюмберъ.

— Я иду на сцену.

— И я пробрался по семи шлейфамъ, мимо пяти критиковъ, услышалъ, какъ два господина смѣялись: — А, Кранжъе! — я продолжалъ взбираться дальше, по лѣстницѣ, какъ лунатикъ, который идетъ по водосточному желобу, какъ вдругъ увидѣлъ фру Моргенстернъ, прямо передъ собою, въ ея золотой накидкѣ, и услышалъ ея слова ко мнѣ:

— Дѣло идетъ плохо, — прошептала она: — убейте этого осла.

— Я только кивнулъ и открылъ желѣзную дверь, которой я достигъ. Я пошелъ по коридору и постучалъ къ Кранжъе:

— Кранжъе, Кранжъе....

— Никто не отвѣчалъ.

— Кранжъе, Кранжъе! — я снова постучалъ, но онъ не отвѣтилъ. Тогда я вошелъ.

Сѣверянинъ помолчалъ полсекунды, и когда снова принялся рассказывать, онъ говорилъ такъ, словно вонзаль зубы въ каждое изъ своихъ словъ:

— Онъ лежалъ на полу, вытянувшись, посреди комнаты... я хотѣлъ закричать, назвать его по имени и не могъ:—Кранжѣ, Кранжѣ!—Я опустился на полъ, сталъ передъ нимъ, на колѣни: — Кранжѣ, Кранжѣ!..

— Онъ былъ недвижимъ.

— Пѣна текла у него изо рта; я схватилъ его за его плечи-палки: — Кранжѣ, Кранжѣ!

— Онъ былъ недвижимъ.

— Я поднялъ верхнюю часть его тѣла и снова уронилъ на полъ:

— Кранжѣ, Кранжѣ!

— Онъ былъ недвижимъ. Этотъ человѣкъ потерялъ сознание и лежалъ неподвижно.

— Тутъ я всталъ и выпрямилъ спину.

— Если бъ онъ даже былъ мертвъ, онъ долженъ подняться. Его надо разбудить: этотъ мальчишка не долженъ портить все дѣло. Онъ долженъ подняться, ему надо играть.

— Я одержу побѣду.

— Да, такъ я сказалъ. Теперь я не лгалъ. Я зналъ, почему я дѣйствую и почему раньше дѣйствовалъ. Теперь я это зналъ.

Сѣверянинъ оперся руками о край стола и заговорилъ быстрѣе:

— Все зависѣло отъ нѣсколькихъ минутъ. Да, черезъ восемь минутъ надо было поднять занавѣсъ. Въ эти

минуты я дѣйствовалъ такъ обдуманно, какъ убійца, котораго никогда не сумѣютъ обнаружить.

— Я повернулъ ключъ и сталъ у его ногъ.

— Кранжье! — крикнулъ я снова, — Кранжье! — и я звалъ его такъ отчетливо, какъ звали бы мертвеца, и въ то же время не сводилъ глазъ съ его лица.

— Кранжье!

— Онъ не шевелился.

— Я наклонился впередъ, поднялъ его руки и сжалъ ихъ своими руками:

— Кранжье!

— Ну, ну....

— Кранжье!

— Его лицо задрожало... о, онъ просыпается. Онъ умереть — но онъ долженъ проснуться.

— Я замѣтилъ, что онъ слышитъ и что онъ хочетъ пошевелить своими губами, — и, наклонившись надъ нимъ, съ неимовернымъ усиленіемъ воли приблизившись къ нему, почти касаясь его безжизненнаго тѣла, я повторилъ:

— Кранжье!

— Это я.

— Слышите, Кранжье, это я.

— И когда я приблизилъ свое лицо на вершокъ къ его лицу, онъ открылъ глаза (Удается, удается, — подумалъ я).

— По его исхудалому тѣлу прошло нѣсколько толчковъ, похожихъ на предсмертныя судороги.

— Кранжье — вы узнаете меня? Это я.

— Да, — прошепталъ онъ.

- Такъ вставайте же, — сказалъ я и самъ поднялся.
- Встаньте же (и мои глаза впились въ его лицо).
Уже пора.
- Онъ поднялся.
- Сядьте, — сказалъ я.
- И онъ сѣлъ.
- Слышите, что я говорю? — сказалъ я, продолжая
стоять передъ нимъ.
- Его взоръ встрѣтился съ моимъ.
- Да, я слышу.
- А понимаете вы меня?
- Онъ протянулъ руку къ краю стола, какъ бы для
того, чтобы найти опору;
- Да, я понимаю васъ.
- Очнитесь же, Кранжъе, — сказалъ я и продолжалъ
говорить все тѣмъ же тономъ:
- Вы должны играть во второмъ дѣйстви.
- Да.
- И еще рѣзче я добавилъ:
- И вы были невозможны въ первомъ.
- Его тѣло дрожало:
- Да, — сказалъ онъ.
- Онъ говорилъ, какъ нищій, да, какъ нищій, ко-
торого я такъ часто видѣлъ на rue Lacépède, у воротъ
дома одного изъ моихъ друзей, — такъ онъ говорилъ:
- Потому что я васъ не видѣлъ.
- Да, — отвѣтилъ, я, — я ушелъ. Это была моя
ошибка.
- И, перемѣнивъ вдругъ свой голосъ и проведя ру-
кою по его волосамъ, я сказалъ:

— Ошибка была съ моей стороны, милый Марсель, — это была моя ошибка.

— О нѣтъ, о нѣтъ, у меня не было силъ, — прошепталъ онъ и откинулъ голову назадъ, словно для того, чтобы тѣснѣе прижаться къ моей рукѣ: — «Вы такъ добры ко мнѣ».

— Я увидѣлъ свою собственную улыбку въ зеркалѣ, между тѣмъ какъ продолжалъ гладить его волосы:

— Да, да — сказалъ я и все водилъ рукою по его головѣ, а Кранжье закрылъ глаза.

— Ваша рука облегчаетъ, — сказалъ онъ, — мнѣ кажется, что она возвращаетъ меня къ жизни.

— Вамъ это кажется? — сказалъ я нѣжно, тѣмъ же самымъ голосомъ, и не сводилъ глазъ съ зеркала: я хотѣлъ, я долженъ былъ видѣть себя самого, хотѣлъ видѣть, какое у меня было лицо, когда я убивалъ чело-
вѣка.

— Говорите вашу сцену.

— Кранжье открылъ глаза.

— Хорошо, — и между тѣмъ какъ жилы вздулись на его дрожащихъ вискахъ, онъ произнесъ свою сцену; словно прочелъ, съ послѣднимъ усиліемъ воли, букву за буквой и звукъ за звукомъ на каменной доскѣ, — а я смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Хорошо, хорошо. Теперь въ вашихъ глазахъ была жизнь.

— Неужели? Благодарю васъ.

— Такъ готовьтесь же.

— Вы не уйдите? — сказалъ онъ и обернулся ко мнѣ; словно въ страхѣ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я — (и подумалъ: нѣтъ, будь спокоенъ, я тебя больше не оставлю, я останусь).

— Спасибо... Какъ вы добры.

Онъ хотѣлъ подняться и взять что-то, но не могъ, потому что ноги отказывались ему служить.

— У меня нѣтъ никакихъ силъ, — сказалъ онъ, снова охваченный страхомъ.

— Подождите, — сказалъ я. Я отворилъ дверь и позвалъ гардеробщика.

— Принесите мнѣ мое шампанское, — сказала я; и, пока мы ждали, я держалъ Кранжье за руку, которая дрожала въ моей рукѣ, какъ тѣло испуганной птицы.

— Вы должны выпить стаканчикъ, — сказалъ я, — это придастъ вамъ силы.

— Гардеробщикъ вернулся и за дверью, которую я ему открылъ, онъ сказалъ, подавая мнѣ бутылку и стаканъ:

— Режиссеръ спрашиваетъ, можно ли начинать.

— Я вынулъ часы и отвѣтилъ такимъ тономъ, словно дѣло шло только о вычисленіи продолжительности представленія:

— Можно начать черезъ двѣ минуты.

— Пейте, — сказалъ я и налилъ. Онъ отпилъ немного, между тѣмъ какъ электрическіе звонки раздались по всему помѣщенію: — «Еще немного», — сказалъ я. Онъ опять выпилъ, посмотрѣлъ на желтое вино, и сказалъ, съ улыбкой глядя на стаканъ:

— Мама, всегда говорила, что вино — ядъ, чтобы удержать меня отъ его употребленія.

— Спасибо.

— Еще немного.

— Можетъ быть, оно и ядъ, — сказалъ я и посмотрѣлъ на самого себя въ зеркалѣ.

— Онъ снова выпилъ.

— Ну, надо торопиться.

— Онъ приготовился. Въ его глазахъ былъ все тотъ же блескъ, какъ и раньше. — какого я добивался.

— Идемте, — сказалъ я.

— Онъ всталъ, и я пошелъ за нимъ. Онъ шелъ, выпрямившись. Вошелъ на сцену, и попробовалъ перила, къ которымъ ему надо было прислониться.

— Я буду стоять здѣсь, — сказалъ я и указалъ на мое мѣсто въ пяти шагахъ отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ.

— Спасибо, — сказалъ онъ съ такимъ взглядомъ, словно хотѣлъ измѣрить разстояніе, которое насъ раздѣляло.

— Такъ-то, Кранжъе, — сказалъ я и провелъ въ послѣдній разъ рукою по его волосамъ. Онъ схватилъ ее своей рукой, которая была холодна, какъ сталь, и съ улыбкой — о, съ улыбкой, которая была неопредѣленна, какъ у маленькаго ребенка — онъ сказалъ:

— О, учитель, у меня такое чувство, словно я долженъ умереть.

— Ну, — и онъ снова собрался съ силами, — теперь я могу начинать.

— Режиссеръ пришелъ съ часами въ рукѣ.

— Можно поднимать занавѣсъ, — сказалъ я.

— Кранжъе прислонился къ своимъ периламъ и кивнулъ мнѣ — коротко и рѣшительно.... О, я раньше ви-

дѣлъ человѣка, который такъ кивалъ головой, Эмиля Анри, когда онъ направлялся къ гильотинѣ!

— Занавѣсъ поднялся, и въ то же мгновеніе, въ одну секунду донеслась сумятица изъ зала, — публика размѣшалась, слышался смѣхъ, который вдругъ обрывался; волненіе, какъ передъ грозой, доносилось изъ зала; они увидѣли Кранжье... и волненіе стихло.

— Это тѣ, которые слышали мои слова о скандинавскихъ возрѣніяхъ, — подумалъ я.

— А Кранжье ходилъ и говорилъ....

— Онъ былъ сыномъ Санга, Эліасомъ.

Сѣверянинъ замолчалъ, и капли пота выступили у него на лбу, словно ему надо было и въ это мгновеніе вселить въ другое безсильное тѣло свою волю и свою душу.

Франсуа Карвилль положилъ свою голову на плечо румына.

Сѣверянинъ выпрямился.

— Раздался громъ рукоплесканій, когда онъ ушелъ. Кранжье вышелъ, какъ ошеломленный, и пьяный стоялъ, прислонившись къ кулисиѣ. — «Слушайте, слушайте, — сказалъ я, между тѣмъ какъ въ залѣ продолжали кричать, и я не думаю, что онъ слышалъ...

— Я повернулся и ушелъ. Что-то, кажется, тогда случилось, и — (сѣверянинъ скривилъ ротъ) въ теченіе всей остальной части вечера я не удѣлилъ Кранжье ни одной мысли. Не хотѣлъ ли я его вспоминать или дѣйствительно забылъ — какъ того, кто можетъ уйти? Я не знаю, знаю только, что совѣмъ его не вспомянулъ.

— Когда почти все кончилось, на сценѣ было уже темно, и Рюмберъ ждалъ меня внизу, у лѣстницы; мнѣ пришло въ голову: а Кранжъ? ты долженъ проститься съ этимъ человѣкомъ...

Я пошелъ по коридору и постучался. Тотъ ужъ совсѣмъ собирался уходить. Въ рукахъ у него была его шляпа, его жалкая шляпа: «я только что хотѣлъ, — сказалъ онъ, — мы только что хотѣли...» Я не смотрѣлъ на него, я не смѣлъ смотрѣть на него. Я не думалъ о немъ въ послѣдній часъ, съ того мгновенія, когда я ушелъ отъ него... и теперь, когда я вошелъ въ эту четырехугольную коморку, я не смѣлъ смотрѣть на него, смотрѣть ему въ лицо.

— Мы только что хотѣли, — сказалъ онъ и указалъ: — это моя мать — отправиться поблагодарить васъ.

И я взглянулъ на маленькую женщину — о, нѣтъ, маленькой, собственно, она не была, она только стала такой маленькой... казалось, она стояла на козлѣнкахъ, одѣвая въ какую-то удивительную накидку со странными кисточками, устремивъ на меня пару глазъ, ушедшихъ глубоко въ свои впадины, глазъ, которые слишкомъ много работали и стали слишкомъ сухими...

— Да, мы не знаемъ, какъ отблагодарить васъ, — сказала она и взяла мою руку своими шершавыми пальцами, — я не знаю, какъ васъ отблагодарить... Онъ вѣдь у меня единственный. Насъ только двое, и онъ такой добрый... — И слезы падали съ ея щекъ на мои руки — такую горячей бываетъ кровь, а не слезы...

Я не знаю, что я отвѣтилъ. Я думалъ только одно: — «Ты долженъ уйти — уйти отсюда...» И я вдругъ уви-

дѣлъ Кранжье—онъ стоялъ, прислонившись къ стулу, у него на щекахъ выступило два слишкомъ большихъ красныхъ пятна.

— Но теперь онъ усталъ, — услышалъ я, какъ сказала мать, и она обняла его голову.

— Да, — отвѣтилъ я, — теперь вамъ надо отдохнуть, Кранжье.

— До свиданія, madame, — и я засмѣялся.

— До свиданія, Кранжье...

— До свиданія...

— Гдѣ ты былъ? — спросилъ Рюмберъ, который вышелъ наружу, стоялъ и ждалъ у экипажа.

— Я простился, — сказалъ я и вошелъ въ экипажъ.

— Отвези меня домой. Мы поужинаемъ.

— Я слишкомъ усталъ, — отвѣтилъ я.

Онъ отвезъ меня домой, и я спалъ всю ночь, какъ убитый. На слѣдующее утро я поѣхалъ въ С.-Жермэнъ. Мой врачъ потребовалъ этого. Кромѣ того, я всегда любилъ террасу въ С.-Жермэнъ, гдѣ зеленныя виноградныя лозы свѣшиваются надъ всѣми обрывами. Кажется, что съ этихъ террасъ видна вся свѣтлая Франція. Я пробылъ здѣсь день, и когда я на слѣдующій день къ вечеру вернулся домой съ моей прогулки, портъ сказалъ:

— Какой-то господинъ ждетъ васъ въ приѣмной.

— Господинъ? — я никого не ожидалъ.

— Да, господинъ изъ Парижа.

Я вошелъ. Это былъ директоръ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ въ окно.

— Это вы? — сказалъ я, — что вамъ нужно?

— Вы слышали? — спросилъ онъ.

— Что?

— Кранжъ умеръ.

Мое лицо не дрогнуло, когда я спросилъ:

— Неужели?

— Отъ чего?

О, я былъ спокоенъ, такимъ изумленно-спокойнымъ бываетъ убійца на мѣстѣ преступленія, куда его привело начальство для допроса, если онъ не хочетъ, чтобы его накрыли.

Но директоръ только повторилъ и провелъ рукою по лбу!

— Онъ умеръ...

Онъ взглянулъ на меня — и, замѣтивъ его взглядъ, я сказалъ самому себѣ: «Ага, тебѣ теперь ты хочешь свалить съ себя отвѣтственность — перенести ее на меня».

— «Говорятъ, что у него было сотрясеніе мозга. Въ послѣднія минуты онъ звалъ васъ».

Сѣверянинъ замолчалъ. Никто изъ насъ не говорилъ, а Раоло курилъ, смотря на сплетающіяся змѣйки дыма.

— Пойдемте, — сказалъ Франсуа Карвилль.

— Да, — сказалъ я, — намъ надо идти. Уже поздно.

Мы поднялись и вышли изъ сада. Гроза совсѣмъ прошла. Отъ цвѣтовъ, отъ клѣтокъ и деревьевъ неся странный воздухъ — пряный или горькій — навстрѣчу намъ.

Большіе фонари были уже потушены.

Только маленькія желтоватыя лампочки горѣли еще между деревьевъ, словно погасшіе и еще послѣ смерти раскрытые глаза птицъ мудрости.

СОДЕРЖАНІЕ.

Бѣлый домъ.	1
Странные разказы.	
Барханъ умеръ.	143
Но ты вспомнишь меня	165
Сильнѣ всего	183
